

Лев Толстой

Всё самое
лучшее
для детей

Толстой Л.Н. Всё самое лучшее для детей: сборник // АСТ, Москва, 2013
ISBN: 978-5-17-078720-3
FB2: "unknown", 30.07.2014, version 1.1
FB2: "Sergius", 30.07.2014, version 1.1
UUID: 871B5E5D-4802-4F53-AFBD-FDF253ED5D5C
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Лев Николаевич Толстой

Всё самое лучшее для детей (сборник)

В этой книге для семейного чтения собраны лучшие произведения Льва Николаевича Толстого, которые вот уже более века пользуются любовью и у малышей-дошкольников, и у требовательных подростков.

Главные герои рассказов — дети, «бедовые», «ловкие», и потому близкие современным мальчишкам и девочкам. Книга учит любви — к человеку и ко всему, что его окружает: природе, животным, родной земле. Она добра и светла, как всё творчество гениального писателя.

Художники Надежда Лукина, Ирина и Александр Чукавины.

Содержание

РАССКАЗЫ	0012
Филипок	0013
Спорщики	0018
Ленивая дочь	0020
Старый дед и внучек	0021
Косточка	0024
Собака Якова	0026
Котёнок	0029
Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить	0031
Девочка и грибы	0034
Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город	0036
Птичка	0038
Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза	0043
Пожар	0044
Корова	0048
Старая лошадь	0052
Как я выучился ездить верхом Рассказ барина	0057
Как мальчик рассказывал о том, как он перестал бояться слепых нищих	0063
Подкидыш	0065
Федотка	0067

Солдаткино житьё Рассказ мужика	0070
Медведь на повозке	0083
Два купца	0085
Галчонок	0087
Ворон и воронята	0089
Лев и собачка	0092
Старый тополь	0095
Лозина	0097
Черёмуха	0100
Как ходят деревья	0102
Деревья дышат	0104
Яблони	0106
Как волки учат своих детей	0109
Зайцы Описание	0111
Русак Описание	0113
Сова и заяц	0116
Булька Рассказ офицера	0118
Булька и кабан	0121
Фазаны Описание	0126
Мильтон и Булька	0129
Черепаша	0132
Булька и волк	0135
Что случилось с Булькой в Пятигорске . . .	0140
Конец Бульки и Мильтона	0145
Сан-готардская собака Описание	0148
Орёл	0150
Пожарные собаки	0152
Воробей и ласточки	0154

Первый перелёт	0156
Шелковичный червь	0158
Охота пуще неволи Рассказ охотника	0166
СКАЗКИ	0184
Три медведя	0185
Липунюшка	0190
Ёж и заяц	0194
Волк и старуха	0197
Весёлая белка	0199
Как мужик лошадь переупрямил	0200
Телёнок на льду	0201
Царь и избушка	0203
Мужик и огурцы	0206
Большая печка	0208
Бестолковый мужик	0211
Как дурак кисель резал	0212
Три вора	0213
Как мужик гусей делил	0217
Уж	0220
Ровное наследство	0224
Царь и рубашка	0226
Праведный судья	0228
Два брата	0235
Как дядя Семён рассказывал про то, что с ним в лесу было	0240
Работник Емельян и пустой барабан	0243
Золотоволосая царевна	0260
Мышь-девочка	0263

Визирь Абдул	0266
Мальчик с пальчик	0268
Строгое наказание	0275
Царские братья	0277
Волк и мужик	0279
БЫЛИ	0283
Кто прав?	0284
Самокрутка	0285
Три калача и одна баранка	0288
Как вор сам себя выдал	0289
Жилетка	0292
Мудрый старик	0294
Прыжок	0295
Акула	0299
Индеец и англичанин	0304
Удача	0306
Баба и курица	0307
Как мужик убрал камень	0308
1000 золотых	0310
Архиерей и разбойник	0312
Камень	0316
От скорости сила	0318
Как в городе Париже починили дом	0319
Китайская царица Силянчи	0320
Как научились бухарцы разводить шелковичных червей	0322
Как тётушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачёв дал гривенник	

.....	0324
Бог правду видит, да не скоро скажет.....	0329
БАСНИ	0347
Стрекоза и муравьи.....	0348
Работницы и петух.....	0349
Собака и её тень.....	0350
Лгун.....	0351
Старик и смерть.....	0353
Заяц и гончая собака.....	0354
Лев и мышь.....	0355
Царь и сокол.....	0357
Отец и сыновья.....	0359
Делёж наследства.....	0360
Зайцы и лягушки.....	0361
Шакалы и слон.....	0363
Волк и охотники.....	0365
Тонкие нитки.....	0366
Мужик и лошадь.....	0368
Царь и слоны.....	0370
Птицы и сети.....	0372
Корова и козёл.....	0374
Обезьяна и горох.....	0376
Собаки и повар.....	0377
Слепой и молоко.....	0379
Два товарища.....	0381
Лисица и виноград.....	0382
Голова и хвост змеи.....	0384
Олень и ланчук.....	0385

Олень	0386
Рыбак и рыбка	0387
Лисица и козёл	0388
Волк и журавль	0389
Утка и месяц	0390
Мышь под амбаром	0393
Курица и ласточка	0394
Две лошади	0395
Самые лучшие груши	0397
Сокол и петух	0398
Цапля, рыбы и рак	0399
Водяной и жемчужина	0401
Муравей и голубка	0403
Дикий и ручной осёл	0404
Обезьяна	0404
Осёл и лошадь	0406
Галка и голуби	0408
Черепашка и орёл	0409
Собака, петух и лисица	0410
Лошадь и конюх	0412
Дойная корова	0413
Лисица	0413
Собака и волк	0414
Комар и лев	0416
Лошадь и хозяйева	0417
Волк и лук	0419
Лев и лисица	0421
Осёл в львиной шкуре	0422

Олень и виноградник	0423
Топор и пила	0425
Кот и мыши	0426
Перепёлка и перепелята	0428
Волк и коза	0429
Камыш и маслина	0430
Дуб и орешник	0432
Лев, волк и лисица	0434
Волк и ягнёнок	0436
Наседка и цыплята	0437
Лев, осёл и лисица	0438
Мужик и водяной	0440
Ворон и лисица	0442
ЧТО, КАК И ПОЧЕМУ?	0443
Астрономы	0444
Тепло Рассуждение	0448
Солнце — тепло Рассуждение	0452
Отчего в темноте видно? Рассуждение	0457
Осязание и зрение Рассуждение	0459
Чутьё Рассуждение	0460
Откуда взялся огонь, когда люди не знали огня?	0464
Сырость Рассуждение	0469
Отчего в морозы трещат деревья? Рассуждение	0473
Куда девается вода из моря? Рассуждение	0475
Отчего бывает ветер? Рассуждение	0476
Для чего ветер? Рассуждение	0478

Какая бывает роса на траве	Описание . . .	0482
Вредный воздух	Быль	0484
Кристаллы	Рассуждение	0488
Удельный вес	История	0493
Магнит	Описание	0495
ИСТОРИЯ		0499
Волга и Вазуза		0500
Шат и Дон		0503
Судома		0505
Смерть Олега		0507
Как боролся русский богатырь		0509
Пётр I и мужик		0512
Святогор-богатырь		0515
Микулушка Селянинович		0519
КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК		0529
1		0530
2		0539
3		0551
4		0558
5		0565
6		0574
Словарь		0586

Лев Толстой
Всё самое лучшее для детей

РАССКАЗЫ

Филипок

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?

— В школу.

— Ты ещё мал, не ходи, — и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра

уехал в лес, мать ушла на *подённую работу*. Остались в избе Филипок да бабушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую, отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой — большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал.

Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух.

Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: «Что как учитель меня прогонит?» И стал он думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, в школу идти — учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да ты кто?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы,

а Филипок их уж знал и немножко читать умел.

— Ну-ка сложи свое имя.

Филипок сказал:

— Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок.

Все засмеялись.

— Молодец, — сказал учитель. — Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

— Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Спорщики

Два человека на улице нашли вместе книгу и стали спорить, кому её взять. Третий шёл мимо и спросил: — Кто из вас умеет читать?

— Никто.

— Так зачем вам книга? Вы спорите всё равно, как два плешивых дрались за гребень, а самим чесать нечего было.

Ленивая дочь

Мать с дочерью достали бадью воды и хотели несть в избу.

Дочь сказала:

— Тяжело нести, дай я воды солью немного.

Мать сказала:

— Сама дома пить будешь, а если сольёшь, надо будет идти в другой раз.

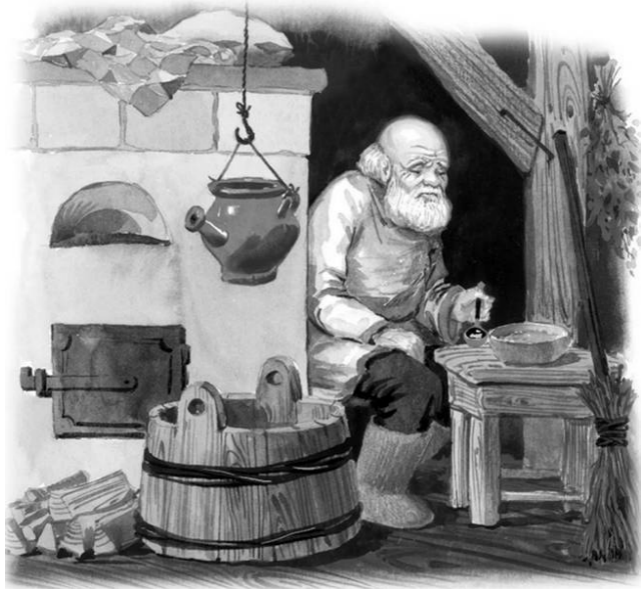
Дочь сказала:

— Я дома не буду пить, а тут на весь день напьюсь.

Старый дед и внучек

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не

было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой.

Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им всё в доме портит и чашки бьёт, и сказала, что те-

перь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет — что-то слаживает. Отец и спросил:

— Что ты это делаешь, Миша?

А Миша и говорит:

— Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

Косточка

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда.

Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил

мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Собака Якова

У одного караульщика была жена и двое детей — мальчик и девочка. Мальчику было семь лет, а девочке было пять лет. У них была лохматая собака с белой мордой и большими глазами.

Один раз караульщик пошёл в лес и велел жене не пускать детей из дома, потому что

волки всю ночь ходили около дома и бросались на собаку.

Жена сказала:

— Дети, не ходите в лес, — а сама села работать.

Когда мать села работать, мальчик сказал своей сестре:

— Пойдём в лес, я вчера видел яблоню, и на ней поспели яблоки.

Девочка сказала:

— Пойдём.

И они побежали в лес.

Когда мать кончила работать, она позвала детей, но их не было. Она вышла на крыльцо и стала кликать их. Детей не было.

Муж пришёл домой и спросил:

— Где дети?

Жена сказала, что она не знает.

Тогда караульщик побежал искать детей.

Вдруг он услышал, что визжит собака. Он побежал туда и увидал, что дети сидят под кустом и плачут, а волк сцепился с собакой и грызёт её. Караульщик схватил топор и убил волка. Потом взял детей на руки и побежал с ними домой.

Когда они пришли домой, мать заперла дверь, и они сели обедать.

Вдруг они услышали, что собака визжит у двери. Они вышли на двор и хотели впустить собаку в дом, но собака была вся в крови и не могла ходить.

Дети принесли ей воды и хлеба. Но она не хотела ни пить, ни есть и только лизала им руки. Потом она легла на бок и перестала визжать. Дети думали, что собака заснула; а она умерла.

Котёнок

Были брат и сестра — Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услышали — над головой что-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Ка-

тя стояла внизу и всё спрашивала:

— Нашёл? Нашёл?

Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

— Нашёл! Наша кошка... И у неё котят; такие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка. Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» — и увидели, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидели котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глу-

пый, вместо того, чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак.

Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принёс домой котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

**Как тётушка рассказывала о том, как
она выучилась шить**

Когда мне было шесть лет, я просила мать
дать мне шить.

Она сказала:

— Ты ещё мала, ты только пальцы нако-
лешь.

А я всё приставала. Мать достала из сунду-
ка красный лоскут и дала мне; потом вдела в
иголку красную нитку и показала мне, как
держат. Я стала шить, но не могла делать

ровных стежков: один стежок выходил большой, а другой попадал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня:

— Что ты?

Я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне идти играть.

Когда я легла спать, мне всё мерещились стежки; я всё думала о том, как бы мне скорее выучиться шить, и мне казалось так трудно, что я никогда не выучусь.

А теперь я выросла большая и не помню, как выучилась шить; и когда я учу шить свою девочку, удивляюсь, как она не может держать иголку.

Девочка и грибы

Две девочки шли домой с грибами. Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что *машина* далеко, слезли на насыпь и пошли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая — перебежала через дорогу.

Старшая девочка закричала сестре:

— Не ходи назад!

Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая девочка не расслышала; она подумала, что ей велят бежать назад.

Она побежала назад через рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел что было силы.

Старшая девочка кричала:

— Брось грибы!

А маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она свистала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала. Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что случилось с девочкой.

Когда поезд прошёл, все увидели, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал далеко, девочка подняла голову, вскочила на колени, собрала грибы и побежала к сестре.

Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город

Собрался батюшка в город, а я ему говорю:
— Батя, возьми меня с собой.

А он говорит:

— Ты там замёрзнешь; куда тебя...

Я повернулся, заплакал и пошёл в чулан.

Плакал-плакал и заснул.

И вижу я во сне, будто от нашей деревни небольшая дорожка к часовне, и вижу я — по этой дорожке идёт батя. Я догнал его, и мы пошли с ним вместе в город. Иду я и вижу — впереди топится печка. Я говорю: «Батя, это город?» А он говорит: «Он самый». Потом мы дошли до печки, и вижу я — там пекут калачи. Я говорю: «Купи мне калачика». Он купил и дал мне.

Тут я проснулся, встал, обулся, взял рукавицы и пошёл на улицу. На улице ребята катаются на *ледянках* и на салазках. Я стал с ними кататься и катался до тех пор, пока не иззяб.

Только я вернулся и влез на печку, слышу — батя вернулся из города. Я обрадовался, вскочил и говорю:

— Батя, что — купил мне калачика?

Он говорит:

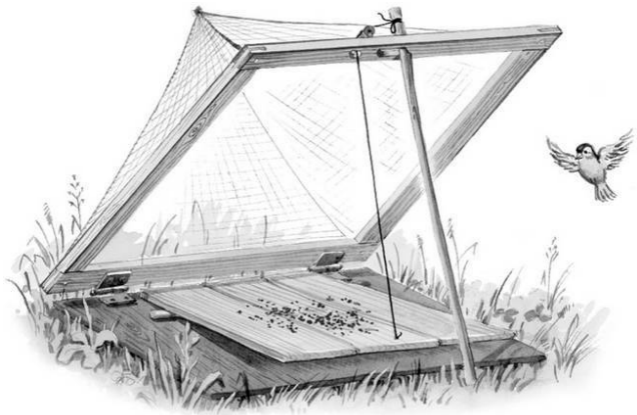
— Купил, — и дал мне калач.

Я с печи скочил на лавку и стал плясать от

радости.

Птичка

Был Серёжа именинник, и много ему разных подарили подарков: и волчки, и кони, и картинки. Но дороже всех подарков подарил дядя Серёже сетку, чтобы птиц ловить. Сетка сделана так, что на рамке приделана дощечка, и сетка откинута. Насыпать семя на дощечку и выставить на двор. Прилетит птичка, сядет на дощечку, дощечка подвернётся, и сетка сама захлопнется. Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку.

Мать говорит:

— Не хороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их мучить будешь!

— Я их в клетки посажу. Они будут петь, и я их буду кормить.

Достал Серёжа семя, насыпал на дощечку и выставил сетку в сад. И всё стоял, ждал, что птички прилетят. Но птицы его боялись и не летели на сетку. Пошёл Серёжа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда, сетка захлопнулась и под сеткой бьётся птичка. Серёжа обрадовался, поймал птичку и понёс домой.

— Мама! Посмотрите, я птичку поймал, это, верно, соловей!..И как у него сердце бьёт-

ся!

Мать сказала:

— Это чиж. Смотри же, не мучай его, а лучше пусти.

— Нет, я его кормить и поить буду.

Посадил Серёжа чижа в клетку и два дня сыпал ему семя, и ставил воду, и чистил клетку. На третий день он забыл про чижа и не переменял ему воду. Мать ему и говорит:

— Вот видишь, ты забыл про свою птичку, лучше пусти её.

— Нет, я не забуду, я сейчас поставлю воды и вычищу клетку.

Засунул Серёжа руку в клетку, стал чистить, а чижик испугался, бьётся об клетку. Серёжа вычистил клетку и пошёл за водой. Мать увидела, что он забыл закрыть клетку, и кричит ему:

— Серёжа, закрой клетку, а то вылетит и убьётся твоя птичка!

Не успела она сказать, чижик нашёл дверку, обрадовался, распустил крылышки и полетел через горницу к окошку. Да не видал стекла, ударился о стекло и упал на подоконник.

Прибежал Серёжа, взял птичку, понёс её в

клетку. Чижик был ещё жив; но лежал на груди, распутивши крылышки, и тяжело дышал. Серёжа смотрел, смотрел и начал плакать.

— Мама! Что мне теперь делать?

— Теперь ничего не сделаешь.

Серёжа целый день не отходил от клетки и всё смотрел на чирика, а чирик всё так же лежал на грудке и тяжело и скоро дышал. Когда Серёжа пошёл спать, чирик ещё был жив. Серёжа долго не мог заснуть. Всякий раз, как закрывал глаза, ему представлялся чирик, как он лежит и дышит. Утром, когда Серёжа подошёл к клетке, он увидел, что чирик уже лежит на спинке, поджал лапки и заостенел.

С тех пор Серёжа никогда не ловил птиц.

Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошёл до лесу, набрал грибов и хотел идти домой. Вдруг стало темно, пошёл дождь и загремело. Я испугался и сел под большой дуб. Блеснула молния, такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрещало и загремело; потом что-то ударило меня в голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу капало с деревьев, пели птицы и играло солнышко. Большой дуб сломался, и из пня шёл дым. Вокруг меня лежали *оскрётки* от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка и было немножко больно. Я нашёл свою шапку, взял грибы и побежал домой.

Дома никого не было, я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидел с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал:

— Что вы без меня едите?

Они говорят:

— Что ж ты спишь? Иди скорей, ешь.

Пожар

В жнитво мужики и бабы ушли на работу. В деревне остались только старые да малые. В одной избе оставались бабушка и трое внучат. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На неё садились мухи и кусали её. Она

закрыла голову полотенцем и заснула.

Одна из внучек, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольев в черепок и пошла в сени. А в сенях лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на *свясла*.

Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата Кирюшку (ему было полтора года, и он только что выучился ходить), и сказала:

— Глянь, Килюска, какую я печку вздула.

Снопы уже горели и трещали. Когда застлало сени дымом, Маша испугалась и побежала назад в избу. Кирюшка упал на пороге, расшиб нос и заплакал; Маша втащила его в избу, и они оба спрятались под лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала.

Старший мальчик Ваня (ему было восемь лет) был на улице. Когда он увидел, что из сеней валит дым, он вбежал в дверь, сквозь дым проскочил в избу и стал будить бабушку; но бабушка спросонок ошалела и забыла про детей, выскочила и побежала по дворам за народом.

Маша тем временем сидела под лавкой и молчала; только маленький мальчик кричал, потому что больно разбил себе нос. Ваня услышал его крик, поглядел под лавку и закричал Маше:

— Беги, сторишь!

Маша побежала в сени, но от дыма и от огня нельзя было пройти. Она вернулась назад. Тогда Ваня поднял окно и велел ей лезть. Когда она пролезла, Ваня схватил брата и потащил его. Но мальчик был тяжёл и не давался брату. Он плакал и толкал Ваню. Ваня два раза упал, пока дотащил его к окну, дверь в избе уже загорелась. Ваня просунул мальчикову голову в окно и хотел протолкнуть его; но мальчик (он очень испугался) ухватился ручонками и не пускал их. Тогда Ваня закричал Маше:

— Тащи его за голову! — а сам толкал сзади. И так они вытащили его в окно на улицу и сами выскочили.

Корова

Жила вдова Марья со своей матерью и с шестью детьми. Жили они бедно. Но купили на последние деньги бурую корову, чтоб было молоко для детей. Старшие дети кормили Бурёнушку в поле и давали ей помои дома. Один раз мать вышла со двора, а старший мальчик Миша полез за хлебом на полку, уронил стакан и разбил его. Миша испугался, что

мать его будет бранить, подобрал большие стёкла от стакана, вынес на двор и зарыл в навозе, а маленькие стёклышки все подобрал и бросил в лоханку. Мать хватилась стакана, стала спрашивать, но Миша не сказал; и так дело осталось.

На другой день после обеда пошла мать давать Бурёнушке помой из лоханки, видит — Бурёнушка скучна и не ест корма. Стали лечить корову, позвали бабку. Бабка сказала:

— Корова жива не будет, надо её убить на мясо.

Позвали мужика, стали бить корову. Дети услышали, как на дворе заревела Бурёнушка. Собрались все на печку и стали плакать.

Когда убили Бурёнушку, сняли шкуру и разрезали на части, у ней в горле нашли стекло. И узнали, что она издохла от того, что ей попало стекло в помоях.

Когда Миша узнал это, он стал горько плакать и признался матери о стакане. Мать ничего не сказала и сама заплакала. Она сказала:

— Убили мы свою Бурёнушку, купить теперь не на что. Как проживут малые дети без

молока?

Миша ещё пуще стал плакать и не слезал с печи, когда ели студень из коровьей головы. Он каждый день во сне видел, как дядя Василий нёс за рога мёртвую, бурую голову Бурёнушки с открытыми глазами и красной шеей.

С тех пор у детей молока не было. Только по праздникам бывало молоко, когда Марья попросит у соседей горшочек.

Случилось, барыне той деревни понадобилась к дитяти няня. Старушка и говорит дочери:

— Отпусти меня, я пойду в няни, и тебе, может, Бог поможет одной с детьми управляться. А я, бог даст, заслужу в год на корову.

Так и сделали. Старушка ушла к барыне. А Марье ещё тяжелее с детьми стало. И дети без молока целый год жили: один кисель и *тюрю* ели и стали худые и бледные.

Прошёл год, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей.

— Ну, дочка! — говорит. — Теперь купим корову.

Обрадовалась Марья, обрадовались все дети. Собрались Марья со старухой на базар по-

купать корову. Соседку попросили с детьми побыть, а соседа дядю Захара попросили с ними поехать, выбирать корову. Помолились Богу, поехали в город.

Дети пообедали и вышли на улицу смотреть: не ведут ли корову. Стали дети судить, какая будет корова — бурая или чёрная. Стали они говорить, как её кормить будут. Ждали они, ждали целый день. За *версту* ушли встречать корову, уж смеркаться стало, вернулись назад. Вдруг видят: по улице едет на телеге бабушка, а у заднего колеса идёт пёстрая корова, за рога привязана, и идёт сзади мать, хворостиной подгоняет. Подбежали дети, стали смотреть корову. Набрали хлеба, травы, стали кормить.

Мать пошла в избу, разделась и вышла на двор с полотенцем и подойником. Она села под корову, обтёрла вымя. Господи, благослови! — стала доить корову; а дети сели кругом и смотрели, как молоко брызнуло из вымя в край подойника и засвистело у матери из-под пальцев. Надоила мать половину подойника, снесла на погреб и отлила детям горшочек к ужину.

Старая лошадь

У нас был старый старик, Пимен Тимофеич. Ему было девяносто лет. Он жил у своего внука без дела. Спина у него была согнутая, он ходил с палкой и тихо передвигал ногами. Зубов у него совсем не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда он ходил и когда говорил, он шлёпал губами, и нельзя было понять, что он говорит.

Нас было четыре брата, и все мы любили ездить верхом. Но смирных лошадей у нас для езды не было. Только на одной старой лошади нам позволяли ездить: эту лошадь звали Воронок.

Один раз матушка позволила нам ездить верхом, и мы все пошли в конюшню с дядькой. Кучер оседлал нам Воронка, и первый поехал старший брат.

Он долго ездил; ездил на гумно и кругом сада, и, когда он подъезжал назад, мы закричали:

— Ну, теперь проскачи!

Старший брат стал бить Воронка ногами и хлыстом, и Воронок проскакал мимо нас.

После старшего сел другой брат, и он ездил долго и тоже хлыстом разогнал Воронка и проскакал из-под горы. Он ещё хотел ездить, но третий брат просил, чтобы он поскорее пустил его.

Третий брат проехал и на гумно, и вокруг сада, да ещё и по деревне, и шибко проскакал из-под горы к конюшне. Когда он подъехал к нам, Воронок сопел, а шея и лопатки потемнели у него от пота.

Когда пришёл мой черёд, я хотел удивить братьев и показать им, как я хорошо езжу, — стал погонять Воронка изо всех сил, но Воронок не хотел идти от конюшни. И сколько я ни колотил его, он не хотел скакать, а шёл шагом и то всё заворачивал назад. Я злился на лошадь и изо всех сил бил её хлыстом и ногами.

Я старался бить её в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бить по голове. Но Воронок всё не хотел скакать.

Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне:

— Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?

Я обиделся и сказал:

— Как же, я совсем не ездил? Посмотри, как я сейчас проскачу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожгу.

Тогда дядька покачал головой и сказал:

— Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему двадцать лет. Лошадь измучена, насилу дышит, да и стара. Ведь она такая старая! Всё равно как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то через силу погоняли бы его хлыстом. Что же, вам не жалко бы было?

Я вспомнил про Пимена и послушал дядьки. Я слез с лошади, и когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него

прощения за то, что я его бил.

С тех пор я вырос большой и всегда жалею лошадей и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимофеича, когда вижу, что мучают лошадей.

Как я выучился ездить верхом *Рассказ барина*

Когда жили в городе, мы каждый день учились, только по воскресеньям и по праздникам ходили гулять и играли с братьями. Один раз батюшка сказал:

— Надо старшим детям учиться ездить верхом. Послать их в манеж.

Я был меньше всех братьев и спросил:

— А мне можно учиться?

Батюшка сказал:

— Ты упадёшь.

Я стал просить его, чтоб меня тоже учили, и чуть не заплакал.

Батюшка сказал:

— Ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадёшь. Кто ни разу не упадёт с лошади, не выучится верхом ездить.

Когда пришла середина, нас троих повезли в манеж. Мы вошли на большое крыльцо, а с большого крыльца прошли на маленькое крылечко. А под крылечком была очень большая комната. В комнате вместо пола был песок. И по этой комнате ездили верхом господа и барыни и такие же мальчишки, как мы. Это и был манеж. В манеже было не совсем светло и пахло лошадьми, и слышно было, как хло-

пают бичами, кричат на лошадей, и лошади стучат копытами о деревянные стены.

Я сначала испугался и не мог ничего рассмотреть. Потом наш дядька позвал *берейтора* и сказал:

— Вот этим мальчикам дайте лошадей, они будут учиться ездить верхом.

Берейтор сказал:

— Хорошо.

Потом он посмотрел на меня и сказал:

— Этот мал очень.

А дядька сказал:

— Он обещает не плакать, когда упадёт.

Берейтор засмеялся и ушёл.

Потом привели трёх осёдланных лошадей; мы сняли шинели и сошли по лестнице вниз в манеж, берейтор держал лошадь за *корду*, а братья ездили кругом него.

Сначала они ездили шагом, потом рысью. Потом привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвост у неё был обрезан. Её звали Червончик. Берейтор засмеялся и сказал мне:

— Ну, кавалер, садитесь.

Я и радовался, и боялся, и старался так сделать, чтоб никто этого не заметил. Я долго

старался попасть ногою в стремя, но никак не мог, потому что я был слишком мал. Тогда берейтор поднял меня на руки и посадил. Он сказал:

— Не тяжёл барин — *фунта* два, больше не будет.

Он сначала держал меня за руку; но я видел, что братьев не держали, и просил, чтобы меня пустили. Он сказал:

— А не боитесь?

Я очень боялся, но сказал, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончик всё поджимал уши. Я думал, что он на меня сердится.

Берейтор сказал:

— Ну, смотрите ж, не падайте! — и пустил меня.

Сначала Червончик ходил шагом, и я держался прямо. Но седло было скользкое, и я боялся свернуться.

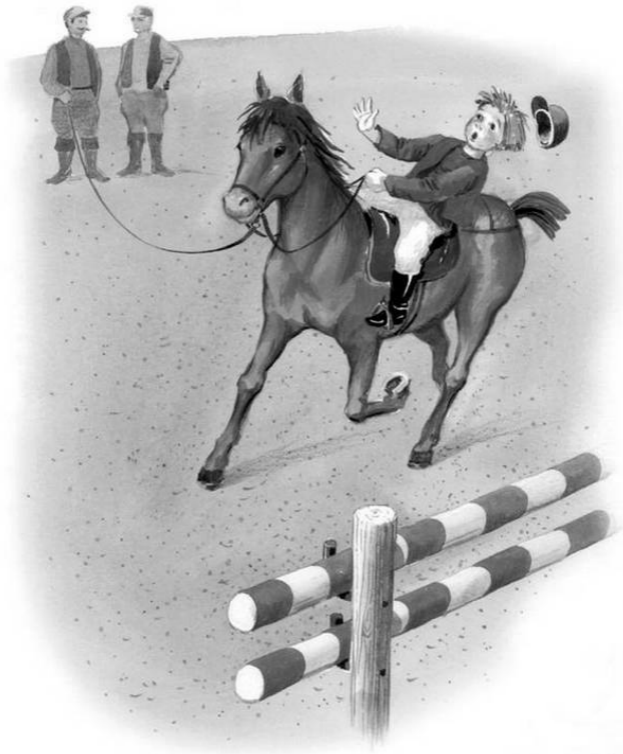
Берейтор меня спросил:

— Ну, что, утвердились?

Я ему сказал:

— Утвердился.

— Ну, теперь рысцой! — и берейтор защёлкал языком.

Червончик побежал маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я всё молчал и

старался не свернуться на бок. Берейтор меня похвалил:

— Ай да кавалер, хорошо!

Я был очень этому рад.

В это время к берейтору подошёл его товарищ и стал с ним разговаривать, и берейтор перестал смотреть на меня.

Только вдруг я почувствовал, что я свернулся немножко на бок седла. Я хотел поправиться, но никак не мог. Я хотел закричать берейтору, чтоб он остановил, но думал, что будет стыдно, если я это сделаю, и молчал. Берейтор не смотрел на меня. Червончик всё бежал рысью, и я ещё больше сбился на бок. Я посмотрел на берейтора и думал, что он поможет мне; а он всё разговаривал со своим товарищем и, не глядя на меня, приговаривал:

— Молодец, кавалер!

Я уже совсем был на боку и очень испугался. Я думал, что я пропал. Но кричать мне стыдно было.

Червончик потрянул меня ещё раз, я совсем соскользнул и упал на землю. Тогда Червончик остановился, берейтор оглянулся и увидел, что на Червончике меня нет. Он сказал:

— Вот-те на! Свалился кавалер мой, — и подошёл ко мне.

Когда я ему сказал, что не ушибся, он засмеялся и сказал:

— Детское тело мягкое.

А мне хотелось плакать.

Я попросил, чтобы меня опять посадили, и меня посадили. И я уж больше не падал.

Так мы ездили в манеже два раза в неделю, и я скоро выучился ездить хорошо и ничего не боялся.

Как мальчик рассказывал о том, как он перестал бояться слепых нищих

Когда я был маленький, меня пугали слепыми нищими, и я боялся их.

Один раз я пришёл домой, а на крыльце сидело двое слепых нищих. Я не знал, что мне делать; я боялся бежать назад и боялся пройти мимо них: я думал, что они схватят меня.

Вдруг один из них (у него были белые, как молоко, глаза) поднялся, взял меня за руку и сказал:

— Паренёк! Что же милостыньку?

Я вырвался от него и прибежал к матери.

Она выслала со мною денег и хлеба.

Нищие обрадовались хлебу, стали креститься и есть. Потом нищий с белыми глазами сказал:

— Хлеб твой хороший — спаси Бог.

И он опять взял меня за руку и ощупал её.

Мне его стало жалко, и с тех пор я перестал бояться слепых нищих.

Подкидыш

У бедной женщины была дочь Маша. Маша утром пошла за водой и увидела, что у двери лежит что-то завёрнутое в тряпки. Маша поставила вёдра и развернула тряпки. Когда она тронула тряпки, из них закричало что-то: уа! уа! уа! Маша нагнулась и увидела, что это был маленький красный ребёночек. Он громко кричал: уа! уа! Маша взяла его в руки и понесла в дом, и стала с ложки поить молоком.

Мать сказала:

— Что ты принесла?

Маша сказала:

— Ребёночка, я нашла у нашей двери.

Мать сказала:

— Мы и так бедны, где нам кормить ещё ребёнка; я пойду к начальнику и скажу, чтоб его взяли.

Маша заплакала и сказала:

— Матушка, он не много будет есть, оставь его. Посмотри, какие у него красненькие сморщенные ручки и пальчики.

Мать посмотрела, ей стало жалко. Она оставила ребёнка.

Маша кормила и пеленала ребёнка, и пела ему песни, когда он ложился спать.

Федотка

Жил в деревне в бедной семье мальчик. Звали его Федотка. Вырос мальчик и послал его отец к старшему брату в город на заработки по кровельному делу. Приехал Федотка к старшему, стал учиться работать. И не успел научиться порядком, как старший брат заболтался, бросил работу и пропал куда-то.

Остался Федотка один, и заманили его к себе дурные люди, и научили его пить вино и воровать. Малый он был ловкий, понятливый и сильный.

Прожил он с ворами три года и стал у них первым коноводом. Жил он так год и два, воровал и пьянствовал. Но пришло время, попался он. Его судили и посадили в тюрьму на полтора года. В тюрьме ему было жить хорошо, пока были деньги, но когда вышли все деньги, он подговорил товарищей двух и с ними подкопался и убежал из тюрьмы.

И стал жить Федот опять по-прежнему. Воровал он и в городах вещи, и деньги из домов, и всё ему удавалось. И прожил он так лет 10. Но пришло время, и его же товарищ донёс на него; его схватили, и опять судили, и приговорили в Сибирь. По дороге в Сибирь он опять бежал и тут, в Сибири, сошёлся с таким же, как он, молодцом и стал уже не только воровать, но и грабить.

Уже было ему лет за пятьдесят, когда случилось ему с товарищами забраться ночью к богатому старику сибиряку. Зашли они в горницу, связали старика, и рот ему завязали, и

стали хозяйничать, а старуха услышала, выскочила в сени и стала кричать. Ухватил её Федот за руку и втащил в избу. Она ещё пуще кричит. Того и гляди, из другой горницы народ услышит.

Рассерчал он на неё и ударил топором по голове.

Крикнула она:

— Что ты сделал, злодей? — и упала на спину.

Обобрали они всё, что было хорошего в доме, — и деньги из сундука, — и уехали в свой притон на конце города. Разделили они добычу и стали пить. Но сколько ни пил Федот, не мог он забыть старухи, как она ахнула и сказала: «Что ты, злодей, сделал?» И так день и ночь представлялась она ему и не давала покоя. Товарищи его заснули, а у него ни в одном глазе сна не было.

И вышел он на заре из дома и пошёл в поле. Дело было летом. И сел он на пригорке, и стал он вспоминать всю свою прежнюю жизнь, и проснулся в нём дух Божий, и возненавидел он своё тело и все дела свои, и стал думать о том, что умрёт он так же, как и та

старуха, что он убил, и вспомнил он в первый раз о Боге, и стало ему скучно, и не знал он, что ему делать.

И день и ночь просидел он в поле, а на другое утро пошёл в город и заявил начальству, что он вор и убийца, чтобы его вязали и вели в *острог*. И признался он во всех делах своих и засудили его на каторгу в Сибирь. И чем телу его тяжелее было, тем легче ему на душе было. И прожил он в Сибири 10 лет, и стал другим человеком.

Солдаткино житьё

Рассказ мужика

Мы жили бедно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила в старом *чупруне* и хуленькой *панёве*, а голову завязывала какой-то ветошкой, и под горлом у ней висел мешочек. Бабушка любила и жалела меня больше матери. Отец мой был в солдатах. Говорили про него, что он много пил и за то его отдали в солдаты. Я как сквозь сон помню, он приходил к нам на побывку. Изба наша была тесная

и подпёртая в середине рогулиной, и я помню, как я лазил на эту подпорку, оборвался и разбил себе лоб об лавку. И до сих пор метина эта осталась у меня на лбу.

В избе были два маленькие окна, и одно всегда было заткнуто ветошкой. Двор наш был тесный и раскрытый. В середине стояло старое корыто. На дворе была только одна старая кособокая лошадёнка; коровы у нас не было, были две плохонькие овчонки и один ягнёнок. Я всегда спал с этим ягнёнком. Ели мы хлеб с водою. Работать у нас было некому; мать моя всегда жаловалась от живота, а бабушка — от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж.

Помню я, мать стала больнее, и потом родился у ней мальчик. Мамушку положили в сени. Бабушка заняла у соседа крупиц и послала дядю Нефёда за попом. А сестра пошла собирать народ на крестины.

Собрался народ, принесли три ковриги хлеба. Родня стала расставлять столы и покрывать скатертями. Потом принесли ска-

мейки и ушат с водой. И все сели по местам. Когда приехал священник, кум с кумой стали впереди, а позади стала тётка Акулина с мальчиком. Стали молиться. Потом вынули мальчика, и священник взял его и опустил в воду. Я испугался и закричал:

— Дай мальчика сюда!

Но бабушка рассердилась на меня и сказала:

— Молчи, а то побью.

Священник окунул его три раза и отдал тётке Акулине. Тётка завернула его в *митраль* и отнесла к матери в сени.

Потом все сели за столы, бабушка наложила каши две чашки, налила постное масло и подала народу. Когда все наелись, вылезли из-за столов, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошёл к матери и говорю:

— Ма, как его зовут?

Мать говорит:

— Так же, как тебя.

Мальчик был худой; ножки, ручки у него были тоненькие, и он всё кричал. Когда ни проснешься ночью, он всё кричит, а мамушка всё баюкает, припевает. Сама кряхтит, а всё

поёт.

Один раз ночью я проснулся и слышу — мать плачет. Бабушка встала и говорит:

— Что ты, Христос с тобой!

Мать говорит:

— Мальчик помер.

Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надела чистую рубашечку, подпоясала и положила под святые. Когда рассвело, бабушка вышла из избы и привела дядю Нефёда. Дядя принёс две старенькие *тесинки* и стал делать гробик. Сделал маленькое домовище и положил мальчика туда. Потом мать села к гробику и тонким голосом стала причитать и завывала. Потом дядя Нефёд взял гробик под мышку и понёс хоронить.

Только у нас и было радости, как мы няньку отдавали замуж. Приехали к нам раз мужики и принесли с собой ковригу хлеба и вина. И стали подносить своё вино матери. Мать выпила. Дядя Иван отрезал ломоть хлеба и подал ей. Я стоял подле стола, и мне захотелось хлебушка. Я нагнул мать и сказал ей на ухо. Мать засмеялась, а дядя Иван говорит:

— Что он, хлебца? — и отрезал мне боль-

шой ломоть.

Я взял хлеб и ушёл в чулан. А нянька сидела в чулане. Она стала меня спрашивать:

— Что там мужики говорят?

Я сказал:

— Вино пьют.

Она засмеялась и говорит:

— Это они меня сватают за Кондрашку.

Потом собрались играть свадьбу. Все встали рано. Бабушка топила печку, мать месила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась в новые *коты*, надела сарафан красный и платок хороший и ничего не делала. Потом, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло к нам много народу — полная изба.

Потом подъехали к нашему двору три пары с колоколами. И на задней паре сидел жених Кондрашка в новом кафтане и в высокой шапке. Жених слез с телеги и пошёл в избу. Надели на няньку новую шубу и вывели её к жениху. Посадили жениха с невестой за стол, и бабы стали их величать. Потом вылезли из-за стола, помолились Богу и вышли на двор. Кондрашка посадил няньку в телегу, а сам сел

в другую. Все посажались в телеги, перекре-стились и поехали. Я вернулся в избу и сел к окну ждать, когда свадьба вернётся. Мать дала мне кусочек хлебца; я поел, да тут и заснул. Потом меня разбудила мать, говорит:

— Едут! — дала мне скалку и велела сесть за стол.

Кондрашка с нянькой вошли в избу и за ними много народа, больше прежнего. И на улице был народ, и все смотрели к нам в окна. Дядя Герасим был дружкой; он подошёл ко мне и говорит:

— Вылезай.

Я испугался и хотел лезть, а бабушка говорит:

— Ты покажи скалку и скажи: а это что?

Я так и сделал. Дядя Герасим положил денег в стакан и налил вина и подал мне. Я взял стакан и подал бабушке. Тогда мы вылезли, а они сели.

Потом стали подносить вино, студень, говядину; стали петь песни и плясать. Дяде Герасиму поднесли вина, он выпил немного и говорит:

— Что-то вино горько.

Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его целовать. Долго играли песни и плясали, а потом все ушли, и Кондрашка повёл няньку к себе домой.

После этого мы стали ещё беднее жить. Продали лошадь и последних овец, и хлеба у нас часто не было. Мать ходила занимать у родных. Вскоре и бабушка померла. Помню я, как матушка по ней выла и причитала:

— Уже родимая моя матушка! На кого ты меня оставила, горькую, горемычную? На кого покинула свое дитятко несчастное? Где я ума-разума возьму? Как мне век прожить?

И так она долго плакала и причитала.

Один раз пошёл я с ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу — идёт солдат с сумочкой за плечами. Он подошёл к ребятам и говорит:

— Вы из какой деревни, ребята?

Мы говорим:

— Из Никольского.

— А что, живёт у вас солдатка Матрёна?

А я говорю:

— Жива, она мне матушка.

Солдат поглядел на меня и говорит:

— А отца своего видал?

Я говорю:

— Он в солдатах, не видал.

Солдат и говорит:

— Ну, пойдём, проводи меня к Матрёне, я ей письмо от отца привёз.

Я говорю:

— Какое письмо?

А он говорит:

— Вот пойдём, увидишь.

— Ну, что ж, пойдём.

Солдат пошёл со мной, да так скоро, что я бегом за ним не поспевал. Вот пришли мы в свой дом. Солдат помолился Богу и говорит:

— Здравствуйте! — Потом разделся, сел на конник и стал оглядывать избу и говорит: — Что ж, у вас семьи только-то?

Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата. Он и говорит:

— Где ж матушка? — а сам заплакал.

Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже взлез к нему на колени и стал его обшаривать руками. А он перестал плакать и стал смеяться.

Потом пришёл народ, и отец со всеми здо-

ровался и рассказывал, что он теперь совсем по билету вышел.

Как пригнали скотину, пришла и нянька и поцеловалась с отцом. А отец и говорит:

— Это чья же молодая бабочка?

А мать засмеялась и говорит:

— Свою дочь не узнал.

Отец позвал её ещё к себе и поцеловал и спрашивал, как она живёт. Потом мать ушла варить яичницу, а няньку послала за вином. Нянька принесла штофчик, заткнутый бумажкой, и поставила на стол. Отец и говорит:

— Это что?

А мать говорит:

— Тебе вина.

А он говорит:

— Нет уж, пятый год не пью; а вот яичницу подавай!

Он помолился Богу, сел за стол и стал есть. Потом он говорит:

— Кабы я не бросил пить, я бы и унтер-офицером не был, и домой бы ничего не принёс, а теперь слава Богу.

Он достал в сумке кошель с деньгами и отдал матери. Мать обрадовалась, заторопилась

и понесла хоронить.

Потом, когда все разошлись, отец лёг спать на задней лавке и меня положил с собой, а мать легла у нас в ногах. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потом я уснул.

Поутру мать говорит:

— Ох, дров-то нет у меня!

А отец говорит:

— Топор есть?

— Есть, да щербатый, плохой.

Отец обулся, взял топор и вышел на двор. Я побежал за ним.

Отец сдёрнул с крыши жердь, положил на колоду, взмахнул топором, живо перерубил и принёс в избу и говорит:

— Ну, вот тебе и дрова, топи печь; а я нынче пойду — приищу купить избу да лесу на двор. Корову также купить надо.

Мать говорит:

— Ох, денег много на всё надо.

А отец говорит:

— А работать будем. Вон мужик-то растёт! — Отец показал на меня.

Вот отец помолился Богу, поел хлебца, оделся и говорит матери:

— А есть яички свежие, так испеки в золе к обеду. — И пошёл со двора.

Отец долго не ворочался. Я стал проситься у матери за отцом. Она не пускала. Я хотел уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сел на печку и стал плакать. Тут отец вошёл в избу и говорит:

— О чём плачешь?

Я говорю:

— Я хотел за тобой бечь, а мать меня не пустила, да ещё побила, — и ещё пуще заплакал.

Отец засмеялся, подошёл к матери и стал её бить нарочно, а сам приговаривал:

— Не бей Федьку, не бей Федьку!

Мать нарочно будто заплакала, отец засмеялся и говорит:

— Вот вы с Федькой какие на слёзы слабые, сейчас и плакать.

Потом отец сел за стол, посадил меня с собой рядом и закричал:

— Ну, теперь давай нам, мать, с Федюшкой обедать: мы есть хотим.

Мать дала нам каши и яиц, и мы стали есть. А мать говорит:

— Ну, что же, — *иструб?*

А отец говорит:

— Купил: восемьдесят целковых, липовый, белый, как стекло. Вот дай срок, мужикам купим винца, они мне и свезут воскресным делом.

С тех пор мы стали хорошо жить...

Медведь на повозке

Поводырь с медведем подошёл к кабаку, привязал медведя к воротам, а сам вошёл в кабак выпить. Ямщик на тройке подъехал к кабаку, закрутил коренную и тоже вошёл в кабак. А в телеге у ямщика были калачи.

Медведь учуял в повозке калачи, отвязался, подошёл к повозке, влез и стал шарить в сене. Лошади оглянулись и шаркнули от кабака по дороге. Медведь ухватился лапами за *грядки* и не знает, как ему быть. А лошади что дальше, то пуще разгораются. Медведь держится передними лапами за *грядки* и только голову поворачивает то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся-оглянутся — ещё шибче катят по дороге, под гору, на гору...

Проезжие не успевают постораниваться.

Катит тройка вся в мыле, на телеге сидит медведь, держится за грядки да по сторонам оглядывается. Видит медведь, что дело плохо — убьют его лошади; начал он реветь. Ещё пуще лошади понеслись. Скакали-скакали, прискакали домой в деревню.

Все смотрят, что такое скачет? Уткнулись лошади в свой двор, в ворота. Хозяйка глядит, что такое? Не путём прискакал хозяин — видно, пьян. Выходит на двор, а с телеги не хозяин — медведь лезет. Соскочил медведь, да в поле, да в лес.

Два купца

Один бедный купец уезжал в дорогу и отдал весь свой железный товар под сохранение богатому купцу. Когда он вернулся, он пришёл к богатому купцу и попросил назад своё железо.

Богатый купец продал весь железный товар и, чтобы отговориться чем-нибудь, сказал:

— С твоим железом несчастье случилось.

— А что?

— Да я его сложил в хлебный амбар. А там мышей пропасть. Они всё железо источили. Я сам видел, как они грызли. Если не веришь — поди посмотри.

Бедный купец не стал спорить. Он сказал:

— Чего смотреть. Я и так верю. Я знаю, мыши всегда железо грызут. Прощай.

И бедный купец ушёл.

На улице он увидел, играет мальчик — сын богатого купца. Бедный купец приласкал мальчика, взял на руки и унёс к себе.

На другой день богатый купец встречает бедного и рассказывает своё горе, что у него

сын пропал, и спрашивает:

— Не видал ли, не слышал ли?

Бедный купец и говорит:

— Как же, видел. Только стал я вчера от тебя выходить, вижу: ястреб налетел прямо на твоего мальчика, схватил и унёс.

Богатый купец рассердился и говорит:

— Стыдно тебе надо мной смеяться. Разве статочное дело, чтоб ястреб мог мальчика унести?

— Нет, я не смеюсь. Что ж удивительного, что ястреб мальчика унёс, когда мыши сто пудов железа съели. Всё бывает.

Тогда богатый купец понял и говорит:

— Мыши не съели твоего железа, а я его продал и вдвое тебе заплачу.

— А если так, то и ястреб сына твоего не уносил, и я его тебе отдам.

Галчонок

Пустынный увидел раз в лесу сокола. Сокол принёс в гнездо кусок мяса, разорвал мясо на маленькие куски и стал кормить галчонка.

Пустынный удивился, как так сокол кормит галчонка, и подумал: «Галчонок, и тот у Бога не пропадёт, и научил же Бог этого сокола кормить чужого сироту. Видно, Бог всех тварей кормит, а мы всё о себе думаем. Перестану я о себе заботиться, не буду себе припасать пищи. Бог всех тварей не оставляет, и меня не оставит».

Так и сделал: сел в лесу и не вставал с места, а только молился Богу. Три дня и три ночи он пробыл без питья и еды. На третий день пустынный так ослабел, что уж не мог поднять руки. От слабости он заснул. И приснился ему старец. Старец будто подошёл к нему и говорит:

— Ты зачем себе пищи не припасаешь? Ты думаешь Богу угодить, а ты грешишь. Бог так мир устроил, чтоб каждая тварь добывала себе нужное. Бог велел соколу кормить галчонок, потому что галчонок пропал бы без сокола; а ты можешь сам работать. Ты хочешь испытывать Бога, а это грех. Проснись и работай по-прежнему.

Пустынный проснулся и стал жить по-прежнему.

Ворон и воронята

Ворон свил себе гнездо на острове, и когда воронята вывелись, он стал их переносить с острова на землю. Сперва он взял в когти одного воронёнка и полетел с ним через море. Когда старый ворон вылетел на средину моря, он умирался, стал реже махать крыльями и подумал: теперь я силён, а он слаб, я перенесу его через море; а когда он станет велик и силен, а я стану слаб от старости, вспомнит ли он мои труды и будет ли переносить меня с

места на место? И старый ворон спросил воронёнка:

— Когда я буду слаб, а ты будешь силён, будешь ли ты носить меня? Говори мне правду!

Воронёнок боялся, что отец бросит его в море, и сказал:

— Буду.

Но старый ворон не поверил сыну и выпустил воронёнка из когтей. Воронёнок, как комок, упал книзу и потонул в море. Старый ворон один полетел через море назад на свой остров. Потом старый ворон взял другого воронёнка и также понёс его через море. Опять он уморился на середине моря и спросил сына, будет ли он его в старости переносить с места на место.

Сын испугался, чтобы отец не бросил его, и сказал:

— Буду.

Отец не поверил и этому сыну и бросил его в море. Когда старый ворон прилетел назад к своему гнезду, у него оставался один воронёнок. Он взял последнего сына и полетел с ним через море. Когда он вылетел на середину моря и уморился, он спросил:

— Будешь ли ты в моей старости кормить меня и переносить с места на место?

Воронёнок сказал:

— Нет, не буду.

— Отчего? — спросил отец.

— Когда ты будешь стар, а я буду большой, у меня будет своё гнездо и свои воронята, и я буду кормить и носить своих детей.

Тогда старый ворон подумал: «Он правду сказал, за то потружусь и перенесу его за море». И старый ворон не выпустил воронёнка, а из последних сил замахал крыльями и перенёс на землю, чтобы он свил себе гнездо и вывел детей.

Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за просмотр брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голо-

ву со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев оцетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, оцетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и

ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и за-
тих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но
лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, ес-
ли ему дать другую собачку, и пустил к нему
в клетку живую собачку; но лев тотчас разо-
рвал её на куски. Потом он обнял своими ла-
пами мёртвую собачку и так лежал пять
дней.

На шестой день лев умер.

Старый тополь

Пять лет наш сад был заброшен; я нанял ра-
ботников с топорами и лопатами и сам
стал работать с ними в саду. Мы вырубали и
вырезывали сушь и дичь и лишние кусты и
деревья. Больше всего разрослись и глушили
другие деревья тополь и черёмуха. Тополь
идёт от корней, и его нельзя вырыть, а в зем-
ле надо вырубать корни. За прудом стоял
огромный, в два обхвата, тополь. Вокруг него
была полянка; она вся заросла отростками то-
полей. Я велел их рубить: мне хотелось, что-
бы место было весёлое, а главное, — мне хоте-
лось облегчить старый тополь, потому что я

думал: все эти молодые деревья от него идут и из него тянут сок. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землёю их сочные корни, как потом вчетвером мы тянули и не могли выдернуть надрубленный тополёк. Он изо всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: «Видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь». Но надо было рубить, и я рубил. Потом уже, когда было поздно, я узнал, что не надо было уничтожать их.

Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот. Когда я рубил их, старый тополь уже умирал. Когда распустились листья, я увидал (он расходился на два сука), что один сук был голый; и в то же лето он засох. Он давно уже умирал и знал это и передал свою жизнь в отростки.

От этого они так скоро разрослись, а я хотел его облегчить — и побил всех его детей.

Лозина

На Святой пошёл мужик посмотреть — оттаяла ли земля?

Он вышел на огород и колом оцупал землю. Земля раскисла. Мужик пошёл в лес. В лесу на лозине уже надулись почки.

Мужик и подумал:

«Дай обсажу огород лозиной, вырастет — защита будет!»

Взял топор, нарубил десяток лозиннику, затесал с толстых концов кольями и воткнул в землю.

Все лозинки выпустили побеги вверху с листьями и внизу под землёю выпустили такие же побеги заместо кореньев; и одни зацепились за землю и принялись, а другие неловко зацепились за землю кореньями — замерли и повалились.

К осени мужик порадовался на свои лозины: шесть штук принялись. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и две только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсем пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревом. По вёснам пчёлы гудьмя гудели на лозине. В роёвщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали их. Бабы и мужики часто завтракали и спали под лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали из неё прутья.

Мужик — тот, что посадил лозину, давно уже умер, а она всё росла. Старший сын два раза срубал с неё сучья и топил ими. Лозина всё росла. Обрубят её кругом, сделают шишку,

а она на весну выпустит опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежних, как вихор у жеребёнка.

И старший сын перестал хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистом поле. Чужие мужики ездили, рубили её — она всё росла. Грозой ударило в лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвела. Один мужик хотел срубить её на колоду, да бросил: она была дюже гнила. Лозина свалилась набок и держалась только одним боком, а всё росла, и всё каждый год прилетали пчёлы обирать с её цветов поноску.

Собрались раз ребята рано весной стеречь лошадей под лозину. Показалось им холодно; они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Один взлез на лозину, с неё же наломал сучьев. Склали они всё в дупло лозины и зажгли.

Зашипела лозина, закипел в ней сок, пошёл дым, и стал перебегать огонь; всё нутро её почернело. Сморщились молодые побеги, цветы завяли.

Ребята угнали домой лошадей. Обгорелая лозина осталась одна в поле. Прилетел чёр-

ный ворон, сел на неё и закричал:

— Что, издохла, старая кочерга, давно пора было!

Черёмуха

Одна черёмуха выросла на дорожке из Орешника и заглушала *лещиновые* кусты. Долго думал я — рубить или не рубить её: мне жаль было. Черёмуха эта росла не кустом, а деревом, *вершка* три в отрубе и *сажени* четыре в вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом. Издалека слышен был её запах. Я бы и не срубил её, да один из работников (я ему прежде сказал вырубить всю черёмуху) без меня начал рубить её. Когда я пришёл, уже он врубился в неё *вершка* на полтора, и сок так и хлюпал под топором, когда он попадал в прежнюю тяпку. «Нечего делать, видно, судь-

ба», — подумал я, взял сам топор и начал рубить вместе с мужиком.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топор, и потом напрямик подсесть подкошенное, и дальше и дальше врубаться в дерево.

Я совсем забыл о черёмухе и только думал о том, как бы скорее свалить её. Когда я запыхался, я положил топор, упёрся с мужиком в дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на нас закапало с него росой, и посыпались белые, душистые лепестки цветов.

В то же время, точно вскрикнуло что-то, — хрустнуло в середине древа; мы налегли, и как будто заплакало, — затрещало в середине, и дерево свалилось. Оно разодралось у надрубки, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения и остановились.

— Эх! Штука-то важная! — сказал мужик. — Живо жалко!

А мне так было жалко, что я поскорее отошёл к другим рабочим.

Как ходят деревья

Раз мы вычищали на *полубугре* подле пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповника, лозины, тополя, потом пришла черёмуха. Росла она на самой дороге и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше десяти лет. А пять лет тому назад я знал, что сад был чищен.

Я никак не мог понять, как могла тут вырасти такая старая черёмуха. Мы срубили её и прошли дальше. Дальше, в другой чаще, росла другая такая же черёмуха, даже ещё потолще. Я осмотрел её корень и нашёл, что она росла под старой липой.

Липа своими сучьями заглушила её, и черёмуха протянулась *аршин* на пять прямым стеблем по земле; а когда выбралась на свет, подняла голову и стала цвести. Я срубил её в корне и подивился тому, как она была свежа

и как гнил был корень. Когда я срубил её, мы с мужиками стали её оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли её сдвинуть: она как будто прилипла.

Я сказал:

— Посмотри, не зацепили ли где?

Работник подлез под неё и закричал:

— Да у неё другой корень, вот на дороге!

Я подошёл к нему и увидел, что это была правда.

Черёмуха, чтобы её не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий.

Она почуяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила.

Тогда только я понял, как выросла та первая черёмуха на дороге. Она то же, верно, сделала, — но успела уже совсем отбросить старый корень, так что я не нашёл его.

Деревья дышат

Ребёнок был болен. Он бился, метался, потом затих. Мать думала, что он заснул; посмотрела — а он не дышит.

Она стала плакать, позвала бабушку и говорит:

— Посмотри, у меня ребёночек умер.

Бабушка говорит:

— Погоди плакать, может быть, он только замер, а не умер. Вот, дай приставим стёклышко к ротуку, если отпотеет, значит, дышит и жив.

Приставили стёклышко к ротуку. Стёк-

лышко отпотело. Ребёнок был жив.

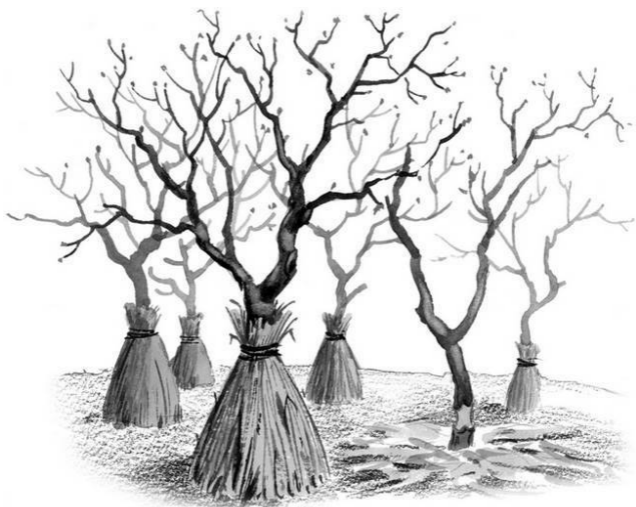
Он проснулся и выздоровел.

Великим постом была оттепель, да не согнала всего снегу, и опять заморозило, и сделался туман.

Рано утром пошёл я по насту в сад. Смотрю — все яблони пёстрые: одни сучки чёрные, а другие точно посыпаны белыми звёздочками. Подошёл я ближе — посмотрел чёрные сучки — все сухие, посмотрел на пёстрые — все живые и все по почкам облипли инеем. Нигде нет инея, только на самых накончиках почек, на ротиках, там, где раскрываться начали, точно как усы и борода у мужиков обындевеют на морозе.

Мёртвые деревья не дышат, а живые деревья дышат так же, как люди. Мы ртами и носами, они — почками.

Яблони

Я посадил двести молодых яблонь и три года весной и осенью окапывал их, и на зиму заворачивал соломой от зайцев. На четвертый год, когда сошёл снег, я пошёл посмотреть свои яблони. Они потолстели в зиму; кора на них была глянцеви́тая и налитая; сучки все были целы и на всех кончиках и на разви-

линках сидели круглые, как горошинки, цветочные почки. Кое-где уже лопнули *распукалки* и виднелись алые края цветочных листьев. Я знал, что все распукалки будут цветами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернул первую яблоню, я увидел, что внизу, над самой землёю, кора яблони обгрызена кругом по самую древесину, как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню — и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолою и воском; но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики — и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двухсот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте, где расходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и поболели, но пошли. Остальные все пропали, только ниже обгрызенных мест пошли отростки, и то всё дикие.

Кора у деревьев — те же жилы у человека:

через жилы кровь ходит по человеку — и через кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цвет. Можно из дерева выдолбить всё нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива — и дерево будет жить; но если кора пропадёт, дерево пропало. Если человеку подрезать жилы, он умрёт, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и берёза засыхает, когда ребята долбят лунку, чтобы пить сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали оттого, что мыши объели всю кору кругом, и соку уже не было хода из корней в сучья, листья и цвет.

Как волки учат своих детей

Я шёл по дороге и сзади себя услышал крик. Кричал мальчик-пастух. Он бежал полем и на кого-то показывал.

Я поглядел и увидел — по полю бегут два волка: один *матёрый*, другой молодой. Молодой нёс на спине зарезанного ягнёнка, а зубами держал его за ногу. Матёрый волк бежал позади.

Когда я увидел волков, я вместе с пастухом побежал за ними, и мы стали кричать. На

наш крик прибежали мужики с собаками.

Как только старый волк увидел собак и народ, он подбежал к молодому, выхватил у него ягнёнка, перекинул себе на спину, и оба волка побежали скорее и скрылись из глаз.

Тогда мальчик стал рассказывать, как было дело: из оврага выскочил большой волк, схватил ягнёнка, зарезал его и понёс.

Навстречу выбежал волчонок и бросился к ягнёнку. Старый отдал нести ягнёнка молодому волку, а сам налегке побежалazole.

Только когда пришла беда, старый оставил ученье и сам взял ягнёнка.

Зайцы

Описание

Зайцы по ночам кормятся. Зимой зайцы лесные кормятся корою деревьев, зайцы полевые — озимями и травой, гуменники — хлебными зёрнами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники — и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без

страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страха метаться из стороны в сторону. Проскачет вперёд, испугается чего-нибудь и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — опять заяц повернётся назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далёким прыжкам, удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Русак

Описание

Заяц-русак жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводит усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыгнул раз-другой по глубокому снегу, и опять сел на задние лапы, и стал оглядываться. Со

всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звёзды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы прийти на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади, скрипели *кресла в санях*.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Из ртов и носов их шёл пар. Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошёл к гумну. Собачонка от обоза увидела зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям; заяц держали субои, а собака на десятом прыж-

ке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошёл к гумну. По дороге он, на зеленях, встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошёл дальше. На деревне было всё тихо, огни были потушены. Только слышался плач ребёнка в избе через стены да треск мороза в брёвнах изб. Заяц прошёл на гумно и там нашёл товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой *кладушки*, взобрался по крыше, занесённой снегом, на овин и через плетень пошёл назад к своему оврагу. На востоке светилась заря, звёзд стало меньше, и ещё гуще морозный пар подымался над землёю. В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумён, дети кричали и плакали. По дороге ещё больше шло обозов, и мужики громче разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошёл к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лёг задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми гла-

зами.

Сова и заяц

Смерклось. Стали совы летать в лесу по
Соврагу, высматривать добычу.

Выскочил на полянку большой русак, стал
охорашиваться. Старая сова посмотрела на
русака и села на сук, а молодая сова говорит:

— Что ж ты зайца не ловишь?

Старая говорит:

— Не по силам — велик русак: ты в него
вцепишься, а он тебя уволочёт в чащу.

А молодая сова говорит:

— А я одной лапой вцеплюсь, а другой поскорее за дерево придержусь.

И пустилась молодая сова за зайцем, вцепилась ему лапой в спину так, что все когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцепиться. Как поволок заяц сову, она уцепилась другой лапой за дерево и думала: «Не уйдёт».

Заяц рванулся и разорвал сову. Одна лапа осталась на дереве, другая на спине у зайца.

На другой год охотник убил этого зайца и дивился тому, что у него в спине были заросшие совиные когти.

Булька

Рассказ офицера

У меня была мордашка... Её звали Булькой. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее

верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, чёрные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нём держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую *перекладную*, как вдруг увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее.

Это был Булька в своём медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не успевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так вёрст двадцать в самый жар.

Булька и кабан

Один раз на Кавказе мы пошли на охоту за кабанями, и Булька прибежал со мной. Только что гончие погнажи, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это было в ноябре месяце: кабаны и свињи тогда бывают очень жирные.

На Кавказе, в лесах, где живут кабаны, бывает много вкусных плодов: дикого винограду, шишек, яблок, груш, ежевики, желудей, терновнику. И когда все эти плоды поспеют и тронутся морозом, — кабаны отъедаются и жиреют.

В то время кабан так бывает жирён, что недолго может бегать под собаками. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается. Тогда охотники бегут к тому месту, где он стоит, и стреляют. По лаю собак можно знать, стал ли кабан, или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют; а если он стоит, то они лают, как на человека, и подвывают.

В эту охоту я долго бегал по лесу, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану.

Наконец, я услышал протяжный лай и вой гончих собак и побежал к тому месту. Уж я был близко от кабана. Мне уже слышен был треск по чаще. Это ворочался кабан с собаками. Но слышно было по лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдруг я услышал — зашуршало что-то сзади и увидел Булька. Он, видно, потерял гончих в лесу и спутался, а теперь слышал их лай и так же, как я, что было духу катился в ту сторону. Он бежал через полянку, по высокой траве, и мне от него видна только была его чёрная голова и закушенный язык в белых зубах. Я окликнул его, но он не оглянулся, обогнал меня и скрылся в чаще. Я побежал за ним, но чем дальше я шёл, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по лицу, иглы терновника цеплялись за платье. Я уже был близок к лаю, но ничего не мог видеть.

Вдруг я услышал, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабан стал отдуваться и захрипел. Я так и думал, что теперь Булька добрался до него и возится с ним. Я из последних сил побежал чрез чащу к тому

месту. В самой глухой чаще я увидал пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одном месте, и в трёх шагах от неё возилось и чернело что-то.

Когда я подвинулся ближе, я рассмотрел кабана и услышал, что Булька пронзительно завизжал. Кабан захрюкал и посунулся на гончую — гончая поджала хвост и отскочила. Мне стал виден бок кабана и его голова. Я прицелился в бок и выстрелил. Я видел, что попал. Кабан хрюкнул и затрещал прочь от меня по чаще. Собаки визжали, лаяли следом за ним, я по чаще ломился за ними. Вдруг, почти у себя под ногами, я увидал и услышал что-то. Это был Булька. Он лежал на боку и визжал. Под ним была лужа крови. Я подумал: «Пропала собака»; но мне теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидал кабана. Собаки хватали его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабан увидал меня, он сунулся ко мне. Я выстрелил другой раз, почти в упор, так что щетина загорелась на кабане, и кабан захрипел, зашатался и всей тушей тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошёл, кабан уже был мёртвый и только то там, то тут его пучило и подёргивало. Но собаки, оцетинившись, одни рвали его за брюхо и за ноги, а другие лакали кровь из раны.

Тут я вспомнил про Бульку и пошёл его искать. Он полз мне навстречу и стонал. Я подошёл к нему, присел и посмотрел его рану. У него был распорот живот, и целый комок кишок из живота волочился по сухим листьям. Когда товарищи подошли ко мне, мы вправили Бульке кишки и зашили ему живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он всё лизал мне руки.

Кабана привязали к хвосту лошади, чтоб вывезти из лесу, а Бульку положили на лошадь и так привезли его домой.

Булька проболел недель шесть и выздоровел.

Фазаны

Описание

На Кавказе диких кур зовут фазанами. Их так много, что они там дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся с кобылкой, с подсаду и из-под собаки.

С кобылкой вот как охотятся: возьмут парусины, натянут на рамку, в середине рамки сделают перекладину, а в парусине сделают прорешку. Эта рамка с парусиной называется кобылкой. С этой кобылкой и с ружьём на заре выходят в лес. Кобылку несут перед собой и высматривают в прорешку фазанов. Фазаны по зорям кормятся на полянках; иногда целый выводок — наседка с цыплятами, иногда петух с курицей, иногда несколько петухов вместе.

Фазаны не видят человека и не боятся парусины и подпускают к себе близко. Тогда охотник ставит кобылку, высовывает ружьё в прореху и стреляет по выбору.

С подсаду охотятся вот как: пустят дворную собачонку в лес и ходят за ней. Когда собака найдёт фазана, она бросится за ним.

Фазан взлетит на дерево, и тогда собачонка начинает на него лаять. Охотник подходит на лай и стреляет фазана на дереве. Охота эта

была бы легка, если бы фазан садился на дерево на чистом месте и сидел бы прямо на дереве — так, чтобы его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густые деревья, в чаще, и как завидят охотника, так прячутся в сучках. И бывает трудно пролезть в чаще к дереву, где сидит фазан, и трудно рассмотреть его. Когда собака одна лает на фазана, он не боится её, сидит на сучке и ещё петушится на неё и хлопает крыльями. Но как только он увидит человека, то сейчас же вытягивается по сучку, так что только привычный охотник различит его, а непривычный будет стоять подле и ничего не увидит.

Когда казаки подкрадываются к фазанам, то они надвигают шапку на своё лицо и не глядят вверх, потому что фазан боится человека с ружьём, а больше всего боится его глаз.

Из-под собаки охотятся вот как: берут легавую собаку и ходят за ней по лесу. Собака чутьём услышит, где на заре ходили и кормились фазаны, и станет разбирать их следы. И, сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдёт последний след, выход с того места, где кормились. Чем дальше будет

идти собака по следу, тем сильнее ей будет пахнуть, и так она дойдёт до того места, где днём сидит в траве или ходит фазан. Когда она подойдёт близко, тогда ей будет казаться, что фазан уж тут, прямо перед ней, и она всё будет идти осторожнее, чтобы не спугнуть его, и будет останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдёт совсем близко, тогда фазан вылетает, и охотник стреляет.

Мильтон и Булька

Я завёл себе для фазанов легавую собаку. Собаку эту звали Мильтон: она была высокая, худая, крапчатая по серому, с длинными *брылами* и ушами и очень сильная и умная.

С Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Он, бывало, только покажет свои зубы, и собаки поджимают хвосты и отходят прочь.

Один раз я пошёл с Мильтоном за фазанами. Вдруг Булька прибежал за мной в лес. Я хотел прогнать его, но никак не мог. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко. Я думал, что он не будет мешать мне, и пошел дальше; но только что Мильтон почуял в траве фазана и стал искать, Булька бросился вперёд и стал соваться во все стороны. Он старался прежде Мильтона поднять фазана. Он что-то такое слышал в траве, прыгал, вертелся; но чутьё у него плохое, и он не мог найти следа один, а смотрел на Мильтона и бежал туда, куда шёл Мильтон. Только что Мильтон тронется по следу, Булька забежит вперёд. Я отзывал Бульку, бил, но ничего не мог сделать с ним. Как только Мильтон начинал искать, он

бросался вперёд и мешал ему. Я хотел уже идти домой, потому что думал, что охота моя испорчена, но Мильтон лучше меня придумал, как обмануть Бульку. Он вот что сделал: как только Булька забежит ему вперёд, Мильтон бросит след, повернёт в другую сторону и притворится, что он ищет. Булька бросится туда, куда показал Мильтон, а Мильтон оглянется на меня, махнёт хвостом и пойдёт опять по настоящему следу. Булька опять прибегает к Мильтону, забегает вперёд, и опять Мильтон нарочно сделает шагов десять в сторону, обманет Бульку и опять поведёт меня прямо. Так что всю охоту он обманывал Бульку и не дал ему испортить дело.

Черепаха

Один раз я пошёл с Мильтоном на охоту. Подле леса он начал искать, вытянул хвост, поднял уши и стал принюхиваться. Я приготовил ружьё и пошёл за ним. Я думал, что он ищет куропатку, фазана или зайца. Но Мильтон не пошёл в лес, а в поле. Я шёл за ним и глядел вперёд. Вдруг я увидел то, что он искал. Впереди его бежала небольшая черепаха, величиною с шапку. Голая тёмно-серая голова на длинной шее была вытянута, как пестик; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина её вся была покрыта корой.

Когда она увидела собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, так что видна была только одна скорлупа. Мильтон схватил её и стал грызть, но не мог прокусить её, потому что у черепахи на брюхе такая же скорлупа, как и на спине. Только спереди, сзади и с боков есть отверстия, куда она пропускает голову, ноги и хвост.

Я отнял черепаху у Мильтона и рассмотрел, как у неё разрисована спина, и какая скорлупа, и как она туда прячется. Когда держишь её в руках и смотришь под скорлупу, то

только внутри, как в подвале, видно что-то чёрное и живое.

Я бросил черепаху на траву и пошёл дальше, но Мильтон не хотел её оставить, а нёс в зубах за мною. Вдруг Мильтон взвизгнул и пустил её. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему рот. Он так рассердился на неё за это, что стал лаять и опять схватил её и понёс за мною. Я опять велел бросить, но Мильтон не слушался меня. Тогда я отнял у него черепаху и бросил. Но он не оставил её. Он стал торопиться лапами подле неё рыть яму. И когда вырыл яму, то лапами завалил в яму черепаху и закопал землёю.

Черепашки живут и на земле, и в воде, как ужи и лягушки. Детей они выводят яйцами, и яйца кладут на земле, и не высидывают их, а яйца сами, как рыба икра, лопаются — и выводятся черепашки. Черепашки бывают маленькие, не больше блюдечка, и большие, в три аршина длины и весом в двадцать пудов. Большие черепашки живут в морях.

Одна черепаха в весну кладёт сотни яиц. Скорлупа черепашки — это её рёбра. Только у людей и других животных рёбра бывают каж-

дое отдельно, а у черепахи рёбра срослись в скорлупу. Главное же то, что у всех животных рёбра бывают внутри, под мясом, а у черепахи рёбра сверху, а мясо под ними.

Булька и волк

Когда я уезжал с Кавказа, тогда ещё там была война, и ночью опасно было ездить без конвоя.

Я хотел выехать как можно раньше утром и для этого не ложился спать.

Мой приятель пришёл провожать меня, и мы сидели весь вечер и ночь на улице станицы перед моей хатой.

Была месячная ночь с туманом, и было так светло, что читать можно, хотя месяца и не видно было.

В середине ночи мы вдруг услышали, что через улицу на дворе пицтит поросёнок. Один из нас закричал:

— Это волк душит поросёнка!

Я побежал к себе в хату, схватил заряженное ружьё и выбежал на улицу. Все стояли у ворот того двора, где пицтал поросёнок, и кричали мне:

— Сюда!

Мильтон бросился за мной, — верно, думал, что я на охоту иду с ружьём, — а Булька поднял свои короткие уши и метался из стороны в сторону, как будто спрашивал, в кого ему велят вцепиться.

Когда я подбежал к плетню, я увидел, что с той стороны двора, прямо ко мне, бежит зверь. Это был волк. Он подбежал к плетню и вскочил на него. Я отсторонился от него и приготовил ружьё. Как только волк соскочил с плетня на мою сторону, я приложился почти в упор и спустил курок; но ружьё сделало «чик» и не выстрелило. Волк не остановился и побежал через улицу. Мильтон и Булька пустились за ним. Мильтон был близко от волка, но, видно, боялся схватить его, а Булька, как ни торопился на своих коротких ногах, не мог поспеть. Мы бежали, что было силы, за волком, но и волк и собаки скрылись у нас из виду. Только у канавы, на углу станицы, мы услышали подлаиванье, визг и видели сквозь месячный туман, что поднялась пыль, и что собаки возились с волком.

Когда мы прибежали к канаве, волка уже

не было, и обе собаки вернулись к нам с поднятыми хвостами и рассерженными лицами. Булька рычал и толкал меня головой, — он, видно, хотел что-то рассказать, но не умел.

Мы осмотрели собак и нашли, что у Бульки на голове была маленькая рана. Он, видно, догнал волка перед канавой, но не успел захватить, и волк огрызнулся и убежал. Рана была небольшая, так что ничего опасного не было.

Мы вернулись назад к хате, сидели и разговаривали о том, что случилось. Я досадовал на то, что ружьё моё осеклось, и всё думал о том, как бы тут же на месте остался волк, если б оно выстрелило. Приятель мой удивлялся, как волк мог залезть на двор. Старый казак говорил, что тут нет ничего удивительного, что это был не волк, что это была ведьма и что она заколдовала моё ружьё. Так мы сидели и разговаривали. Вдруг собаки бросились, и мы увидали на середине улицы, перед нами, опять того же волка; но в этот раз он от нашего крика так скоро побежал, что собаки уже не догнали его.

Старый казак после этого уже совсем уве-

рился, что это был не волк, а ведьма; а я подумал, что не бешеный ли это был волк, потому что я никогда не видывал и не слыхивал, чтобы волк, после того, как его прогнали, вернулся опять на народ.

На всякий случай я посыпал Бульке на рану пороху и зажёл его. Порох вспыхнул и выжег больное место.

Я выжег порохом рану затем, чтобы выжечь бешеную слюну, если она ещё не успела войти в кровь. Если же попала слюна и вошла уже в кровь, то я знал, что по крови она разойдётся по всему телу, и тогда уже нельзя вылечить.

Что случилось с Булькой в Пятигорске

Из станицы я поехал прямо в Россию, а сначала в Пятигорск, и там пробыл два месяца. Мильтона я подарил казаку-охотнику, а Бульку взял с собой в Пятигорск.

Пятигорск так называется оттого, что он стоит на горе Бештау. А «беш» по-татарски значит пять, «тау» — гора. Из этой горы течёт горячая серная вода. Вода эта горяча, как кипяток, и над местом, где идёт вода из горы, всегда стоит пар, как над самоваром. Всё место, где стоит город, очень весёлое. Из гор текут горячие родники, под горой течёт речка Подкумок. По горе — леса, кругом — поля, а вдалеке всегда видны большие Кавказские горы. На этих горах снег никогда не тает, и они всегда белые, как сахар. Одна большая гора Эльбрус, как сахарная белая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячие ключи приезжают лечиться; и над ключами сделаны беседки, навесы, кругом разбиты сады и дорожки. По утрам играет музыка, и народ пьёт воду или купается и гуляет.

Самый город стоит на горе, а под горой есть слобода. Я жил в этой слободе в маленьком домике. Домик стоял на дворе, и перед окнами был садик, а в саду стояли хозяйские пчёлы — не в колодах, как в России, а в круглых плетушках. Пчёлы там так смирны, что я всегда по утрам с Булькой сиживал в этом са-

дике промежду ульев.

Булька ходил промежду ульев, удивлялся на пчёл, нюхал, слушал, как они гудят, но так осторожно ходил около них, что не мешал им, и они его не трогали.

Один раз утром я вернулся домой с вод и сел пить кофей в палисаднике. Булька стал чесать себе за ушами и греметь ошейником. Шум тревожил пчёл, и я снял с Бульки ошейник. Немного погодя я услышал из города с горы странный и страшный шум. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шум этот спускался с горы и подходил всё ближе и ближе к нашей слободе. Булька перестал чесаться, уложил свою широкую голову с белыми зубами промеж передних белых лапок, уложил и язык, как ему надо было, и смирно лежал подле меня.

Когда он услышал шум, он как будто понял, что это такое, насторожил уши, оскалил зубы, вскочил и начал рычать.

Шум приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышел к воротам посмотреть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросил:

— Что это такое?

Она сказала:

— Это *колодники* из острога ходят — собак бьют. Развелось много собак, и городское начальство велело бить всех собак по городу.

— Как, и Бульку убьют, если попадётся?

— Нет, в ошейниках не велят бить.

В то самое время, как я говорил, колодники подошли уже к нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника в цепях. У двух колодников в руках были длинные железные крючья и у двух дубины. Перед нашими воротами один колодник крючком зацепил дворную собачонку, притянул её на середину улицы, а другой колодник стал бить её дубиной. Собачонка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смеялись. Колодник с крючком перевернул собачонку, и, когда увидал, что она издохла, он вынул крючок и стал оглядываться, нет ли ещё собаки.

В это время Булька стремглав, как он кидается на медведя, бросился на этого колодника. Я вспомнил, что он без ошейника, и закричал:

— Булька, назад! — и кричал колодникам, чтобы они не били Бульку.

Но колодник увидал Бульку, захохотал и крючком ловко ударил в Бульку, и зацепил его за ляжку. Булька бросился прочь; но колодник тянул к себе и кричал другому:

— Бей!

Другой замахнулся дубиной, и Булька был бы убит, но он рванулся, кожа прорвалась на ляжке, и он, поджав хвост, с красной раной на ноге, стремглав влетел в калитку, в дом и забился под мою постель.

Он спасся тем, что кожа его прорвалась насквозь в том месте, где был крючок.

Конец Бульки и Мильтона

Булька и Мильтон кончились в одно и то же время.

Старый казак не умел обращаться с Мильтоном. Вместо того, чтобы брать его с собою только на птицу, он стал водить его за кабанями. И в ту же осень *секач* кабан спорол его. Никто не умел его зашить, и Мильтон издох.

Булька тоже недолго жил после того, как он спасся от колодников. Скоро после своего спасения от колодников он стал скучать и

стал лизать всё, что ему попадалось. Он лизал мне руки, но не так, как прежде, когда ласкался. Он лизал долго и сильно налегал языком, а потом начинал прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но он не хотел. Я не стал давать ему руку. Тогда он стал лизать мой сапог, ножку стола и потом кусать сапог или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третий день он пропал, и никто не видал и не слышал про него.

Украсть его нельзя было, и уйти от меня он не мог, а случилось это с ним шесть недель

после того, как его укусил волк. Стало быть, волк, точно, был бешеный. Булька взбесился и ушёл. С ним сделалось то, что называют по-охотничьи — стечка. Говорят, что бешенство в том состоит, что у бешеного животного в горле делаются судороги. Бешеные животные хотят пить и не могут, потому что от воды судороги делаются сильнее. Тогда они от боли и от жажды выходят из себя и начинают кусать. Верно, у Бульки начинались эти судороги, когда он начинал лизать, а потом кусать мою руку и ножку стола.

Я ездил везде по округе и спрашивал про Бульку, но не мог узнать, куда он делся и как он издох. Если бы он бегал и кусал, как делают бешеные собаки, то я бы услышал про него. А, верно, он забежал куда-нибудь в глушь и один умер там. Охотники говорят, что когда сумной собакой делается стечка, то она убегает в поля или леса и там ищет травы, какой ей нужно, вываливается по росам и сама лечится.

Видно, Булька не мог вылечиться. Он не вернулся и пропал.

Сан-готардская собака

Описание

Есть рядом две земли: Швейцария и Италия. Между этими двумя землями есть горы Альпы. Горы эти так высоки, что снег на них никогда не тает. По дороге из Швейцарии в Италию надо переходить через эти горы. Дорога идёт через гору Сан-Готард. На самом верху этой горы, на дороге, построен мона-

стырь. И в этом монастыре живут монахи. Монахи эти молятся Богу и пускают к себе дорожных людей на отдых и на ночлег. На Сан-Готарде всегда бывает пасмурно; летом туман, и ничего не видно. А зимой бывают такие метели, что на пять аршин заносит снегом. И проезжие и прохожие часто замерзают в эти метели. У монахов есть собаки. И собаки эти приучены отыскивать в снегу людей.

Один раз по дороге в Швейцарию шла женщина с ребёночком. Началась метель; женщина сбилась с дороги, села в снегу и застыла. Монахи вышли с собаками и нашли женщину с ребёночком. Монахи отогрели ребё-

ночка и выкормили. А женщину они принесли уже мёртвую и похоронили у себя в монастыре.

Орёл

Орёл свил себе гнездо на большой дороге, вдали от моря, и вывел детей.

Один раз подле дерева работал народ, а орёл подлетел к гнезду с большой рыбой в когтях. Люди увидели рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать в орла камни.

Орёл выронил рыбу, а люди подняли её и

ушли.

Орёл сел на край гнезда, а орлята подняли свои головы и стали пицать: они просили корма.

Орёл устал и не мог лететь опять на море; он спустился в гнездо, прикрыл орлят крыльями, ласкал их, оправлял им пёрышки и как будто просил их, чтобы они подождали немного. Но чем больше он их ласкал, тем громче они пицали.

Тогда орёл отлетел от них и сел на верхний сук дерева.

Орлята засвистали и запицали ещё жалобнее.

Тогда орёл вдруг сам громко закричал, расправил крылья и тяжело полетел к морю. Он вернулся только поздно вечером: он летел тихо и низко над землёю, в когтях у него опять была большая рыба.

Когда он подлетал к дереву, он оглянулся, — нет ли опять вблизи людей, быстро сложил крылья и сел на край гнезда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орёл разорвал рыбу и накормил детей.

Пожарные собаки

Бывает часто, что в городах на пожарах остаются дети в домах и их нельзя вытащить, потому что они от испуга спрячутся и молчат, а от дыма нельзя их рассмотреть. Для этого в Лондоне приучены собаки. Собаки эти живут с пожарными, и когда загорится дом,

то пожарные посылают собак вытаскивать детей. Одна такая собака в Лондоне спасла двенадцать детей; её звали Боб.

Один раз загорелся дом. И когда пожарные приехали к дому, к ним выбежала женщина. Она плакала и говорила, что в доме осталась двухлетняя девочка. Пожарные послали Боба. Боб побежал по лестнице и скрылся в дыме. Через пять минут он выбежал из дома и в зубах за рубашонку нёс девочку. Мать бросилась к дочери и плакала от радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали её — не обгорела ли она; но Боб рвался опять в дом. Пожарные подумали, что в доме есть ещё что-нибудь живое, и пустили его. Собака побежала в дом и скоро выбежала с чем-то в зубах. Когда народ рассмотрел то, что она несла, то все расхохотались: она несла большую куклу.

Воробей и ласточки

Раз я стоял на дворе и смотрел на гнездо ласточек под крышей. Обе ласточки при мне улетели, и гнездо осталось пустое.

В то время, когда они были в отлучке, с крыши слетел воробей, прыгнул на гнездо, оглянулся, взмахнул крылышками и юркнул в гнездо; потом высунул оттуда свою головку и зачирикал.

Скоро после того прилетела к гнезду ласточка. Она сунулась в гнездо, но, как только увидела гостя, запищала, побилась крыльями на месте и улетела.

Воробей сидел и чирикал.

Вдруг прилетел табунок ласточек; все ласточки подлетали к гнезду — как будто для

того, чтоб посмотреть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робел, поворачивал голову и чирикал.

Ласточки опять подлетали к гнезду, что-то делали и опять улетали.

Ласточки не даром подлетали: они приносили каждая в клювике грязь и понемногу замазывали отверстие гнезда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и всё больше и больше замазывали гнездо, и отверстие становилось всё теснее и теснее.

Сначала видна была шея воробья, потом уже одна головка, потом носик, а потом и ничего не стало видно; ласточки совсем замазали его в гнезде, улетели и со свистом стали кружиться вокруг дома.

Первый перелёт

Лебеди стадом летели из холодной стороны в тёплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь; и другой день и другую ночь они, не отдыхая, летели над водою.

На небе был полный месяц, и лебеди далеко внизу под собой видели синеющую воду. Все лебеди утомились, махая крыльями, но они не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее.

Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и

не мог лететь дальше. Тогда он, распустив крылья, пошёл книзу. Он ближе и ближе спускался к воде; а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете.

Лебедь спустился на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его. Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза.

Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опускаясь широкой полосой, поднимало и опускало его.

Перед зарёй лёгкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звёзды стали бледнее. Лебедь вздохнул, вытянул шею и, взмахнув крыльями, приподнялся и полетел, цепляя крыльями по воде. Он поднимался выше и выше и полетел один над тёмными всколыхавшимися волнами.

Шелковичный червь

У меня были старые тутовые деревья в саду. Ещё дедушка мой посадил их. Мне дали осенью золотник семян шелковичных червей и присоветовали выводить червей и делать шёлк. Семена эти тёмно-серые и такие маленькие, что в моём золотнике я сосчитал их пять тысяч восемьсот тридцать пять.

Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсем мёртвые: только когда раздавишь, так они щёлкнут.

Семечки валялись у меня на столе, и я было забыл про них.

Но раз весной я пошёл в сад и заметил, что почка на тутовнике стала распускаться и на припёке солнечном уж был лист. Я вспомнил про семена червей и дома стал перебирать их и рассыпал попросторнее. Большая часть семечек были уже не тёмно-серые, как прежде, а одни были светло-серые, а другие ещё светлее с молочным отливом.

На другое утро я рано посмотрел яички и увидал, что из одних червячки уже вышли, а другие разбухли и налились. Они, видно, по-

чувствовали в своих скорлупках, что корм их поспел.

Червячки были чёрные, мохнатые и такие маленькие, что трудно было их рассмотреть. Я поглядел в увеличительное стекло на них и увидел, что они в яичке лежат свёрнутые колечком, и как выходят, так выпрямляются. Я пошёл в сад за тузовыми листьями, набрал пригоршни три, положил к себе на стол и принялся готовить для червей место, так, как меня учили.

Пока я готовил бумагу, червячки почували на столе свой корм и поползли к нему. Я отодвинул и стал манить червей на лист, и они, как собаки за куском мяса, ползли за листом по сукну стола через карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарезал бумаги, протыкал её ножичком, на бумагу наложил листья и со всем, с листом, наложил бумагу на червяков. Червяки пролезли в дырочки, все взобрались на лист и сейчас же принялись за еду.

На других червей, когда они вывелись, я так же наложил бумагу с листом, и все пролезли в дырочки и принялись есть. На каждом листе бумаги все червяки собирались

вместе и с краёв объедали лист. Потом, когда съедали всё, то ползли по бумаге и искали нового корма. Тогда я накладывал на них новые листы дырявой бумаги с тутовым листом, и они перелезали на новый корм.

Они лежали у меня на полке, и когда листа не было, они ползали по полке, приползали к

самому краю, но никогда не спадали вниз, даром что они слепые. Как только червяк подойдёт к обрыву, он, прежде чем спускаться, изо рта выпустит паутину и на ней приклеится к краю, спустится, повисит, поосмотрится и если хочет спуститься — спустится, а если хочет вернуться назад, то втянется назад по своей паутинке.

Целые сутки червяки только и делали, что ели. И листу всё им надо было подавать больше и больше. Когда им принесёшь свежий лист и они переберутся на него, то делается шум, точно дождь по листьям; это они начинают есть свежий лист.

Так старшие черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали есть в десять раз больше против прежнего. На пятый день я знал, что им надо засыпать, и всё ждал, когда это будет. К вечеру на пятый день точно один старший червяк прилип к бумаге и перестал есть и шевелиться.

На другие сутки я долго караулил его. Я знал, что черви несколько раз линяют, потому что вырастают, и им тесно в прежней шкуре, и они надевают новую.

Мы караулили по переменкам с моим товарищем. Ввечеру товарищ закричал:

— Раздеваться начал, идите!

Я пришёл и увидел, что точно, — этот червяк прицепился старою шкурой к бумаге, прорвал около рта дыру, высунул голову и тужится-извивается — как бы выбраться, но старая рубашка не пускает его. Долго я смотрел на него, как он бился и не мог выбраться, и захотел помочь ему. Я ковырнул чуть-чуть ногтем, но тотчас же увидел, что сделал глупость. Под ногтем было что-то жидкое, и червяк замер. Я думал, что это кровь, но потом я узнал, что это у червяка под кожей есть жидкий сок — для того, чтобы по смазке легче сходила его рубашка. Ногтем я, верно, расстроил новую рубашку, потому что червяк хотя и вылез, но скоро умер.

Других уже я не трогал, а они всё так же выбирались из своих рубашек; и только некоторые пропадали, а все почти хотя и долго мучились, но выползали-таки из старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнее стали есть, и листу пошло ещё больше. Через четы-

ре дня они опять заснули и опять стали вылезать из шкур. Листу пошло ещё больше, и они были уже ростом в осьмушку вершка. Потом через шесть дней опять заснули и вышли опять в новых шкурах из старых, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва успевали готовить им лист.

На девятый день старшие червяки совсем перестали есть и поползли вверх по полкам и по столбам. Я собрал их и положил им свежего листа, но они отворачивали головы от листа и ползли прочь. Я вспомнил тогда, что червяки, когда готовятся завиваться в кукулы, то перестают совсем есть и ползут вверх.

Я оставил их и стал смотреть, что они будут делать.

Старшие влезли на потолок, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по одной паутинке в разные стороны. Я смотрел за одним. Он забрался в угол, протянул ниток шесть на вершок от себя во все стороны, повис на них, перегнулся подковой вдвое и стал кружить головой и выпускать шёлковую паутину так, что паутина обматывалась вокруг него. К вечеру он уже был как в тумане в сво-

ей паутине. Чуть видно его было; а на другое утро уж его и совсем не видно было за паутиной: он весь обмотался шёлком и всё ещё мотал.

Через три дня он кончил мотать и замер.

Потом я узнал, сколько он выпускает в длину паутины за эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдет иногда больше версты, а редко меньше. И если счесть, сколько раз надо мотнуть червячку головой в эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдет, что он повернётся вокруг себя в эти три дня триста тысяч раз. Значит, он не переставая делает каждую секунду по обороту. Зато уже после этой работы, когда мы сняли несколько куколок и разломали их, то мы нашли в куколках червячков совсем высохших, белых, точно восковых.

Я знал, что из этих белых куколок с белыми, восковыми мертвецами внутри должны выйти бабочки; но глядя на них, не мог этому верить. Однако всё-таки я на двадцатый день стал смотреть, что будет с теми, каких я оставил.

На двадцатый день, я знал, что должна

быть перемена. Ничего не было видно, и я уже думал, что-нибудь не так, как вдруг приметил — на одном коконе кончик потемнел и намок. Я подумал уже — не испортился ли, и хотел выбросить. Но подумал, не так ли начинается? И стал смотреть, что будет. И точно: из мокрого места что-то тронулось. Я долго не мог разобрать, что это такое. Но потом показалось что-то похожее на головку с усиками. Усики шевелились. Потом я заметил, что лапка просунулась в дырку, потом другая, и лапки цеплялись и выкарабкивались из куколки. Всё дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобрал — мокрая бабочка. Когда выбрались все шесть лапок, — задок выскочил, она вылезла и тут же села. Когда бабочка обсохла, она стала белая, расправила крылья, полетала, покружилась и села на окно.

Через два дня бабочка на подоконнике рядком наклала яиц и приклеила их. Яички были жёлтые, двадцать пять бабочек положили яйца. И я набрал пять тысяч яичек.

На другой год я выкормил уже больше червей и больше вымотал шёлку.

Охота пуще неволи
Рассказ охотника

Мы были на охоте за медведями. Товарищу пришлось стрелять по медведю; он ранил его, да в мягкое место. Осталось немного крови на снегу, а медведь ушёл.

Мы сошлись в лесу и стали судить, как нам быть: идти ли теперь отыскивать этого медведя, или подождать три дня, пока медведь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиков-медвежатников, можно или нельзя обойти теперь этого медведя? Старик-медвежатник говорит:

— Нельзя, надо медведю дать остепениться; дней через пять обойти можно, а теперь за ним ходить — только напугаешь, он и не ляжет.

А молодой мужик-медвежатник спорил со стариком и говорил, что обойти теперь можно.

— По этому снегу, — говорит, — медведь далеко не уйдёт, — медведь жирный. Он нынче же ляжет. А не ляжет, так я его на лыжах догоню.

И товарищ мой тоже не хотел теперь обходить и советовал подождать.

Я и говорю:

— Да что спорить. Вы делайте, как хотите, а я пойду с Демьяном по следу. Обойдём — хорошо, не обойдём — всё равно делать нынче нечего, а ещё не поздно.

Так и сделали.

Товарищи пошли к саням да в деревню, а мы с Демьяном взяли с собой хлеба и остались в лесу.

Как ушли все от нас, мы с Демьяном осмотрели ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по следу.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжах была трудная: снег был глубокий и *праховый*. Осадки снега в лесу не было, да ещё снежок выпал накануне, так что лыжи уходили в снег на *четверть*, а где и больше.

Медвежий след издалека был виден. Видно было, как шёл медведь, как местами по брюхо проваливался и выворачивал снег. Мы шли сначала в виду от следа, крупным лесом; а потом, как пошёл след в мелкий ельник, Демьян остановился.

— Надо, — говорит, — бросать след. Должно быть, здесь ляжет. Присаживаться стал —

на снегу видно. Пойдём прочь от следа и круг дадим. Только тише надо, не кричать, не кашлять, а то спугнёшь.

Пошли мы прочь от следа, влево. Прошли шагов пятьсот, глядим — след медвежий опять перед нами. Пошли мы опять по следу, и вывел нас этот след на дорогу. Остановились мы на дороге и стали рассматривать, в какую сторону пошёл медведь. Кое-где по дороге видно было, как всю лапу с пальцами отпечатал медведь, а кое-где — как в лаптях мужик ступал по дороге. Видно, что пошёл он к деревне.

Пошли мы по дороге. Демьян и говорит:

— Теперь смотреть нечего на дорогу; где сойдёт с дороги вправо или влево, видно будет в снегу. Где-нибудь своротит, не пойдёт же в деревню.

Прошли мы так по дороге с версту; видим впереди — след с дороги. Посмотрели — что за чудо! След медвежий, да не с дороги в лес, а из лесу на дорогу идёт: пальцами к дороге. Я говорю:

— Это другой медведь.

Демьян посмотрел, подумал.

— Нет, — говорит, — это он самый, только обманывать начал. Он задом с дороги сошёл.

Пошли мы по следу, так и есть. Видно, медведь прошёл с дороги шагов десять задом, зашёл за сосну, повернулся и пошёл прямо. Демьян остановился и говорит:

— Теперь верно обойдём. Больше ему и лечь негде, как в этом болоте. Пойдём в обход.

Пошли мы в обход, по частому ельнику. Я уж уморился, да и труднее стало ехать. То на куст можжевелевый наедешь, зацепишь, то промеж ног ёлочка подвернётся, то лыжа свернётся без привычки, то на пень, то на колоду наедешь под снегом. Стал я уж уставать. Снял я шубу, и пот с меня так и льёт. А Демьян как на лодке плывёт. Точно сами под ним лыжи ходят. Ни зацепит нигде, ни свернётся. И мою шубу ещё себе за плечи перекинул и всё меня понукает.

Дали мы круг версты в три, обошли болото. Я уже отставать стал, — лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдруг впереди меня Демьян и машет рукой. Я подошёл. Демьян пригнулся, шепчет и показывает:

— Видишь, сорока над *ломом* щечочет;

птица издалече его дух слышит. Это он.

Взяли мы прочь, прошли ещё с версту и нашли опять на старый след. Так что мы кругом обошли медведя, и он в середине нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снял, и расстегнулся весь: жарко мне, как в бане, весь, как мышь, мокрый. И Демьян покраснелся, рукавом утирается.

— Ну, — говорит, — барин, дело сделали, теперь отдохнуть надо.

А уж заря сквозь лес краснеться стала. Сели мы на лыжи отдыхать. Достали хлеб из мешка и соль; поел я сначала снегу, а потом хлеба. И такой мне хлеб вкусный показался, что я в жизнь такого не ел. Посидели мы; уж и смеркаться стало. Я спросил Демьяна, далеко ли до деревни.

— Да вёрст двенадцать будет. Дойдём ночью, а теперь отдохнуть надо. Надевай-ка шубу, барин, а то остудишься.

Наломал Демьян ветвей еловых, обил снег, настлал кровать, и легли мы с ним рядышком, руки под головы подложили. И сам не помню я, как заснул. Проснулся я часа через два. Треснуло что-то.

Я так крепко спал, что и забыл, где я за-
снул. Оглянулся я — что за чудо! Где я? Пала-
ты какие-то белые надо мной, и столбы бе-
лые, и на всём блёстки блестят. Глянул
вверх — разводы белые, а промеж разводов
свод какой-то воронёный, и огни разноцвет-
ные горят. Огляделся я, вспомнил, что мы в
лесу и что это деревья в снегу и в инее мне за
палаты показались, а огни — это звёзды на
небе промеж сучьев дрожат.

В ночь иней выпал: и на сучьях иней, и на

шубе моей иней, и Демьян весь под инеем, и сыплется сверху иней. Разбудил я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому снегу посовываем, да кое-где треснет дерево от мороза, и по всему лесу гол к раздаётся. Один раз только живое что-то зашумело близёхонько от нас и прочь побежало. Я так и думал, что медведь. Подошли к тому месту, откуда зашумело, увидали следы заячьи, и осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дороге. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дороге раскатываются, громыхают, снежок под сапогами поскрипывает, холодный иней на лицо, как пушок, липнет. А звёзды вдоль по сучьям точно навстречу бегут, засветятся, потухнут — точно всё небо ходуном ходит.

Товарищ спал — я разбудил его. Мы рассказали, как обошли медведя, и велели хозяину к утру собрать загонщиков-мужиков. Поужинали и легли спать.

Я бы с усталости проспал до обеда, да товарищ разбудил меня. Вскочил я, смотрю: това-

рищ уж одет, с ружьём что-то возится.

— А где Демьян?

— Он уже давно в лесу. Уж и обклад проверил, сюда прибегал; а теперь повёл загонщиков заводить.

Умылся я, оделся, зарядил свои ружья; сели в сани, поехали.

Мороз всё держался крепкий, тихо было, и солнца не видать было; туман стоял наверху, и иней садился.

Проехали мы версты три по дороге, подъехали к лесу. Видим: в низочке дымок синееет, и народ стоит — мужики и бабы с дубинами.

Слезли мы, подошли к народу. Мужики си-

дят, картошки жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Поднялся народ, повёл их Демьян расставлять кругом по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, тридцать человек — только по пояс их видно — зашли в лес; потом пошли мы с товарищем по их следу.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; зато падать некуда, — как промежду двух стен идёшь.

Прошли мы так с полверсты; смотрим — уж Демьян с другой стороны к нам бежит на лыжах, машет рукой, чтоб к нему шли.

Подшли мы к нему, показал нам места. Стал я на своё место, огляделся.

Налево от меня высокий ельник; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернеется мне мужик-загонщик. Против меня частый, молодой ельник в рост человека. И на ельнике сучья повисли и слиплись от снега. В середине ельника дорожка, засыпанная снегом. Дорожка эта прямо на меня идёт. Направо от меня частый ельник, а на конце ельника полянка. И на этой полянке, вижу я, что Демьян ставит товарища.

Осмотрел я свои два ружья, взвёл курки и стал раздумывать, где бы мне получше стать. Сзади меня в трёх шагах большая сосна. «Дай стану у сосны и ружьё другое к ней прислоню». Полез я к сосне, провалился выше колен, обтоптал у сосны площадку аршина в полтора и на ней устроился. Одно ружьё взял в руки, а другое с взведёнными курками прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается.

Только я устроился, слышу, кричит в лесу Демьян:

— Пошёл! В ход пошёл! Пошёл!

И как закричал Демьян, на кругу закричали мужики разными голосами.

— Пошёл! Уууу! — кричали мужики.

— Ай! И-их! — кричали бабы тонкими голосами.

Медведь был в кругу. Демьян гнал его. Кругом везде кричал народ, только я и товарищ стояли, молчали и не шевелились, ждали медведя.

Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня так и стучит. Держусь за ружьё, подрагиваю.

«Вот-вот, — думаю, — выскочит, прицелюсь, выстрелю, упадёт...» Вдруг налево слышу я, в снегу обваливается что-то, только далеко. Глянул я в высокий ельник: шагов на пятьдесят, за деревьями, стоит что-то чёрное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбежит ли ближе. Смотрю: шевельнул он ушами, повернулся и назад. Сбоку мне его всего видно стало. Здоровенный зверище! Нацелился я сторяча. Хлоп! — слышу: шлёпнулась об дерево моя пуля. Смотрю из-за дыма, — медведь мой назад катит в обход и скрылся за лесом. «Ну, — думаю, пропало моё дело; теперь уж не набежит на меня; либо товарищу стрелять, либо через мужиков пойдёт, а уж не на меня». Стою я, зарядил опять ружьё и слушаю. Кричат мужики со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от товарища, слышу, кричит какая-то баба:

— Вот он! Вот он! Вот он! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!

Видно — на глазах медведь. Не жду уже я к себе медведя и гляжу направо, на товарища. Смотрю: Демьян с палочкой, без лыж, по тропинке бежит к товарищу; присел подле него

и палкой указывает ему на что-то, как будто целится. Вижу: товарищ вскинул ружьё, целится туда, куда показывает Демьян. Хлоп! — выпалил. «Ну, — думаю, — убил». Только смотрю, не бежит товарищ за медведем. «Видно, промах или плохо попал, — уйдёт, — думаю, — теперь медведь назад, а ко мне уже не выскочит!» Что такое? Впереди себя слышу вдруг — как вихорь летит кто-то, близёхонько сыплется снег, и пыхтит. Поглядел я перед собой: а он прямёхонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав и, видно, со страху сам себя не помнит. Шагах от меня в пяти весь мне виден: грудь чёрная иловица огромная с рыжинкой. Летит прямёхонько на меня лбом и сыплет снег во все стороны. И вижу я по глазам медведя, что он не видит меня, а с испугу *катит благим матом*, куда попало. Только ход ему прямо на сосну, где я стою. Вскинул я ружьё, выстрелил, — а уже он ещё ближе. Вижу, не попал, пулю пронесло; а он и не слышит, катит на меня и всё не видит. Пригнул я ружьё, чуть не упёр в него, в голову. Хлоп! — вижу, попал, а не убил.

Приподнял он голову, прижал уши, осклабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. «Ну, — думаю, — хорошо, что он бросил меня». Стал я подниматься, слышу — давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня да повернулся передом назад и навалился на меня всею грудью. Слышу я, лежит на мне тяжёлое, слышу тёплое над лицом и слышу, забирает он в пасть всё лицо моё. Нос мой уж у него во рту, и чую я — жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу: зацепил он зубами верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдёргиваюсь, а он торопится и, как собака, грызёт — жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. «Ну, — думаю, — конец мой пришёл». Слышу, вдруг полегчало на мне. Смотрю, нет

его: соскочил он с меня и убежал.

Когда товарищ и Демьян увидели, что медведь сбил меня в снег и грызёт, они бросились ко мне. Товарищ хотел поскорее поспеть, да ошибся; вместо того, чтобы бежать по протоптанной дорожке, он побежал целиком и упал. Пока он выкарабкивался из снега, медведь всё грыз меня. А Демьян, как был, без ружья, с одной хворостиной, пустился по дорожке, сам кричит:

— Барина заел! Барина заел! — Сам бежит и кричит на медведя: — Ах ты, баламутный! Что делает! Брось! Брось!

Послушался медведь, бросил меня и побежал. Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмотьями висело мясо, а сторяча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я забыл про рану, спрашиваю:

— Где медведь, куда ушёл?

Вдруг слышим:

— Вот он! Вот он!

Видим: медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не успел никто выстрелить — уж он пробежал. Медведь остервенел, — хотелось ему ещё погрызть, да увидал, что народу много, испугался. По следу мы увидели, что из медвежьей головы идёт кровь; хотели идти догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шёлком, и они стали заживать.

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Мед-

ведь не выходил из обклада, а всё ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил его. У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть и выбит зуб.

Медведь этот был очень велик и на нём прекрасная чёрная шкура.

Я сделал из неё чучелу, и она лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были.

СКАЗКИ

Три медведя

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была отворена; она посмотрела в дверь, видит — в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна столовая, другая спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлёбкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки. И Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит — у стола

три стула: один большой, Михайлы Иванычев, другой поменьше, Настасьи Петровнин, и третий маленький, с синенькой подушечкой — Мишуткин.

Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нём было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась — так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колени и стала есть. Поела всю похлёбку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая — Михайлы Иванычева, другая средняя — Настасьи Петровнина, третья маленькая — Мишенькина. Девочка легла в большую, ей было слишком просторно; легла в среднюю — было слишком высоко; легла в маленькую — кроватка пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

— Кто хлебал в моей чашке?

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

— Кто хлебал в моей чашке?

А Мишутка увидел свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

— Кто хлебал в моей чашке и всё выхлебал?

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

— Кто сидел на моём стуле и сдвинул его с места?

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

— Кто сидел на моём стуле и сдвинул его с места?

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

— Кто сидел на моём стуле и сломал его?

Медведи пришли в другую горницу.

— Кто ложился в мою постель и смял её? — заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

— Кто ложился в мою постель и смял её? — зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

— Кто ложился в мою постель?

И вдруг он увидел девочку и завизжал так, как будто его режут:

— Вот она! Держи, держи! Вот она! Вот она! Ай-я-яй! Держи!

Он хотел её укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали её.

Липунюшка

Жил старик со старухою. У них не было детей. Старик поехал в поле пахать, а старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блинов и говорит:

— Если бы был у нас сын, он бы отцу блинов отнёс; а теперь с кем я пошлю?

Вдруг из хлопка вылез маленький сыночек и говорит:

— Здравствуй, матушка!..

А старуха и говорит:

— Откуда ты, сыночек, взялся и как тебя звать?

А сыночек и говорит:

— Ты, матушка, отпряла хлопочек и положила в столбочек, я там и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блинов батюшке.

Старуха и говорит:

— Ты донесёшь ли, Липунюшка?

— Донесу, матушка...

Старуха завязала блины в узелок и дала сыночку. Липунюшка взял узел и побежал в поле.

В поле попалась ему на дороге кочка; он и кричит:

— Батюшка, батюшка, пересади меня через кочку! Я тебе блинов принёс.

Старик услышал с поля, кто-то его зовёт, пошёл к сыну навстречу, пересадил его через кочку и говорит:

— Откуда ты, сынок?

А мальчик говорит:

— Я, батюшка, в хлопочке вывелся, — и по-

дал отцу блинов.

Старик сел завтракать, а мальчик говорит:
— Дай, батюшка, я буду пахать.

А старик говорит:

— У тебя силы неостанет пахать.

А Липунюшка взялся за соху и стал пахать.

Сам пашет и сам песни поёт.

Ехал мимо этого поля барин и увидел, что старик сидит завтракает, а лошадь одна пашет. Барин вышел из кареты и говорит старику:

— Как это у тебя, старик, лошадь одна па-

шет?

А старик говорит:

— У меня там мальчик пашет, он и песни поёт.

Барин подошёл ближе, услышал песни и увидал Липунюшку.

Барин и говорит:

— Старик! Продай мне мальчика.

А старик говорит:

— Нет, мне нельзя продать, у меня один только и есть.

А Липунюшка говорит старику:

— Продай, батюшка, я убегу от него.

Мужик и продал мальчика за сто рублей.

Барин отдал деньги, взял мальчика, завернул его в платочек и положил в карман. Барин приехал домой и говорит жене:

— Я тебе радость привёз.

А жена говорит:

— Покажи, что такое?

Барин достал платочек из кармана, развернул его, а в платочке ничего нету. Липунюшка уж давно к отцу убежал.

Ёж и заяц

Повстречал заяц ежа и говорит:
— Всем бы ты хорош, ёж, только ноги у

тебя кривые, заплетаются.

Ёж рассердился и говорит:

— Ты что ж смеёшься; мои кривые ноги скорее твоих прямых бегают. Вот дай только схожу домой, а потом давай побежим наперегонку!

Ёж пошёл домой и говорит жене:

— Я с зайцем поспорил: хотим бежать наперегонку!

Ежова жена и говорит:

— Ты, видно, с ума сошёл! Где тебе с зайцем бежать? У него ноги быстрые, а у тебя кривые и тупые.

А ёж говорит:

— У него ноги быстрые, а у меня ум быстрый. Только ты делай, что я велю. Пойдём в поле.

Вот пришли они на вспаханное поле к зайцу; ёж и говорит жене:

— Спрячься ты на этом конце борозды, а мы с зайцем побежим с другого конца; как он разбежится, я вернусь назад; а как прибежит к твоему концу, ты выходи и скажи: «А я уже давно жду». Он тебя от меня не узнает — подумает, что это я.

Ежова жена спряталась в борозде, а ёж с зайцем побежали с другого конца.

Как заяц разбежался, ёж вернулся назад и спрятался в борозду. Заяц прискакал на другой конец борозды: глядь! — а ежова жена уже там сидит. Она увидела зайца и говорит ему:

— А я уже давно жду!

Заяц не узнал ежову жену от ежа и думает: «Что за чудо! Как это он меня обогнал?»

— Ну, — говорит, — давай ещё раз побежим!

— Давай!

Заяц пустился назад, прибежал на другой конец: глядь! — а ёж уже там, да и говорит:

— Э, брат, ты только теперь, а я уже давно тут.

«Что за чудо! — думает заяц, — уж как я шибко скакал, а всё он обогнал меня».

— Ну, так побежим ещё раз, теперь уж не обгонишь.

— Побежим!

Поскакал заяц, что было духу: глядь! — ёж впереди сидит и дожидается.

И так заяц до тех пор скакал из конца в ко-

нец, что из сил выбился.

Заяц покорился и сказал, что вперёд никогда не будет спорить.

Волк и старуха

Голодный волк разыскивал добычу. На краю деревни он услышал — в избе плачет мальчик, и старуха говорит:

— Не перестанешь плакать, я тебя волку отдам.

Волк не пошёл дальше и стал дожидаться, когда ему отдадут мальчика.

Вот пришла ночь; он всё ждёт и слышит — старуха опять приговаривает:

— Не плачь, дитяtko, не отдам тебя волку. Только приди волк, убьём его.

Волк подумал: «Видно, тут говорят одно, а делают другое», — и пошёл прочь от деревни.

Весёлая белка

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел её съесть.

Белка стала просить:

— Пусти меня.

Волк сказал:

— Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы. Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там вверху всё играете и прыгаете.

Белка сказала:

— Пусти меня прежде на дерево, а оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя.

Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала:

— Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость в сердце жжёт. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем.

Как мужик лошадь переупрямил

Мужику с возом надо было ехать через реку. Через реку ходил паром. Мужик отпряг лошадь и свёз телегу на паром; но лошадь была упряма и не хотела идти на паром. Мужик тащил её из всех сил за повод и не мог ввести на паром. Потом он стал толкать её сзади, но не мог ссунуть с берега. Тогда он вздумал тащить её за хвост прочь от воды. Лошадь была упряма и пошла не туда, куда её тащили, и вошла на паром.

Телёнок на льду

Телёнок скакал по закуте и выучился делать круги и повороты. Когда пришла зима, телёнка выпустили с другою скотиною на лёд к водопою. Все коровы осторожно подошли к корыту, а телёнок разбежался на лёд, загнул хвост, приложил уши и стал кружиться. На первом же кругу нога его раскатилась,

и он ударился головой о корыто.

Он заревел:

— Несчастный я! По колено в соломе скакал — не падал, а тут на гладком поскользнулся.

Старая корова сказала:

— Кабы ты был не телёнок, ты бы знал, что, где легче скакать, там труднее держаться.

Царь и избушка

Один царь строил себе дворец и перед дворцом сделал сад. Но на самом въезде в сад стояла избушка, и жил бедный мужик. Царь хотел эту избушку снести, чтобы она сад не

портила, и послал своего министра к бедному мужику, чтобы купил избушку.

Министр пошёл к мужику и сказал:

— Ты счастлив. Царь хочет твою избушку купить. Она десяти рублей не стоит, а царь тебе сто даёт.

Мужик сказал:

— Нет, я избушку за сто рублей не продам.

Министр сказал:

— Ну так царь двести даёт.

Мужик сказал:

— Ни за двести, ни за тысячу не отдам. Мой дед и отец в избушке этой жили и померли, и я в ней стар стал и умру, Бог даст.

Министр пошёл к царю и сказал:

— Мужик упрям, ничего не берёт. Не давай же, царь, мужику ничего, а вели снести избушку даром. Вот и всё.

Царь сказал:

— Нет, я этого не хочу.

Тогда министр сказал:

— Как же быть? Разве можно против дворца гнилой избушке стоять? Всякий взглянет на дворец, скажет: «Хорош бы дворец, да избушка портит. Видно, — скажет, — у царя де-

нег не было избушку купить».

А царь сказал:

— Нет, кто взглянет на дворец, тот скажет: «Видно, у царя денег много было, что такой дворец сделал»; а взглянет на избушку, скажет: «Видно, в царя этом и правда была». Оставь избушку.

Мужик и огурцы

Пошёл раз мужик к огороднику огурцы во-
рвать. Подполз он к огурцам и думает:
«Вот дай унесу мешок огурцов, продам; на эти
деньги курочку куплю. Нанесёт мне курица
яиц, сядет наседочкой, выведет много цып-
лят. Выкормлю я цыплят, продам, куплю по-
росёночка — свинку; напоросит мне свинка

поросят. Продам поросят, куплю кобылку; ожеребит мне кобылка жеребят. Выкормлю жеребят, продам; куплю дом и заведу огород. Заведу огород, насажу огурцов, воровать не дам, караул буду крепкий держать. Найму караульщиков, посажу на огурцы, а сам так-то пойду сторонкой да крикну: „Эй вы, караульте крепче!“»

Мужик так задумался, что и забыл совсем, что он на чужом огороде, и закричал во всю глотку.

Караульщики услышали, выскочили, избилли мужика.

Большая печка

У одного человека был большой дом, а в доме была большая печка; а семья у этого человека была небольшая: только сам да жена.

Когда пришла зима, стал человек топить печь и сжёг в один месяц все свои дрова. Нечем стало топить, а холодно.

Тогда человек стал ломать двор и топить лесом из разломанного двора. Когда он сжёг весь двор, в доме без защиты стало ещё холоднее, а топить нечем. Тогда он влез, разломал крышу и стал топить крышей; в доме стало ещё холоднее, а дров нету. Тогда человек стал разбирать потолок из дома, чтобы топить им.

Сосед увидал, как он потолок разворачивает, и говорит ему:

— Что ты, сосед, или с ума сошёл? Зимой потолок раскрываешь! Ты и себя и жену заморозишь!

А человек говорит:

— Нет, брат, я ведь затем и потолок поднимаю, чтобы мне печку топить. У нас печь такая, что чем больше топлю, тем холоднее становится.

Сосед засмеялся и говорит:

— Ну, а как потолок сожжёшь, тогда дом разбирать будешь? Жить негде будет, останется одна печь, да и та остынет.

— Такое моё несчастье, — сказал человек. — У всех соседей дров на всю зиму хватило, а я двор и половину дома сжёг — и то недостало.

Сосед сказал:

— Тебе надо только печку переделать.

А человек сказал:

— Знаю я, что ты моему дому и моей печке завидуешь за то, что она больше твоей, затем и не велишь ломать, — и не послушался соседа и сжёг потолок, и сжёг дом и пошёл жить к чужим людям.

Бестолковый мужик

Был один глупый мужик. Он пошёл в лес за дровами. Деревя все были велики. Он стал срубать ветки. Один сук на дубу был высоко. Мужик влез на дуб, сел верхом на сук спиной к дереву и срубил сук. Другой сук был ещё выше. Мужик влез на сук и, чтобы короче срубить, сел на него лицом к дереву. Он рубил немного, и стал сук трещать; мужик был рад и сказал:

— Вперёд всё так буду рубить.

Но сук сломался, и мужик сорвался.

Как дурак кисель резал

Был у дурака нож очень хорош. Стал дурак этим ножом гвоздь резать. Нож гвоздя не резал. Тогда дурак сказал:

— Дурён мой нож.

И стал этим ножом жидкий кисель резать: где пройдёт по киселю ножом, там кисель опять съедется. Дурак сказал:

— Дурён нож, и киселя не режет, — и бросил хороший нож.

Три вора

Один мужик вёл в город продавать осла и козу.

На козе был бубенчик.

Три вора увидели мужика, и один сказал:

— Я украду козу, так что мужик и не заметит.

Другой вор сказал:

— А я из рук у мужика украду осла.

Третий сказал:

— И это не трудно, а я так всё платье с мужика украду.

Первый вор подкрался к козе, снял с неё бубенчик и привесил к хвосту осла, а козу увёл в поле.

Мужик на повороте оглянулся, увидел, что козы нет, стал искать.

Тогда к нему подошёл второй вор и спросил, чего он ищет.

Мужик сказал, что у него украли козу.

Второй вор сказал:

— Я видел твою козу: вот сейчас только в этот лес пробежал человек с козой. Его можно поймать.

Мужик побежал догонять козу и попросил вора поддержать осла. Второй вор увёл осла.

Когда мужик вернулся из лесу и увидал, что и осла его нет, он заплакал и пошёл по дороге.

На дороге, у пруда, увидал он — сидит человек и плачет. Мужик спросил, что с ним?

Человек сказал, что ему велели отнести в город мешок с золотом и что он сел отдохнуть у пруда, заснул и во сне столкнулся с мешком в воду.

Мужик спросил, отчего он не лезет доставать его?

Человек сказал:

— Я боюсь воды и не умею плавать, но я дам двадцать золотых тому, кто достанет мешок.

Мужик обрадовался и подумал: «Мне Бог дал счастье за то, что у меня украли козу и осла». Он разделся, полез в воду, но мешка с золотом не нашёл; а когда он вылез из воды, его платья уже не было.

Это был третий вор: он украл и платье.

Как мужик гусей делил

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс.

Барин принял гуся и говорит мужику:

— Спасибо, мужик, тебе за гуся, только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына и две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

— Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

— Ты всему дому голова, тебе голову.

Потом отрезал задок, подаёт барыне:

— Тебе, — говорит, — дома сидеть, за домом смотреть, тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям:

— Вам, — говорит, — ножки — топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья:

— Вы, — говорит, — скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьми! — И взял себе всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

— Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочери, всех шестеро, — как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить.

Бедный мужик взял одного гуся — дал барину с барыней и говорит:

— Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям:

— И вас, — говорит, — трое.

Одного дал дочерям:

— И вас трое.

А себе взял двух гусей:

— Вот, — говорит, — и нас трое с гусями, — всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

Уж

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла с подругами купаться. Девочки сняли рубашки, положили на берег и попрыгали в воду.

Из воды выполз большой уж и, свернувшись, лёг на Машину рубашку. Девочки вылезли из воды, надели свои рубашки и побежали домой. Когда Маша подошла к своей рубашке и увидела, что на ней лежит ужас, она взяла палку и хотела согнать его; но уж поднял голову и засипел человеческим голосом:

— Маша, Маша, обещай за меня замуж.

Маша заплакала и сказала:

— Только отдай мне рубашку, а я всё сделаю.

— Пойдёшь ли замуж?

Маша сказала:

— Пойду.

И уж сполз с рубашки и ушёл в воду.

Маша надела рубашку и побежала домой.

Дома она сказала матери:

— Матушка, ужак лёг на мою рубашку и сказал: «Иди за меня замуж, а то не отдам рубашки». Я ему обещала.

Мать посмеялась и сказала:

— Это тебе приснилось.

Через неделю целое стадо ужей приползло к Машиному дому.

Маша увидела ужей, испугалась и сказала:

— Матушка, за мной ужи приползли.

Мать не поверила, но как увидела, сама испугалась и заперла сени и дверь в избу.

Ужи проползли под ворота и вползли в сени, но не могли пройти в избу. Тогда они выползли назад, все вместе свернулись клубком и бросились в окно. Они разбили стекло, упали на пол в избу и поползли по лавкам, сто-

лам и на печку.

Маша забилаь в угол на печи, но ужи на-шли её, стащили оттуда и повели к воде.

Мать плакала и бежала за ними, но не до-гнала. Ужи вместе с Машей бросились в воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Один раз мать сидела у окна и смотрела на улицу. Вдруг она увидала, что к ней идёт её Маша и ведёт за руку маленького мальчика, а на руках несёт девочку.

Мать обрадовалась и стала целовать Машу и спрашивать её, где она была и чьи это дети. Маша сказала, что это её дети, что уж взял её замуж и что она живёт с ним в водяном царстве.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить в водяном царстве, и дочь сказала, что лучше, чем на земле.

Мать просила Машу, чтобы она осталась с нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обещала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

— А как же ты домой пойдёшь?

— Пойду, покличу: «Осип, Осип, выйди сю-

да и возьми меня», он и выйдет на берег и возьмёт меня.

Мать сказала тогда Маше:

— Ну, хорошо, только переночуй у меня.

Маша легла и заснула, а мать взяла топор и пошла к воде.

Она пришла к воде и стала звать:

— Осип, Осип, выйди сюда.

Уж выплыл на берег. Тогда мать ударила его топором и отрубила ему голову. Вода сделалась красною от крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говорит:

— Я пойду домой, матушка; мне скучно стало, — и она пошла.

Маша взяла девочку на руки, а мальчика повела за руку.

Когда они пришли к воде, она стала кликать:

— Осип, Осип, выйди ко мне.

Но никто не выходил. Тогда она посмотрела на воду и увидала, что вода красная и ужасная голова плавает по ней. Тогда Маша поцеловала дочь и сына и сказала им:

— Нет у вас батюшки, не будет у вас и ма-

тушки. Ты, дочка, будь птичкой ласточкой, летай над водой; ты, сынок, будь соловейчиком, распевай по зорям; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу.

И они все разлетелись в разные стороны.

Ровное наследство

У одного купца было два сына. Старший был любимец отца, и отец всё своё наследство хотел отдать ему. Мать жалела меньшого сына и просила мужа не объявлять до вре-

мени сыновьям, как их разделят: она хотела как-нибудь сравнять двух сыновей. Купец её послушал и не объявлял своего решения.

Один раз мать сидела у окна и плакала; к окну подошёл странник и спросил, о чём она плачет.

Она сказала:

— Как мне не плакать: оба сына мне равны, а отец хочет одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего решения сыновьям, пока я не придумаю, как помочь меньшому. Но денег у меня своих нет, и я не знаю, как помочь горю.

Странник сказал:

— Твоему горю легко помочь; поди объяви сыновьям, что старшему достанется всё богатство, а меньшому ничего; и у них будет поровну.

Меньшой сын, как узнал, что у него ничего не будет, ушёл в чужие страны и выучился мастерствам и наукам, а старший жил при отце и ничему не учился, потому что знал, что будет богат.

Когда отец умер, старший ничего не умел делать, прожил всё своё имение, а младший

выучился наживать на чужой стороне и стал богат.

Царь и рубашка

Один царь был болен и сказал:
— Половину царства отдам тому, кто меня вылечит.

Тогда собрались все мудрецы и стали судить, как царя вылечить. Никто не знал. Один только мудрец сказал, что царя можно вылечить. Он сказал:

— Если найти счастливого человека, снять с него рубашку и надеть на царя — царь выздоровеет.

Царь и послал искать по своему царству счастливого человека; но послы царя долго ездили по всему царству и не могли найти счастливого человека. Не было ни одного такого, чтобы всем был доволен. Кто богат, да хворает; кто здоров, да беден; кто и здоров и богат, да жена не хороша, а у кого дети не хороши; все на что-нибудь да жалуются.

Один раз идёт поздно вечером царский сын мимо избышки, и слышно ему — кто-то говорит:

— Вот, слава богу, наработался, наелся и спать лягу; чего мне ещё нужно?

Царский сын обрадовался, велел снять с этого человека рубашку, а ему дать за это денег, сколько он захочет, а рубашку отнести к царю.

Посланные пришли к счастливому человеку и хотели с него снять рубашку; но счастливый был так беден, что на нём не было и рубашки.

Праведный судья

Один алжирский царь Бауакас захотел сам узнать, правду ли ему говорили, что в одном из его городов есть праведный судья, что он сразу узнаёт правду и что от него ни один плут не может укрыться. Бауакас переоделся в купца и поехал верхом на лошади в тот город, где жил судья. У въезда в город к Бауакасу подошёл калека и стал просить милостыню. Бауакас подал ему и хотел ехать дальше, но калека уцепился ему за платье.

— Что тебе нужно? — спросил Бауакас. —

Разве я не дал тебе милостыню?

— Милостыню ты дал, — сказал калека, — но ещё сделай милость — довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды как бы не раздавили меня.

Бауакас посадил калеку сзади себя и довёз его до площади. На площади Бауакас остановил лошадь. Но нищий не слезал.

Бауакас сказал:

— Что ж сидишь, слезай, мы приехали.

А нищий сказал:

— Зачем слезать, — лошадь моя; а не хочешь добром отдать лошадь, пойдём к судье.

Народ собрался вокруг них и слушал, как они спорили; все закричали:

— Ступайте к судье, он вас рассудит.

Бауакас с калекой пошли к судье. В суде был народ, и судья вызывал по очереди тех, кого судил. Прежде чем черёд дошёл до Бауакаса, судья вызвал учёного и мужика: они судились за жену. Мужик говорил, что это его жена, а учёный говорил, что его жена. Судья выслушал их, помолчал и сказал:

— Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра.

Когда эти ушли, вошли мясник и масленик. Мясник был весь в крови, а масленик в масле. Мясник держал в руке деньги, масленик — руку мясника.

Мясник сказал:

— Я купил у этого человека масло и вынул кошелёк, чтобы расплатиться, а он схватил меня за руку и хотел отнять деньги. Так мы и пришли к тебе, — я держу в руке кошелёк, а он держит меня за руку. Но деньги мои, а он — вор.

А масленик сказал:

— Это неправда. Мясник пришёл ко мне покупать масло. Когда я налил ему полный кувшин, он просил меня разменять ему золотой. Я достал деньги и положил их на лавку, а он взял их и хотел бежать. Я поймал его за руку и привёл сюда.

Судья помолчал и сказал:

— Оставьте деньги здесь и приходите завтра.

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калеки, Бауакас рассказал, как было дело. Судья выслушал его и спросил нищего.

Нищий сказал:

— Это всё неправда. Я ехал верхом через город, а он сидел на земле и просил меня подвезти его. Я посадил его на лошадь и довёз, куда ему нужно было; но он не хотел слезать и сказал, что лошадь его. Это неправда.

Судья подумал и сказал:

— Оставьте лошадь у меня и приходите завтра.

На другой день собралось много народа слушать, как рассудит судья.

Первые подошли учёный и мужик.

— Возьми свою жену, — сказал судья учёному, — а мужику дать пятьдесят палок.

Учёный взял свою жену, а мужика тут же наказали.

Потом судья вызвал мясника.

— Деньги твои, — сказал он мяснику; потом он указал на масленика и сказал: — А ему дать пятьдесят палок.

Тогда позвали Бауакаса и калеку.

— Узнаешь ты свою лошадь из двадцати других? — спросил судья Бауакаса.

— Узнаю.

— А ты?

— И я узнаю, — сказал калека.

— Иди за мною, — сказал судья Бауакасу.

Они пошли в конюшню. Бауакас сейчас же промеж других двадцати лошадей показал на свою.

Потом судья вызвал калеку в конюшню и тоже велел ему указать на лошадь. Калека признал лошадь и показал её.

Тогда судья сел на своё место и сказал Бауакасу:

— Лошадь твоя; возьми её. А калеке дать пятьдесят палок.

После суда судья пошёл домой, а Бауакас пошёл за ним.

— Что же ты, или недоволен моим решением? — спросил судья.

— Нет, я доволен, — сказал Бауакас. — Только хотелось бы мне знать, почему ты узнал, что жена была учёного, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не маслениковы и что лошадь была моя, а не нищего?

— Про женщину я узнал вот как: позвал её утром к себе и сказал ей: «Налей чернил в мою чернильницу». Она взяла чернильницу, вымыла её скоро и ловко и налила чернил. Стало быть, она привыкла это делать. Будь

она жена мужика, она не сумела бы этого сделать. Выходит, что учёный был прав. Про деньги я узнал вот как: положил я деньги в чашку с водой и сегодня утром посмотрел — всплыло ли на воде масло. Если бы деньги были маслениковы, то они были бы запачканы его маслеными руками. На воде масла не было, стало быть, мясник говорит правду. Про лошадь узнать было труднее. Калека так же, как и ты, из двадцати лошадей сейчас же указал на лошадь. Да я не для того приводил вас обоих в конюшню, чтобы видеть, узнаете ли вы лошадь, а для того, чтобы видеть — кого из вас двоих узнает лошадь. Когда ты подошёл к ней, она обернула голову, потянулась к тебе; а когда калека тронул её, она прижала уши и подняла ногу. По этому я узнал, что ты настоящий хозяин лошади.

Тогда Бауакас сказал:

— Я не купец, а царь Бауакас. Я приехал сюда, чтобы видеть, правда ли то, что говорят про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья.

Два брата

Два брата пошли вместе путешествовать. В полдень они легли отдохнуть в лесу. Когда они проснулись, то они увидели — подле них лежит камень и на камне что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

«Кто найдёт этот камень, тот пускай идёт прямо в лес на восход солнца. В лесу придёт река: пускай плывёт через эту реку на другую сторону. Увидишь медведицу с медвежатами: отними медвежат у медведицы и беги без оглядки прямо в гору. На горе увидишь дом, и в доме том найдёшь счастье».

Братья прочли, что было написано, и меньшей сказал:

— Давай пойдём вместе. Может быть, мы переплывём эту реку, донесём медвежат до

дому и вместе найдём счастье.

Тогда старший сказал:

— Я не пойду в лес за медвежатами и тебе не советую. Первое дело: никто не знает — правда ли написана на этом камне; может быть, всё это написано на смех. Да, может быть, мы и не так разобрали. Второе: если и правда написана, — пойдём мы в лес, придёт ночь, мы не попадём на реку и заблудимся. Да если и найдём реку, как мы переплывём её? Может быть, она быстра и широка? Третье: если и переплывём реку, — разве лёгкое дело отнять у медведицы медвежат? Она нас задержёт, и мы вместо счастья пропадём ни за что. Четвёртое дело: если нам и удастся унести медвежат, — мы не добежим без отдыха в гору. Главное же дело, не сказано: *какое счастье мы найдём в этом доме? Может быть, нас там ждёт такое счастье, какого нам вообще не нужно.*

А младший сказал:

— По-моему, не так. Напрасно этого писать на камне не стали бы. И всё написано ясно. Первое дело: нам беды не будет, если и попытаемся. Второе дело: если мы не пойдём, кто-

нибудь другой прочтёт надпись на камне и найдёт счастье, а мы останемся ни при чём. Третье дело: не потрудиться да не поработать, ничто в свете не радует. Четвёртое: не хочу я, чтоб подумали, что я чего-нибудь да побоялся.

Тогда старший сказал:

— И пословица говорит: *«Искать большого счастья — малое потерять»*; да ещё: *«Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки»*.

А меньшей сказал:

— А я слышал: «Волков бояться, в лес не ходить»; да ещё: «Под лежащий камень вода не потечёт». По мне, надо идти.

Меньшой брат пошёл, а старший остался.

Как только меньшей брат вошёл в лес, он напал на реку, переплыл её и тут же на берегу увидел медведицу. Она спала. Он ухватил медвежат и побежал без оглядки на гору. Только что добежал до верху — выходит ему навстречу народ, подвезли ему карету, повезли в город и сделали царём.

Он царствовал пять лет. На шестой год пришёл на него войной другой царь, сильнее его; завоевал город и прогнал его. Тогда мень-

шой брат пошёл опять странствовать и пришёл к старшему брату.

Старший брат жил в деревне ни богато, ни бедно. Братья обрадовались друг другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старший брат и говорит:

— Вот и вышла моя правда: я всё время жил тихо и хорошо, а ты хошь и был царём, зато много горя видел.

А меньшей сказал:

— Я не тужу, что пошёл тогда в лес на гору; хоть мне и плохо теперь, зато есть чем помянуть мою жизнь, а тебе и помянуть-то нечем.

Как дядя Семён рассказывал про то, что с ним в лесу было

Поехал я раз зимою в лес за деревьями. Срубил три дерева, обрубил сучья, обтесал, смотрю — уж поздно, надо домой ехать. А погода была дурная: снег шёл, и мело. Думаю: «Ночь захватит, и дороги не найдёшь». Погнал я лошадь. Еду, еду — всё выезду нет. Всё лес. Думаю: «Шуба на мне плохая, замёрзнешь». Ездил, ездил — нет дороги, и темно. Хотел уж сани отпрягать да под сани ложить-

ся, слышу — недалеко бубенцы погромыхивают. Поехал я на бубенчики, вижу — тройка коней саврасых, гривы заплетены лентами, бубенцы светятся, и сидят двое молодцов.

— Здорово, братцы!

— Здорово, мужик!

— Где, братцы, дорога?

— Да вот мы на самой дороге.

Выехал я к ним, смотрю: что за чудо — дорога гладкая и не заметённая.

— Ступай, — говорят, — за нами, — и погнали коней.

Моя кобылка плохая, не поспевает. Стал я кричать:

— Подождите, братцы!

Остановились, смеются.

— Садись, — говорят, — с нами. Твоей лошади порожнём легче будет.

— Спасибо, — говорю.

Перелез я к ним в сани. Сани хорошие, ковровые. Только сел я, как свистнут:

— Ну, вы, любезные!

Завились саврасые кони так, что снег столбом. Смотрю: что за чудо? Светлей стало, и дорога гладкая, как лёд, и палим мы так, что дух

захватывает, только по лицу ветками стегает. Уж мне жутко стало. Смотрю вперёд: гора крутая-прекрутая, и под горой пропасть. Саврасые прямо в пропасть летят. Испугался я, кричу:

— Батюшки! Легче, убьёте!

Куда тут, только смеются, свищут. Вижу я — пропадать. Над самой пропастью сани. Гляжу, у меня над головой сук. «Ну, — думаю, — пропадайте одни». Приподнялся, схватился за сук и повис. Только повис и кричу:

— Держи!

А сам слышу тоже — кричат бабы:

— Дядя Семён! Чего ты? Бабы, а бабы! Дуйте огонь. С дядей Семёном что-то недоброе, — кричат.

Вздули огонь. Очнулся я. А я в избе, за полати ухватился руками, вишу и кричу непутёвым голосом. А это я — всё во сне видел.

Работник Емельян и пустой барабан

Жил Емельян у хозяина в работниках. Идёт раз Емельян по лугу на работу, глядь — прыгает перед ним лягушка; чуть-чуть не наступил на неё. Перешагнул через

неё Емельян. Вдруг слышит, кличет его кто-то сзади. Оглянулся Емельян, видит — стоит красавица девица и говорит ему:

— Что ты, Емельян, не женишься?

— Как мне, девица милая, жениться? Я весь тут, нет у меня ничего, никто за меня не пойдёт.

И говорит девица:

— Возьми меня замуж!

Полюбилась Емельяну девица.

— Я, — говорит, — с радостью, да где мы жить будем?

— Есть, — говорит девица, — о чём думать! Только бы побольше работать да поменьше спать — а то везде и одеты и сыты будем.

— Ну что ж, — говорит, — ладно. Женимся. Куда ж пойдём?

— Пойдём в город.

Пошёл Емельян с девицей в город. Свела его девица в домишко небольшой, на краю. Женились и стали жить.

Ехал раз царь за город. Проезжает мимо Емельянова двора, и вышла Емельянова жена посмотреть царя. Увидал её царь, удивился: «Где такая красавица родилась?» Остановил царь коляску, подозвал жену Емельяна, стал её спрашивать:

— Кто, — говорит, — ты?

— Мужика Емельяна жена, — говорит.

— Зачем ты, — говорит, — такая красавица, за мужика пошла? Тебе бы царицей быть.

— Благодарю, — говорит, — на ласковом слове. Мне и за мужиком хорошо.

Поговорил с ней царь и поехал дальше. Вернулся во дворец. Не идёт у него из головы Емельянова жена. Всю ночь не спал, всё думал он, как бы ему у Емельяна жену отнять.

Не мог придумать, как сделать. Позвал своих слуг, велел им придумать. И сказали слуги царские царю:

— Возьми ты, — говорят, — Емельяна к себе во дворец в работники. Мы его работой замучаем, жена вдовой останется, тогда её взять можно будет.

Сделал так царь, послал за Емельяном, чтобы шёл к нему в царский дворец, в дворники, и у него во дворе с женой жил.

Пришли послы, сказали Емельяну. Жена и говорит мужу:

— Что ж, — говорит, — иди. День работай, а ночью ко мне приходи.

Пошёл Емельян. Приходит во дворец; царский приказчик и спрашивает его:

— Что ж ты один пришёл, без жены?

— Что ж мне, — говорит, — её водить: у неё дом есть.

Задали Емельяну на царском дворе работу такую, что двоим впору. Взялся Емельян за работу и не чаял всё кончить. Глядь, раньше вечера всё кончил. Увидал приказчик, что кончил, задал ему на завтра вчетверо.

Пришёл Емельян домой. А дома у него всё

выметено, прибрано, печка истоплена, всего напечено, наварено. Жена сидит за станом, ткёт, мужа ждёт. Встретила жена мужа; собрала ужинать, накормила, напоила; стала его про работу спрашивать.

— Да что, — говорит, — плохо: не по силам уроки задают, замучают они меня работой.

— А ты, — говорит, — не думай об работе и назад не оглядывайся, и вперёд не гляди, много ли сделал и много ли осталось. Только работай. Всё вовремя поспеет.

Лёг спать Емельян. Наутро опять пошёл. Взялся за работу, ни разу не оглянулся. Глядь — к вечеру всё готово, засветло пришёл домой ночевать.

Стали ещё и ещё набавлять работу Емельяну, и всё к сроку кончает Емельян, ходит домой ночевать. Прошла неделя. Видят слуги царские, что не могут они чёрной работой донять мужика; стали ему хитрые работы задавать. И тем не могут донять. И плотницкую, и каменную, и кровельную работу — что ни зададут — всё делает к сроку Емельян, к жене ночевать идёт. Прошла другая неделя. Позвал царь своих слуг и говорит:

— Или я вас задаром хлебом кормлю? Две недели прошло, а всё ничего я от вас не вижу. Хотели вы Емельяна работой замучить, а я из окна вижу, как он каждый день идёт домой, песни поёт. Или вы надо мной смеяться вздумали?

Стали царские слуги оправдываться.

— Мы, — говорят, — всеми силами старались его сперва чёрной работой замучить, да ничем не возьмёшь его. Всякое дело как метлою метёт, и устали в нём нет. Стали мы ему хитрые работы задавать, думали, у него ума не достанет; тоже не можем донять. Откуда что берётся! До всего доходит, всё делает. Не иначе как либо в нём самом, либо в жене его колдовство есть. Он нам и самим надоел. Хотим мы теперь ему такое дело задать, чтобы нельзя было ему сделать. Придумали мы ему велеть в один день собор построить. Призови ты Емельяна и вели ему в один день против дворца собор построить. А не построит он, тогда можно ему заслушание голову отрубить.

Послал царь за Емельяном.

— Ну, — говорит, — вот тебе мой приказ: построй ты мне новый собор против дворца

на площади, чтоб к завтраму к вечеру готово было. Построишь — я тебя награжу, а не построишь — казню.

Отслушал Емельян речи царские, повернулся, пошёл домой. «Ну, — думает, — пришёл мой конец теперь». Пришёл домой к жене и говорит:

— Ну, — говорит, — собирайся, жена: бежать надо куда попало, а то ни за что пропадёшь.

— Что ж, — говорит, — так заробел, что бежать хочешь?

— Как же, — говорит, — не заробеть? Велел мне царь завтра в один день собор построить. А если не построю, грозитя голову отрубить. Одно остаётся — бежать, пока время.

Не приняла жена этих речей.

— У царя солдат много, повсюду поймают. От него не уйдёшь. А пока сила есть, слушаться надо.

— Да как же слушаться, когда не по силам?

— И... батюшка! Не тужи, поужинай да ложись: наутро вставай пораньше, всё успеешь.

Лёг Емельян спать. Разбудила его жена.

— Ступай, — говорит, — скорей достраивай

собор; вот тебе гвозди и молоток: там тебе на день работы осталось.

Пошёл Емельян в город, приходит — точно, новый собор посередь площади стоит. Немного не кончен. Стал доделывать Емельян где надо: к вечеру всё исправил.

Проснулся царь, посмотрел из дворца, видит — собор стоит. Емельян похаживает, кое-где гвоздики приколачивает. И не рад царь собору, досадно ему, что не за что Емельяна казнить, нельзя его жену отнять.

Опять призывает царь своих слуг:

— Исполнил Емельян и эту задачу, не за что его казнить. Мала, — говорит, — и эта ему задача. Надо что похитрей выдумать. Придумайте, а то я вас прежде его расказню.

И придумали ему слуги, чтобы заказал он Емельяну реку сделать, чтобы текла река вокруг дворца, а по ней бы корабли плавали.

Призвал царь Емельяна, приказал ему новое дело.

— Если ты, — говорит, — в одну ночь мог собор построить, так можешь ты и это дело сделать. Чтобы завтра было всё по моему приказу готово. А не будет готово, голову отруб-

лю.

Опечалился ещё пуще Емельян, пришёл к жене сумрачный.

— Что, — говорит жена, — опечалился, или ещё новое что царь приказал?

Рассказал ей Емельян.

— Надо, — говорит, — бежать.

А жена говорит:

— Не убежишь от солдат, везде поймают. Надо слушаться.

— Да как слушаться-то?

— И... — говорит, — батюшка, ни о чём не тужи. Поужинай да спать ложись. А вставай пораньше, всё будет к поре.

Лёг Емельян спать. Поутру разбудила его жена.

— Иди, — говорит, — ко дворцу, всё готово. Только у пристани, против дворца, бугорок остался; возьми заступ, сровняй.

Пошёл Емельян; приходит в город — вокруг дворца река, корабли плавают. Подошёл Емельян к пристани против дворца, видит — неровное место, стал ровнять.

Проснулся царь, видит — река, где не было; по реке корабли плавают, и Емельян буго-

рок заступом ровняет. Ужаснулся царь; не рад он и реке и кораблям, а досадно ему, что нельзя Емельяна казнить. Думает себе: «Нет такой задачи, чтоб он не сделал. Как теперь быть?»

Призвал он слуг своих, стал с ними думать.

— Придумайте, — говорит, — мне такую задачу, чтобы не под силу было Емельяну. А то, что мы ни выдумывали, он всё сделал, и нельзя мне у него жены отобрать.

Думали, думали придворные и придумали. Пришли к царю и говорят:

— Надо Емельяна позвать и сказать: поди туда — не знай куда, и принеси того — не знай чего. Тут уж ему нельзя будет отвертеться. Куда бы он ни пошёл, ты скажешь, что он не туда пошёл, куда надо; и чего бы он ни принёс, ты скажешь, что он не то принёс, чего надо. Тогда его и казнить можно и жену его взять.

Обрадовался царь.

— Это, — говорит, — вы умно придумали.

Послал царь за Емельяном и сказал ему:

— Поди туда — не знай куда, принеси того — не знай чего. А не принесёшь, отрублю тебе голову.

Пришёл Емельян к жене и говорит, что ему царь сказал. Задумалась жена.

— Ну, — говорит, — на его голову научили царя. Теперь умно делать надо.

Посидела, посидела, подумала жена и стала говорить мужу:

— Идти тебе надо далеко, к нашей бабушке, к старинной, мужицкой, солдатской матери, надо её милости просить. А получишь от неё штуку, иди прямо во дворец, и я там буду. Теперь уж мне их рук не миновать. Они меня силой возьмут, да только ненадолго. Если всё сделаешь, как бабушка тебе велит, ты меня скоро выручишь.

Собрала жена мужа, дала ему сумочку и дала веретёнце.

— Вот это, — говорит, — ей отдай. По этому она узнает, что ты мой муж.

Показала жена ему дорогу. Пошёл Емельян, вышел за город, видит — солдаты учатся. Постоял, посмотрел Емельян. Поучились солдаты, сели отдохнуть. Подошёл к ним Емельян и спрашивает:

— Не знаете ли, братцы, где идти туда — не знай куда, и как принести того — не знай че-

го?

Услыхали это солдаты и удивились.

— Кто, — говорят, — тебя послал искать?

— Царь, — говорит.

— Мы сами, — говорят, — вот с самого солдатства ходим туда — не знай куда, да не можем дойти, и ищем того — не знай чего, да не можем найти. Не можем тебе пособить.

Посидел Емельян с солдатами, пошёл дальше. Шёл, шёл, приходит в лес. В лесу избушка. В избушке старая старуха сидит, мужицкая, солдатская мать, кудельку прядёт, сама плачет и пальцы не во рту слюнями, а в глазах слезами мочит. Увидала старуха Емельяна, закричала на него:

— Чего пришёл?

Подал ей Емельян веретёнце и сказал, что его жена прислала. Сейчас помягчала старуха, стала спрашивать. И стал Емельян рассказывать всю свою жизнь, как он на девице женился, как перешёл в город жить, как его к царю в дворники взяли, как он во дворце служил, как собор построил и реку с кораблями сделал и как ему теперь царь велел идти туда — не знай куда, принести того — не знай

чего.

Отслушала старушка и перестала плакать. Стала сама с собою бормотать:

— Дошло, видно, время. Ну, ладно, — говорит, — садись, сынок, поешь.

Поел Емельян, и стала старуха ему говорить:

— Вот тебе, — говорит, — клубок. Покати ты его перед собой и иди за ним, куда он катиться будет. Идти тебе будет далеко, до самого моря. Придёшь к морю, увидишь город большой. Войди в город, просись в крайний двор ночевать. Тут и ищи того, что тебе нужно.

— Как же я, бабушка, его узнаю?

— А когда увидишь то, чего лучше отца-матери слушают, оно и есть. Хватай и неси к царю. Принесёшь к царю, он тебе скажет, что не то ты принёс, что надо. А ты тогда скажи: «Коль не то, так разбить его надо», — да ударь по штучке по этой, а потом снеси её к реке, разбей и брось в воду. Тогда и жену вернёшь, и мои слёзы осушишь.

Простился с бабушкой, пошёл Емельян, покати клубок. Катил, катил — привёл его клу-

бок к морю. У моря город большой. С краю высокий дом. Утром рано проснулся, слышит — отец поднялся, будит сына, посылает дров нарубить. И не слушается сын.

— Рано ещё, — говорит, — успею.

Слышит — мать с печи говорит:

— Иди, сынок, у отца кости болят. Разве ему самому идти? Пора.

Только почмокал губами сын и опять заснул. Только заснул, вдруг загремело, затрепало что-то на улице. Вскочил сын, оделся и выбежал на улицу. Вскочил и Емельян, побежал за ним смотреть, что такое гремит и чего сын лучше отца-матери послушался.

Выбежал Емельян, видит — ходит по улице человек, носит на пузе штуку круглую, бьёт по ней палками. Она-то и гремит; её-то сын и послушался. Подбежал Емельян, стал смотреть штуку. Видит: круглая, как кадушка, с обоих боков кожей затянута. Стал он спрашивать, как она зовётся.

— Барабан, — говорят.

— А что же он — пустой?

— Пустой, — говорят.

Подивился Емельян и стал просить себе

эту штуку. Не дали ему. Перестал Емельян просить, стал ходить за барабанщиком. Целый день ходил и, когда лёг спать барабанщик, схватил у него Емельян барабан и убежал с ним. Бежал, бежал, пришёл домой в свой город. Думал жену повидать, а её уж нет. На другой день её к царю увели.

Пошёл Емельян во дворец, велел об себе доложить: пришёл, мол, тот, что ходил туда — не знай куда, принёс того — не знай чего. Царю доложили. Велел царь Емельяну завтра прийти. Стал просить Емельян, чтобы опять доложили.

— Я, — говорит, — нынче пришёл, принёс, что велел, пусть ко мне царь выйдет, а то я сам пойду.

Вышел царь.

— Где, — говорит, — ты был?

Он сказал.

— Не так, — говорит. — А что принёс?

Хотел Емельян показать, да не стал смотреть царь.

— Не то, — говорит.

— А не то, — говорит, — так разбить её надо.

Вышел Емельян из дворца с барабаном и ударил по нему. Как ударил, собралось всё войско царское к Емельяну. Емельяну честь отдадут, от него приказа ждут. Стал на своё войско из окна царь кричать, чтобы они не шли за Емельяном. Не слушают царя, все за Емельяном идут. Увидал это царь, велел к Емельяну жену вести и стал просить, чтоб он ему барабан отдал.

— Не могу, — говорит Емельян. — Мне, — говорит, — его разбить велено и в реку бросить.

Подошёл Емельян с барабаном к реке, и все солдаты за ним пошли. Пробил Емельян у реки барабан, разломал в щепки, бросил его в реку — и разбежались все солдаты. А Емельян взял жену и повёл к себе в дом.

И с тех пор царь перестал его тревожить. И стал он жить-поживать, добро наживать, а худо — проживать.

Золотоволосая царевна

В Индии была одна царевна с золотыми волосами; у неё была злая мачеха. Мачеха возненавидела золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать её в пустыню. Золотоволосую свели далеко в пустыню и бросили. На пятый день золотоволосая царевна вернулась верхом на льве назад к своему отцу.

Тогда мачеха уговорила царя сослать золотоволосую падчерицу в дикие горы, где жили только коршуны. Коршуны на четвёртый день принесли её назад.

Тогда мачеха сослала царевну на остров среди моря. Рыбаки увидели золотоволосую царевну и на шестой день привезли её назад к царю.

Тогда мачеха велела на дворе вырыть глубокий колодезь, опустила туда золотоволосую царевну и засыпала землёй.

Через шесть дней из того места, куда зарыли царевну, засветился свет, и, когда царь велел раскопать землю, там нашли золотоволосую царевну.

Тогда мачеха велела выдолбить колоду тутового дерева, заделала туда царевну и пустила её по морю.

На девятый день море принесло золотоволосую царевну в Японскую землю, и там её японцы вынули из колоды. Она была жива.

Но как только она вышла на берег, она умерла, и из неё сделался шелковичный червь.

Шелковичный червь вполз на тутовое дерево и стал есть тутовый лист. Когда он повзрос, он вдруг сделался мёртвый: не ел и не шевелился.

На пятый день, в тот самый срок, как царевну принёс лев из пустыни, — червь ожил и опять стал есть лист.

Когда червь опять повзрос, он опять умер, и на четвёртый день, в тот самый срок, как коршуны принесли царевну, червь ожил и опять стал есть.

И опять умер, и в тот самый срок, как царевна вернулась на лодке, опять ожил.

И опять умер в четвёртый раз и ожил на шестой день, когда царевну выкопали из колодца.

И опять в последний раз умер, и на девятый день, в тот самый срок, как царевна приплыла в Японию, ожил в золотой, шёлковой

куколке. Из куколки вылетела бабочка и положила яички, а из яичек вывелись черви и повелись в Японии. Черви пять раз засыпают и пять раз оживают.

Японцы разводят много червей, делают много шёлка; и первый сон червя называется сном льва, второй — сном коршуна, третий — сном лодки, четвёртый — сном двора, и пятый — сном колоды.

Мышь-девочка

Один человек шёл подле реки и увидал, что ворон несёт мышь. Он бросил в него камень, и ворон выпустил мышь; мышь упала в воду. Человек достал её из воды и принёс домой. У него не было детей, и он сказал:

— Ах! Если б эта мышь сделалась девочкой!

И мышь сделалась девочкой.

Когда девочка выросла, человек спросил её:

— За кого ты хочешь замуж?

Девочка сказала:

— Хочу выйти за того, кто сильнее всех на свете.

Человек пошёл к солнцу и сказал:

— Солнце! Моя девочка хочет выйти замуж за того, кто сильнее всех на свете. Ты сильнее всех; женись на моей девочке.

Солнце сказало:

— Я не сильнее всех: тучи заслоняют меня.

Человек пошёл к тучам и сказал:

— Тучи! Вы сильнее всех; женитесь на моей девочке.

Тучи сказали:

— Нет, мы не сильнее всех: ветер гоняет

нас.

Человек пошёл к ветру и сказал:

— Ветер! Ты сильнее всех; женись на моей девочке.

Ветер сказал:

— Я не сильнее всех: горы останавливают меня.

Человек пошёл к горам и сказал:

— Горы! Женитесь на моей девочке; вы сильнее всех.

Горы сказали:

— Сильнее нас крыса: она грызёт нас.

Тогда человек пошёл к крысе и сказал:

— Крыса! Ты сильнее всех; женись на моей девочке.

Крыса согласилась.

Человек вернулся к девочке и сказал:

— Крыса сильнее всех: она грызёт горы, горы останавливают ветер, ветер гонит тучи, а тучи заслоняют солнце, и крыса хочет жениться на тебе.

Но девочка сказала:

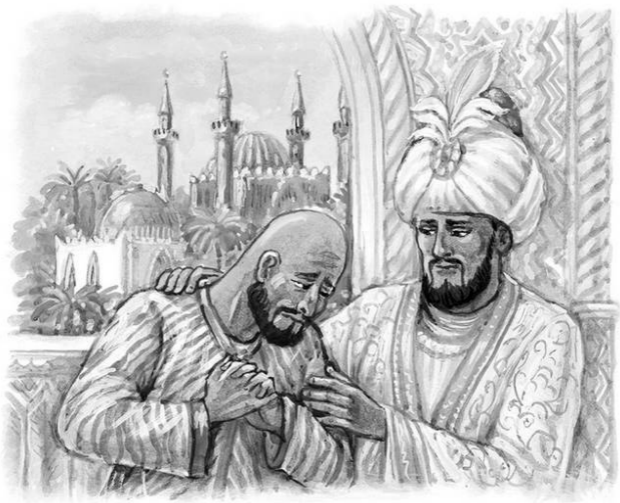
— Ах! Что мне теперь делать! Как же я выйду замуж за крысу?

Тогда человек сказал:

— Ах! Если б моя девочка сделалась опять мышью!

Из девочки сделалась мышь, и мышь вышла замуж за крысу.

Визирь Абдул

Был у персидского царя правдивый визирь Абдул. Поехал он раз к царю через город. А в городе собрался народ бунтовать. Как толь-

ко увидали визиря, обступили его, остановили лошадь и стали грозить ему, что они его убьют, если он по-ихнему не сделает. Один человек так осмелился, что взял его за бороду и подёргал ему бороду.

Когда они отпустили визиря, он приехал к царю и упросил его помочь народу и не наказывать за то, что они его так обидели.

На другое утро пришёл к визирю лавочник. Визирь спросил, что ему надо. Лавочник говорит:

— Я пришёл выдать тебе того самого человека, который тебя обидел вчера. Я его знаю — это мой сосед, его звать Нагим; пошли за ним и накажи его!

Визирь отпустил лавочника и послал за Нагимом. Нагим догадался, что его выдали, пришёл ни жив ни мёртв к визирю и упал в ноги.

Визирь поднял его и сказал:

— Я не затем призвал тебя, чтобы наказывать, а только затем, чтобы сказать тебе, что у тебя сосед нехорош. Он тебя выдал, берегись его. Ступай с Богом.

Мальчик с пальчик

У одного бедного человека было семеро детей мал мала меньше. Самый меньшей был так мал, что, когда он родился, он был не больше пальца. Потом он подрос немножко, но всё-таки был немного больше пальца, и оттого его звали: мальчик с пальчик. Но мальчик с пальчик, даром что был мал, был очень ловок и хитёр.

Отец с матерью всё становились беднее и беднее, и пришло им под конец так плохо, что нечем стало и детей кормить. Подумали, подумали отец с матерью и положили отвести детей в лес подальше и оставить их там, так чтобы они домой не вернулись. Когда отец с матерью говорили про это, мальчик с пальчик не спал и всё слышал. Наутро мальчик с пальчик прежде всех проснулся и побежал на ручей и набрал полны карманы белых камушков. Когда отец с матерью повели детей в лес, мальчик с пальчик шёл сзади всех и всё брал по одному камушку из кармана и кидал на дорогу.

Когда отец с матерью завели детей далеко

в лес, они зашли за деревья и убежали. Дети стали звать их и, когда увидали, что никто нейдёт, стали плакать.

Только один мальчик с пальчик не плакал. Он кричал своим тоненьким голосом:

— Перестаньте плакать, я вас выведу из лесу.

Но братья так громко плакали, что не слышали его. Когда они услышали его, он рассказал им, что он накидал на дороге белых камушков и выведет их из леса; они обрадовались и пошли за ним. Мальчик с пальчик шёл с камушка на камушек и так довёл их до дома.

Случилось так, что в тот самый день, как отец с матерью отвели детей в лес, отец получил деньги. Отец с матерью и говорят:

— Зачем мы отвели детей в лес? Они пропадут там. А теперь у нас деньги есть, и мы можем прокормить детей.

Мать стала плакать и говорит:

— Ах! если бы только дети с нами были!

А мальчик с пальчик услышал из-под окошка и говорит:

— А мы вот они!

Мать обрадовалась, побежала на крыльцо, и все дети один за другим вошли в горницу.

Купили всё, что надо, и стали жить по-прежнему; и жили хорошо до тех пор, пока деньги не вышли.

Но деньги опять все вышли, опять стали отец с матерью судить, как им быть, и опять положили свести детей в лес и оставить их там.

Мальчик с пальчик опять услышал и, как пришло утро, хотел идти потихоньку в ручей за камушками. Только подошёл он к двери, хотел отворить, но дверь была заперта на задвижку; хотел отодвинуть, да, как ни бился, не мог достать до задвижки.

Камушков нельзя было ему набрать, он и взял хлеба. Наложил в карманы и думает: «Как они нас поведут, я накидаю крошки хлеба по дороге и по ним опять выведу братьев».

Отец с матерью опять свели детей в лес и их там бросили, и опять мальчик с пальчик кидал по дороге крошки хлеба.

Когда старшие братья стали плакать, мальчик с пальчик опять обещал их вывести.

Но только в этот раз он не нашёл дороги,

потому что птицы поклевали все крошки хлеба.

Дети ходили, ходили по лесу и не нашли дороги до самой ночи. Плакали, плакали и все заснули. Мальчик с пальчик проснулся раньше всех и влез на дерево, осмотрел кругом и увидел избушку. Он слез с дерева, разбудил братьев и повёл их к избушке.

Они постучались, и вышла к ним на крыльцо старушка и спросила, чего им надо. Они сказали, что заблудились в лесу. Тогда старушка пустила их в дом и сказала:

— Жалко мне вас за то, что вы к нам зашли. Мужик мой людоед. И если он вас увидит, он съест вас. Мне вас жалко. Спрячьтесь сюда под кровать, а завтра я вас выпущу.

Дети испугались и залезли под кровать. Вдруг слышат они, кто-то постучался в дверь и вошёл в горницу. Мальчик с пальчик выглянул из-под кровати и видит — страшный людоед сел за стол и крикнул на старушку:

— Давай вина.

Старушка подала вина, он выпил, стал нюхать:

— А что у нас людским духом пахнет! Кто-

нибудь у тебя спрятан?

Старушка стала говорить, что никого нет, но людоед стал нюхать всё ближе и ближе и добрался чутьём до кровати. Стал шарить под кроватью руками, поймал за ножку мальчика с пальчика и закричал:

— А, вот они! — И он вытащил их всех и стал радоваться. Потом взял нож и хотел их резать, но жена уговорила его.

Она сказала:

— Видишь, какие они худые и плохие. Дай мы их покормим немножко, они свежей и вкусней будут.

Людоед послушался, велел их накормить и положить спать вместе с своими девочками.

А у людоеда было 7 девочек, такие же маленькие, как мальчиковы братья. Девочки все лежали и спали на одной кровати, и у каждой девочки на голове была золотая шапочка. Мальчик с пальчик заметил это, и, когда людоед с женой ушли, он потихоньку снял шапочки с людоедовых дочерей и надел их на себя и на братьев, а свою и братнины шапочки надел на девочек.

Людоед всю ночь пил вино. И, когда он

много выпил, ему захотелось опять есть. Он встал и пошёл в ту горницу, где спали маль-

чик с пальчик с братьями и 7 девочек. Он подошёл к мальчикам, ощупал на них золотые шапочки и говорит:

— Вот спяну чуть своих дочерей не порезал.

Оставил мальчиков и пошёл к дочерям, ощупал на них мягкие шапочки и всех перерезал и заснул.

Тогда мальчик с пальчик поднял братьев, отворил дверь и побежал с ними в лес.

Дети ходили всю ночь и весь день и всё не могли выйти из леса.

А людоед, когда проснулся поутру и увидел, что он вместо чужих перерезал своих детей, надел свои семивёрстные сапоги и побежал в лес искать детей.

А семивёрстные сапоги были такие, что кто их наденет, тот каждый шаг в 7 вёрст ступает.

Людоед искал, искал детей; не нашёл и подле самых их присел отдохнуть и заснул.

Мальчик с пальчик увидал, что людоед спит, подкрался к нему и вынул у него из кармана горсть золота, роздал братьям. Потом он потихоньку разул его. Когда он разул его, он

надел сам семивёрстные сапоги, велел братьям крепче взяться рука с рукой и держаться за него. И он побежал так скоро, что сейчас же вышел из леса и нашёл дом.

И когда они вернулись, то отдали отцу с матерью золото. Они стали богаты и больше уже не отсылали их.

Строгое наказание

Один человек пошёл на торг и купил говядины. На торгу его обманули: дали дурной говядины, да ещё обвесили.

Вот он идёт домой с говядиной и бранится. Встречается ему царь и спрашивает:

— Кого ты бранишь?

А он говорит:

— Я браню того, кто меня обманул. Я заплатил за три фунта, а мне дали только два, и то дурную говядину.

Царь и говорит:

— Пойдём назад на торг, покажи того, кто тебя обманул.

Человек пошёл назад и показал купца. Царь свесил при себе мясо: видит, точно, обманули. Царь и говорит:

— Ну, как ты хочешь, чтобы я наказал купца?

Тот говорит:

— Вели вырезать из его спины столько мяса, на сколько он обманул меня.

Царь и говорит:

— Хорошо, возьми нож и вырежь из купца фунт мяса; только смотри, чтобы у тебя вес был бы верен, а если вырежешь больше или

меньше фунта, ты виноват останешься.
Человек смолчал и ушёл домой.

Царские братья

Один царь шёл по улице. Нищий подошёл к нему и стал просить милостыню.

Царь не дал ничего.

Нищий сказал:

— Царь, ты, видно, забыл, что Бог всем один отец; мы все братья, и нам всем делить-

ся надо.

Тогда царь остановился и сказал:

— Ты правду говоришь, мы братья и нам делиться надо, — и дал нищему золотую деньгу.

Нищий взял золотую деньгу и сказал:

— Ты мало дал; разве так делятся с братьями? Надо делить поровну. У тебя миллион денег, а ты мне дал одну.

Тогда царь сказал:

— То правда, что у меня миллион денег, а я тебе дал одну; но у меня и братьев столько же, сколько денег.

Волк и мужик

Гнались за волком охотники. И набежал волк на мужика. Мужик шёл с гумна и нёс цеп и мешок.

Волк и говорит:

— Мужик, спрячь меня, — меня охотники гонят.

Мужик пожалел волка, спрятал его в мешок и взвалил на плечи. Наезжают охотники и спрашивают мужика, не видал ли волка?

— Нет, не видал.

Охотники уехали. Волк выскочил из мешка и бросился на мужика, хочет его съесть.

Мужик и говорит:

— Ах, волк, нет в тебе совести: я тебя спас, а ты ж меня съесть хочешь.

А волк и говорит:

— Старая хлеб-соль не помнится.

— Нет, старая хлеб-соль помнится, хоть у кого хочешь спроси, — всякий скажет, что помнится.

Волк и говорит:

— Давай, пойдём вместе по дороге. Кого первого встретим, спросим: забывается ли

старая хлеб-соль или помнится? Если скажут: помнится, — я пущу тебя, а скажут: забывается, — съем.

Пошли они по дороге, и повстречалась им старая слепая кобыла. Мужик и спрашивает:

— Скажи, кобыла, что, помнится старая хлеб-соль или забывается?

Кобыла говорит:

— Да вот как: жила я у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, и всё то время пахала да возила, а прошлым годом ослепла и всё работала на *рушалке*; а вот на медни стало мне не в силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвост под кручь и бросили. Очнулась я, насилу выбралась, и куда иду — сама не знаю.

Волк говорит:

— Мужик, видишь — старая хлеб-соль не помнится.

Мужик говорит:

— Погоди, ещё спросим.

Пошли дальше. Встречается им старая собака. Ползёт, зад волочит.

Мужик говорит:

— Ну, скажи, собака, забывается ли старая

хлеб-соль или помнится?

— А вот как: жила я у хозяина пятнадцать лет, его дом стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вот состарилась, зуб не стало — меня со двора прогнали, да ещё зад оглоблю отбили. Вот и волочусь, сама не знаю куда, подальше от старого хозяина.

Волк говорит:

— Слышишь, что говорит?

А мужик говорит:

— погоди ещё до третьей встречи.

И встречается им лисица. Мужик говорит:

— Скажи, лиса, что, помнится старая хлеб-соль или забывается?

А лиса говорит:

— Тебе зачем знать?

А мужик говорит:

— Да вот бежал волк от охотников, стал меня просить — и я спрятал его в мешок, а теперь он меня съесть хочет.

Лисица и говорит:

— Да разве можно большому волку в такой мешок уместиться? Кабы я видела, я бы вас рассудила.

Мужик говорит:

— Весь поместился, хоть у него сама спроси.

И волк сказал:

— Правда.

Тогда лисица говорит:

— Не поверю, пока не увижу. Покажи, как ты лазил.

Тогда волк всунул голову в мешок и говорит:

— Вот как.

Лисица говорит:

— Ты весь влезь, а то я так не вижу.

Волк и влез в мешок. Лисица и говорит мужику:

— Теперь завяжи.

Мужик завязал мешок. Лисица и говорит:

— Ну теперь покажи, мужик, как ты на току хлеб молотишь. — Мужик обрадовался и стал бить цепом по волку.

А потом говорит:

— А посмотри, лисица, как на току хлеб отворачивают, — и ударил лисицу по голове и убил, а сам говорит: — Старая хлеб-соль не помнится!

БЫЛИ

Кто прав?

Один человек сказал, что он хочет так жить, чтобы враги боялись его.

А другой сказал, что лучше так жить, чтобы враги боялись, а друзья бы любили.

А третий сказал:

— Лучше так жить, чтобы не было врагов, а чтобы все были друзья.

Самокрутка

Один мужик выучился мельничному мастерству и стал делать мельницы водяные, ветряные и конные.

Потом он задумал сделать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни ветра, ни лошадей; он хотел сделать так, чтобы тяжёлый камень спускался книзу и своей тяжестью вертел колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался — так, чтобы мельница ходила сама. Мужик пошёл к барину и сказал:

— Я придумал такую мельницу-самокрутку, что сама будет ходить, без воды и без лошадей; только раз завести, — она и будет ходить до тех пор, пока остановишь. Нет только у меня денег на лес да на чугун. Дай мне, барин, триста рублей денег, я тебе первому сделаю такую мельницу.

Барин спросил у мужика — знает ли он грамоте.

Мужик сказал, что не знает.

Тогда барин сказал:

— Вот если бы ты знал грамоте, я бы тебе

книжку дал о механике, и там ты бы прочёл о такой мельнице и увидел бы, что такой мельницы сделать нельзя, что много людей учёных походили с ума — всё выдумывали такую мельницу, чтобы сама ходила.

Мужик не поверил барину и сказал:

— В книгах ваших много дурно пишут. Так-то учёный машинист построил *крупорушку* купцу в городе, да только испортил; а я хоть неграмотный, да как взглянул, так увидел и переладил рушку — стала работать.

Барин сказал:

— Чем же ты подымешь свой камень, когда он спустится?

Мужик сказал:

— Сам по колесу поднимется.

Барин сказал:

— Поднимется, да ниже, а другой раз поднимется ещё ниже и станет, какие ты колёса ни прилаживай. Всё равно, как если на салазках с большой горы съедешь — на маленькую поднимешься, а с маленькой назад на большую никак не поднимешься.

Мужик не поверил, а пошёл к купцу и обещал ему сделать мельницу без воды и лошадей.

Купец дал денег. Мужик строил, строил, простроил все триста рублей, а мельница не ходит.

Тогда мужик стал своё имение продавать и всё простроил.

А купец говорит:

— Давай мне мельницу, чтобы сама ходила, без лошадей, или деньги давай назад.

Пришёл мужик к барину и рассказал о своём горе.

Барин дал ему денег и говорит:

— Оставайся у меня работать: строй ты мне мельницы, только водяные да конные — на это ты мастер, а вперёд за то не берись, че-

го и поумнее тебя люди не сделали.

Три калача и одна баранка

Одному мужику захотелось есть. Он купил калач и съел; ему всё ещё хотелось есть. Он купил другой калач и съел; ему всё ещё хотелось есть. Он купил третий калач и съел, и ему всё ещё хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт. Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:

— Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей? Мне бы надо сначала съесть одну баранку.

Как вор сам себя выдал

Один вор залез ночью к купцу на чердак. Он отобрал шубы, полотна и хотел слезать, да споткнулся на перемёт и загремел. Купец услышал, что что-то зашумело над головой, разбудил работника и пошёл со свечой на чердак. Работник разоспался и говорит купцу: — Что смотреть, никого нет, нешто кошка? Но купец всё-таки пошёл на чердак. Как только вор услышал, что идёт кто-то,

он положил шубы и полотна на прежнее место и стал искать места, куда бы спрятаться. Увидал он: большая куча чего-то. А это была куча табаку листового. Вор раскопал табак, влез в середину и прикрылся табаком. И слышит вор, что вошли двое — входят и говорят.

Купец говорит:

— Я слышал, что-то тяжёлое загремело.

А работник говорит:

— Чему греметь, либо кошка, либо домовой.

Купец прошёл мимо табаку, ничего не заметил и говорит:

— И то, видно, показалось: никого нет; ну, пойдём.

И слышит вор, что они уходят, и думает: «Теперь всё опять соберу и вылезу в окно». Только вдруг чувствует вор, что ему в носу защекотало от табаку и чихнуть хочется. Зажал он рот рукой, ещё больше щекочет, и не может держаться, чтобы не чихнуть.

Купец с работником уже стали выходить. Слышат — в углу кто-то чихает. «Чих! Чих! А чих!» Вернулись и поймали вора.

Жилетка

Один мужик занялся торговлей и так разбогател, что стал первым богачом. У него служили сотни приказчиков, и он их всех и по имени не знал.

Пропало раз у купца двадцать тысяч денег.

Стали старшие приказчики разыскивать и разыскали того, кто украл деньги.

Пришёл старший приказчик к купцу и говорит:

— Я вора нашёл. Надо его в Сибирь сослать.

Купец говорит:

— А кто украл?

Старший приказчик говорит:

— Иван Петров, сам признался.

Купец подумал и говорит:

— Ивана Петрова надо простить.

Приказчик удивился и говорит:

— Как же простить? Этак и те приказчики то же будут делать: всё добро растаскают.

Купец говорит:

— Ивана Петрова надо простить: когда я начинал торговать, мы с ним товарищами были. Когда я женился, мне под венец надеть нечего было. Он мне свою жилетку дал надеть. Ивана Петрова надо простить.

Так и простили Ивана Петрова.

Мудрый старик

Старик сажал яблони.

Ему сказали:

— Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих яблонь плода, и ты не съешь с них яблочка.

Старик сказал:

— Я не съем, другие съедят, мне спасибо скажут.

Прыжок

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и

бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

— Так не уйдёшь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его, полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха.

На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись *задней рукой* за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладки, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладки, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидали, что он пустил верёвку и ступил на

перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладки и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал:

— В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!

Мальчик шатался, но не понимал.

— Прыгай или застрелю!.. Раз, два... — И как только отец крикнул: — Три! — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодцов-матросов прыгнули с корабля в море. Секунд через сорок — они долги показались всем — выныр-

нуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

Акула

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул:

— Купаться!

И в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать

наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему:

— Не выдавай! Понатужься!

Вдруг с палубы кто-то крикнул:

— Акула!

И все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! Назад! Вернитесь! Акула! — закричал артиллерист.

Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный, как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая весла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллери-ста. Он сорвался с места и побежал к пушкам.

Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон слышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Индеец и англичанин

Индейцы взяли на войне в плен молодого англичанина, привязали его к дереву и хотели убить.

Старый индеец подошёл и сказал:
— Не убивайте его, а отдайте мне.
Его отдали.

Старый индеец отвязал англичанина, свёл его в свой шалаш, накормил и положил ночевать.

На другое утро индеец велел англичанину идти за собой. Они шли долго, и когда подошли близко к английскому лагерю, индеец сказал:

— Ваши убили моего сына, я спас тебе жизнь; иди к своим и убивай нас.

Англичанин удивился и сказал:

— Зачем ты смеёшься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорее.

Тогда индеец сказал:

— Когда тебя стали убивать, я вспомнил о своём сыне, и мне стало жаль тебя. Я не смею: иди к своим и убивай нас, если хочешь.

И индеец отпустил англичанина.

Удача

Приехали люди на остров, где было много дорогих камней. Люди старались найти

больше; они мало ели, мало спали, а всё работали. Один только из них ничего не делал, а сидел на месте, ел, пил и спал. Когда стали собираться домой, они разбудили этого человека и сказали:

— Ты с чем же домой поедешь?

Он взял поднял горсть земли под ногами и положил в сумку.

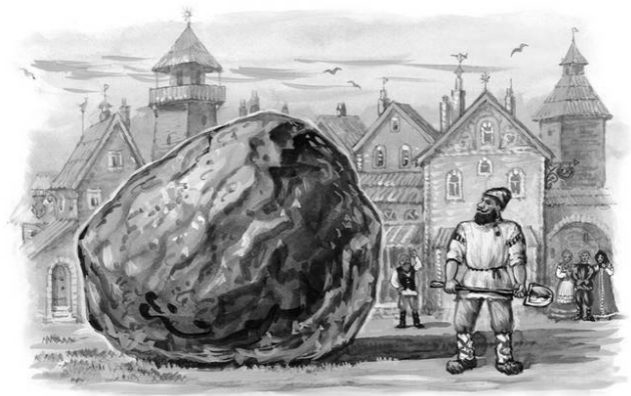
Когда все приехали домой, этот человек достал свою землю из сумки и в ней нашёл камень драгоценнее всех других вместе.

Баба и курица

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что если больше давать корму, курица вдвое будет нестись. Так и сделала. А курица зажирела и вовсе перестала нестись.

Как мужик убрал камень

На площади в одном городе лежал огромный камень. Камень занимал много места и мешал езде по городу. Призвали инженеров и спросили их, как убрать этот камень и сколько это будет стоить.

Один инженер сказал, что камень надо разбивать на куски порохом и потом по частям свезти его, и что это будет стоить 8000 рублей; другой сказал, что под камень надо подвести большой каток и на катке свезти камень, и что это будет стоить 6000 рублей.

А один мужик сказал:

— А я уберу камень и возьму за это 100 рублей.

У него спросили, как он это сделает. И он сказал:

— Я выкопаю подле самого камня большую яму; землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землёю.

Мужик так и сделал, и ему дали 100 рублей и ещё 100 рублей за умную выдумку.

1000 золотых

Богатый человек захотел отдать 1000 золотых бедным, но не знал, каким бедным дать эти деньги.

Он пришёл к священнику и говорит:

— Хочу дать 1000 золотых бедным, да не знаю, кому дать. Возьмите деньги и раздайте, кому знаете.

Священник сказал:

— Деньги большие, я тоже не знаю, кому дать: может быть, я одному дам много, а другому мало. Скажите, каким бедным и по

сколько дать ваших денег?

Богатый сказал:

— Если вы не знаете, кому дать деньги, то Бог знает: кто первый бедный придёт к вам, тому и отдайте деньги.

В том же приходе жил бедный человек. У него было много детей, а сам он был болен и не мог работать. Бедный человек читал раз Псалтырь и прочёл эти слова: я был молод и состарился и не видал праведного оставленного и детей его, просящих хлеба.

Бедный подумал: «Я вот оставлен Богом! А я дурного ничего не сделал. Дай пойду к священнику, спрошу его, как так неправда сказана в Писании».

Он пошёл к священнику.

Священник увидел его и сказал:

— Этот бедный первый пришёл ко мне, — и отдал ему все 1000 золотых богатого человека.

Архиерей и разбойник

Одного разбойника давно искали. Раз он переоделся и пришёл в город. В городе его узнали полицейские и погнались за ним. Разбойник бежал от них и прибежал к архиерейскому дому; ворота были открыты: он вошёл во двор.

Послушник спросил его: что ему нужно? Разбойник не знал, что отвечать, и наобум сказал:

— Мне нужно архиерея.

Архиерей принял разбойника и спросил, за каким он делом пришёл к нему.

Разбойник отвечал:

— Я разбойник, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя.

Архиерей сказал:

— Я — старик, смерти не боюсь; но мне жаль тебя. Поди в ту горницу, ты устал, отдохни, а я тебе пришлю поесть.

Полицейские не посмели войти к архиерею в дом, и разбойник остался у него ночевать.

Когда разбойник отдохнул, архиерей пришёл к нему и сказал:

— Мне жаль тебя, что ты холоден и голоден и что за тобой гоняются, как за волком, но мне всего более жаль тебя за то, что ты зла много сделал и душу свою губишь. Брось дурные дела!

Разбойник сказал:

— Нет, мне уже не отвыкнуть от худого: разбойником жил, таким и умру.

Архиерей ушёл от него, растворил все двери и лёг спать.

Ночью разбойник встал и пошёл ходить по горницам. Ему удивительно показалось, что архиерей ничего не запер и оставил все двери

настежь.

Разбойник стал оглядываться кругом — что бы ему украсть, увидел большой серебряный подсвечник и думает: «Возьму я эту вещь — она много денег стоит — и уйду отсюда, а старика убивать не буду». — Так и сделал.

Полицейские не отходили от архиерейского дома и всё время караулили разбойника. Как только он вышел из дому, его окружили и нашли у него под полой подсвечник.

Разбойник стал отпираться, но полицейские сказали:

— Если ты от прежних дел своих отпираться, то от кражи подсвечника отклепаться не можешь. Пойдём к архиерею — он тебя уличит.

Привели вора к архиерею, показали ему подсвечник и спросили:

— Ваша ли это вещь?

Он говорит:

— Моя.

Полицейские сказали:

— У вас украли эту вещь, а вот вор.

Разбойник молчал, и у него, как у волка,

бегали глаза.

Архиерей ничего не сказал, вернулся в гору, взял там дружку от того же подсвечника, подал разбойнику и говорит:

— Зачем же ты, дружок, только один подсвечник взял? Ведь я тебе оба подарил.

Разбойник заплакал и сказал полицейским:

— Я вор и разбойник, ведите меня!

Потом он сказал архиерею:

— Прости меня, ради Христа, и помолись за меня Богу.

Камень

Один бедный пришёл к богатому и стал просить милостыню. Богатый не дал ничего и сказал:

— Поди вон!

Но бедный не уходил. Тогда богатый рассердился, поднял камень и бросил им в бедно-

го. Бедный поднял камень, положил за пазуху и сказал:

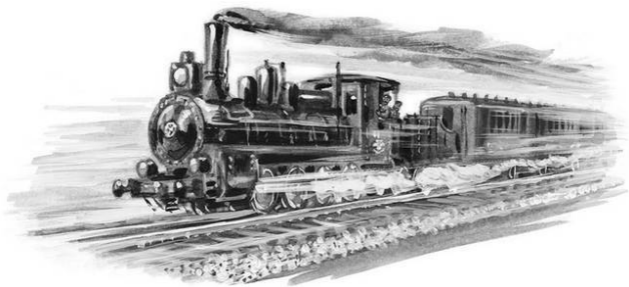
— До тех пор буду носить этот камень, пока не придётся и мне бросить в него.

И пришло это время. Богатый сделал дурное дело; у него отняли всё, что у него было, и повезли в тюрьму.

Когда его везли в тюрьму, бедный подошёл к нему, вынул из-за пазухи камень и замахнулся; потом пораздумался, бросил камень наземь и сказал:

— Напрасно я так долго носил этот камень: когда он был богат и силен, я боялся его, а теперь мне жалко его.

От скорости сила

Один раз машина ехала очень скоро по железной дороге. А на самой дороге, на переезде, стояла лошадь с тяжёлым возом. Мужик гнал лошадь через дорогу, но лошадь не могла сдвинуть воз, потому что заднее колесо соскочило.

Кондуктор закричал машинисту: «Держи», но машинист не послушался. Он смекнул, что мужик не может ни согнать лошадь с телегой, ни своротить её и что машины сразу остановить нельзя. Он не стал останавливать, а самым скорым ходом пустил машину и во весь дух налетел на телегу.

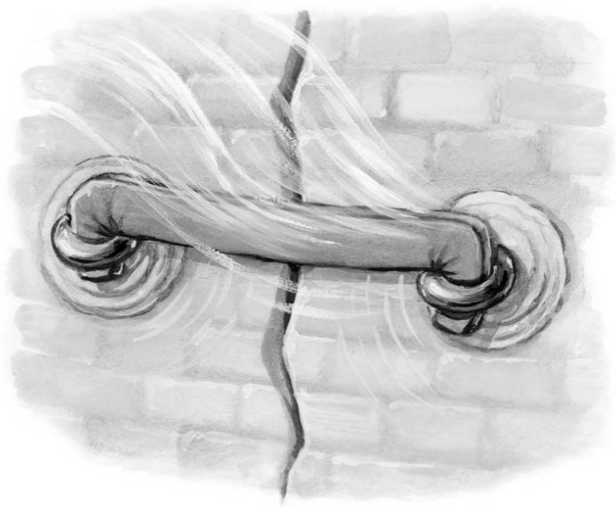
Мужик отбежал от телеги, а машина, как щепку, сбросила с дороги телегу и лошадь, а сама не тряхнулась, пробежала дальше.

Тогда машинист сказал кондуктору:

— Теперь мы только убили одну лошадь и сломали телегу, а если бы я тебя послушал, мы сами бы убились и перебили бы всех пассажиров. На скором ходу мы сбросили телегу и не слышали толчка, а на тихом ходу нас бы выбросило из рельсов.

Как в городе Париже починили дом

В одном большом доме разошлись врозь стены. Стали думать, как их свести так, чтобы не ломать крыши. Один человек придумал. Он вделал с обеих сторон в стены железные ушки; потом сделал железную полосу, такую, чтобы она на вершок не хватала от ушка до ушка. Потом загнул на ней крюки по концам так, чтобы крюки входили в ушки. Потом разогрел полосу на огне; она раздалась и достала от ушка до ушка. Тогда он задел крюками за ушки и оставил её так. Полоса стала остывать и сжиматься и стянула стены.

Китайская царица Силинчи

У китайского императора Гоангчи была любимая жена Силинчи. Император хотел, чтобы весь народ помнил его любимую царицу. Он показал жене шелковичного червя и сказал:

— Научись, что с этим червяком делать и как его водить, и тебя народ никогда не забудет.

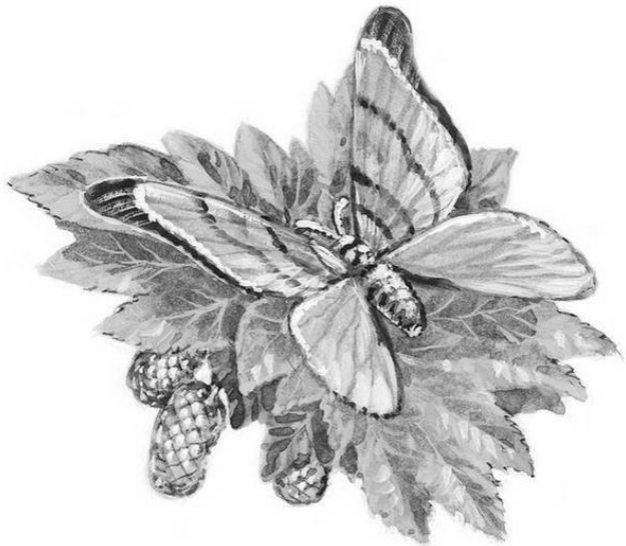

дет.

Силинчи стала смотреть червей и увидала, что когда они замирают, то на них бывает паутина. Она размотала эту паутину, спряла её в нитки и соткала шёлковый платок. Потом она заметила, что черви водятся на тутовых деревьях. Она стала собирать лист с тутового дерева и кормить им червей. Она развела много червей и научила свой народ, как водить их.

С тех пор прошло пять тысяч лет, а китайцы до сих пор помнят императрицу Силянчи и в честь её празднуют.

Как научились бухарцы разводить шелковичных червей

Китайцы долго одни умели разводить шёлк и никому этого искусства не показывали,

а продавали за дорогие деньги шёлковые ткани.

Бухарский царь услышал об этом, и ему захотелось достать червей и научиться этому делу. Он просил китайцев дать ему семян, и червей, и деревьев. Они отказали. Тогда бухарский царь послал сватать за себя дочь у китайского императора и велел сказать невесте, что у него всего много в царстве, нет только одного — шёлковых тканей, — так чтобы она с собою потихоньку привезла семян шелковицы и червей, а то не во что ей будет наряжаться.

Царевна набрала семян червей и деревьев и положила себе в головную повязку.

Когда на границе стали осматривать, не везёт ли она с собою потихоньку чего запрещённого, никто не посмел развязать её повязку.

И бухарцы развели у себя тутовые деревья и шелковичных червей, и царевна научила водить их.

Как тётушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачёв дал гривенник

Мне было лет 8, и мы жили в Казанской губернии, в своей деревне. Помню я, что отец с матерью стали тревожиться и всё по-

минали о Пугачёве. Потом уж я узнала, что появился тогда Пугачёв-разбойник. Он называл себя царём Петром III, собрал много разбойников и вешал всех дворян, а крепостных всех отпускал на волю. И говорили, что он с своим народом уже недалеко от нас. Отец хотел уехать в Казань, да побоялся нас, детей, везти с собой, потому что погода была холодная и дороги дурные. Было это дело в ноябре, и по дорогам опасно было. И собрался отец ехать один с матерью в Казань и оттуда обещался взять казаков и приехать за нами.

Они уехали, а мы остались одни с няней Анной Трофимовной, и все жили внизу, в одной комнате. Помню я, сидим мы вечером, няня качает сестру и носит по комнате: у неё животик болел, а я куклу одеваю. А Параша, девушка наша, и дьячиха сидят у стола, пьют чай и разговаривают; и всё про Пугачёва. Я куклу одеваю, а сама всё слушаю, какие страсти дьячиха рассказывает.

— Помню я, — рассказывала она, — как к соседям нашим за сорок вёрст Пугачёв приходил и как он барина на воротах повесил, а детей всех перебил.

— Как же они их, злодеи, убивали? — спросила Параша.

— Да так, матка моя. Игнатыч сказывал: возьмут за ножки да об угол.

— И, будет вам страсти рассказывать при ребёнке, — сказала няня. — Иди, Катенька, спать, уж пора.

Я хотела уже собираться спать, вдруг слышим мы — стучат в ворота, собаки лают и голоса кричат.

Дьячиха с Парашей побежали смотреть и сейчас же прибежали назад: «Он! Он!»

Няня забыла и думать, что у сестры животик болит, бросила её на постельку, побежала к сундуку, достала оттуда рубашку и сарафанчик маленький. Сняла с меня всё, разула и надела крестьянское платье. Голову мне повязала платком и говорит:

— Смотри, если спрашивать будут, говори, что ты моя внучка.

Не успели меня одеть, слышим: наверху уже стучат сапогами. Слышно, много народа нашло. Прибежала к нам дьячиха, Михайла-лакей.

— Сам, сам приехал! Баранов бить велит.

Вина, наливкок спрашивает.

Анна Трофимовна говорит: «Всего давай. Да смотри не сказывай, что барские дети. Говори, все уехали. А про неё говори, что моя внучка».

Всю ночь эту мы не спали. Всё к нам заходили пьяные казаки.

Но Анна Трофимовна их не боялась. Как придёт какой, она говорит: «Чего, голубчик, надо? У нас про вас ничего нет. Малые дети да я, старая».

И казаки уходили.

К утру я заснула, и когда проснулась, то увидала, что у нас в горнице казак в зелёной бархатной шубе, и Анна Трофимовна ему низко кланяется.

Он показал на мою сестру, говорит: «Этот чья же?» А Анна Трофимовна говорит: «Внучка моя, дочернина. Дочь с господами уехала, мне оставила».

— А эта девчонка? — Он показал на меня.

— Тоже внучка, государь.

Он поманил меня пальцем.

— Поди сюда, умница.

Я заробела.

А Анна Трофимовна говорит:

— Иди, Катюшка, не бойся.

Я подошла.

Он взял меня за щёку и говорит:

— Вишь, белолицая какая, красавица будет. — Вынул из кармана горсть серебра, выбрал гривенник и дал мне.

— На тебе, помни государя, — и ушёл.

Погостили они у нас так 2 дня, всё поели, попили, поломали, но ничего не сожгли и уехали.

Когда отец с матерью вернулись, они не знали, как благодарить Анну Трофимовну, дали ей вольную, но она не взяла и до старости жила и умерла у нас. А меня шутя звали с тех пор: Пугачёва невеста. А гривенник тот, что мне дал Пугачёв, я до сих пор храню; и как взгляну на него, вспоминаю свои детские годы и добрую Анну Трофимовну.

Бог правду видит, да не скоро скажет

В городе Владимире жил молодой купец Аксёнов. У него были две лавки и дом.

Из себя Аксёнов был русский, кудрявый, красивый и первый весельчак и песенник. Молоду Аксёнов много пил, и когда напивался — буянил, но с тех пор как женился, он бросил пить, и только изредка это случалось с ним.

Раз летом Аксёнов поехал в Нижний на яр-

марку. Когда он стал прощаться с семьёй, жена сказала ему:

— Иван Дмитриевич, не ездят ты нынче, я про тебя дурно во сне видела.

Аксёнов посмеялся и сказал:

— Ты всё боишься, как бы не загулял я на ярмарке?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а так дурно видела, — видела, будто ты приходишь из города, снял шапку, а я гляжу: голова у тебя вся седая.

Аксёнов засмеялся.

— Ну, это к прибыли. Смотри, как расторгуюсь, дорогих гостинцев привезу.

И он простился с семьёй и уехал.

На половине дороги съехался он с знакомым купцом и с ним вместе остановился ночевать. Они напились чаю вместе и легли спать в двух комнатах рядом. Аксёнов не любил долго спать; он проснулся среди ночи и, чтобы легче холодком было ехать, взбудил ямщика и велел запрягать. Потом вышел в чёрную избу, расчёлся с хозяином и уехал.

Отъехавши вёрст сорок, он опять остано-

вился кормить, отдохнул в сенях на постоялом дворе и в обед вышел на крыльцо и велел поставить самовар; достал гитару и стал играть; вдруг ко двору подъезжает тройка с колокольчиком, и из повозки выходит чиновник с двумя солдатами, подходит к Аксёнову и спрашивает: кто, откуда? Аксёнов всё рассказывает, как есть, и просит: не угодно ли чайку вместе выпить? Только чиновник всё пристаёт с расспросами: «Где ночевал прошлую ночь? Один или с купцом? Видел ли купца поутру? Зачем рано уехал со двора?» Аксёнов удивился, зачем его обо всём спрашивают: всё рассказал, как было, да и говорит:

— Что ж вы меня так выпрашиваете? Я не вор, не разбойник какой-нибудь. Еду по своему делу, и нечего меня спрашивать.

Тогда чиновник кликнул солдат и сказал:

— Я исправник и спрашиваю тебя затем, что купец, с каким ты ночевал прошлую ночь, зарезан. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли в избу, взяли чемодан и мешок и стали развязывать и искать. Вдруг исправник

вынул из мешка ножик и закричал:

— Это чей ножик?

Аксёнов поглядел, видит — ножик в крови из его мешка достали, и испугался.

— А отчего кровь на ноже?

Аксёнов хотел отвечать, но не мог выговорить слова.

— Я... я не знаю... я... пож... я... не мой...

Тогда исправник сказал:

— Поутру купца нашли зарезанным на постели. Кроме тебя, некому было это сделать. Изба была заперта изнутри, а в избе никого, кроме тебя, не было. Вот и ножик в крови у тебя в мешке, да и по лицу видно. Говори, как ты убил его и сколько ты ограбил денег?

Аксёнов божился, что не он это сделал, что не видал купца после того, как пил чай с ним, что деньги у него свои 8000, что ножик не его. Но голос у него обрывался, лицо было бледно, и он весь трясся от страха, как виноватый.

Исправник позвал солдат, велел связать и вести его на телегу. Когда его с связанными ногами взвалили на телегу, Аксёнов перекрестился и заплакал. У Аксёнова отобрали вещи и деньги, отослали его в ближний город, в

острог. Послали во Владимир узнать, какой человек был Аксёнов, и все купцы и жители владимирские показали, что Аксёнов смолоду пил и гулял, но был человек хороший. Тогда его стали судить. Судили его за то, что он убил рязанского купца и украл 20 000 денег.

Жена убивалась о муже и не знала, что думать. Дети её ещё все были малы, а один был у груди. Она забрала всех с собою и поехала в тот город, где её муж содержался в остроге. Сначала её не пускали, но потом она упросила начальников, и её привели к мужу. Когда она увидала его в острожном платье, в цепях, вместе с разбойниками, — она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потом она поставила детей вокруг себя, села с ним рядышком и стала сказывать ему про домашние дела и спрашивать его про всё, что с ним случилось. Он всё рассказал ей. Она сказала:

— Как же быть теперь?

Он сказал:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошение царю, но что прошение не дошло. Ак-

сёнов ничего не сказал и только потупился. Тогда жена сказала:

— Недаром я тогда, помнишь, видела сон, что ты сед стал. Вот уж и вправду ты с горя поседел. Не ездить бы тебе тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала:

— Ваня, друг сердечный, жене скажи правду: не ты сделал это?

Аксёнов сказал:

— И ты подумала на меня! — закрылся руками и заплакал.

Потом пришёл солдат и сказал, что жене с детьми надо уходить. И Аксёнов в последний раз простился с семьёй.

Когда жена ушла, Аксёнов стал вспоминать, что говорили. Когда он вспомнил, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, он ли убил купца, он сказал себе: «Видно, кроме Бога, никто не может знать правды, и только его надо просить и от него только ждать милости».

И с тех пор Аксёнов перестал подавать прошения, перестал надеяться и только молился Богу.

Аксёнова присудили наказать кнутом и сослать в каторжную работу. Так и сделали.

Его высекли кнутом и потом, когда от кнута раны зажили, его погнали с другими каторжниками в Сибирь.

В Сибири, на каторге, Аксёнов жил 26 лет. Волоса его на голове стали белые как снег, и борода отросла длинная, узкая и седая. Вся весёлость его пропала. Он сгорбился, стал ходить тихо, говорил мало, никогда не смеялся и часто молился Богу.

В остроге Аксёнов выучился шить сапоги и на заработанные деньги купил Четыи минеи и читал их, когда был свет в остроге; а по праздникам ходил в острожную церковь, читал Апостол и пел на клиросе, — голос у него всё ещё был хорош. Начальство любило Аксёнова за его смиренность, а товарищи острожные почитали его и называли «дедушкой» и «божьим человеком». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксёнова посылали просить начальство, и когда промеж каторжных были ссоры, то они всегда к Аксёнову приходили судиться.

Из дому никто не писал писем Аксёнову, и

он не знал, живы ли его жена и дети.

Привели раз на каторгу новых колодников. Вечером все старые колодники собрались вокруг новых и стали их расспрашивать, кто из какого города или деревни и кто за какие дела. Аксёнов тоже подсел на нары подле новых и, потупившись, слушал, кто что рассказывал. Один из новых колодников был высокий, здоровый старик лет 60-ти, с седой стриженной бородой. Он рассказывал, за что его взяли. Он говорил:

— Так, братцы, ни за что сюда попал. У ямщика лошадь отвязал от саней. Поймали, говорят: украл. А я говорю: я только доехать скорей хотел, — я лошадь пустил. Да и ямщик мне приятель. Порядок, я говорю? — Нет, говорят, украл. А того не знают, что и где украл. Были дела, давно бы следовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врѣшь, — бывал в Сибири, да недолго гащивал...

— А ты откуда будешь? — спросил один из колодников.

— А мы из города Владимира, тамошние мещане. Звать Макаром, а величают Семёно-

вичем.

Аксёнов поднял голову и спросил:

— А что, не слышал ли, Семёныч, во Владимире-городе про Аксёновых-купцов? Живы ли?

— Как не слышать! Богатые купцы, даром что отец в Сибири. Такой же, видно, как и мы, грешные. А ты сам, дедушка, за какие дела?

Аксёнов не любил говорить про своё несчастье; он вздохнул и сказал:

— По грехам своим двадцать шестой год нахожусь в каторжной работе.

Макар Семёнов сказал:

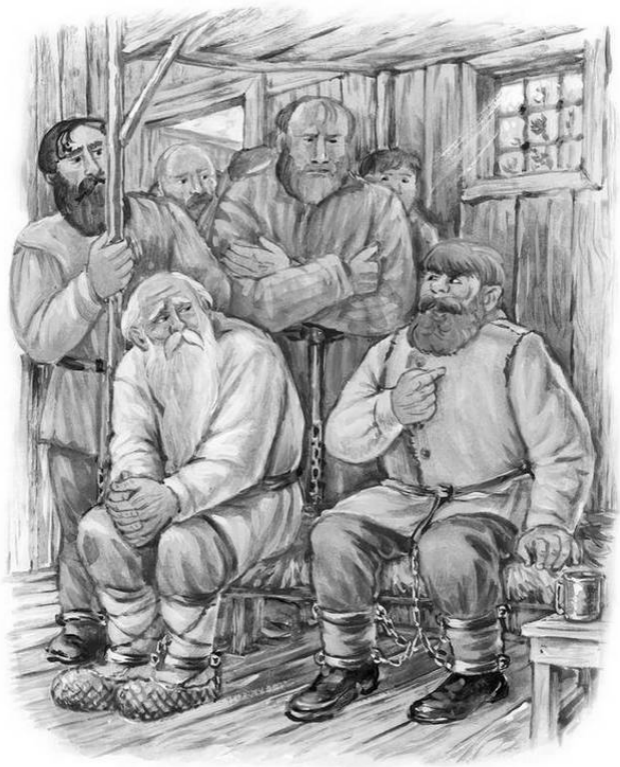
— А по каким же таким грехам?

Аксёнов сказал:

— Стало быть, стоило того, — и не хотел больше рассказывать, но другие острожные товарищи рассказали новому, как Аксёнов попал в Сибирь.

Они рассказали, как на дороге кто-то убил купца и подсунул Аксёнову ножик и как за это его понапрасну засудили.

Когда Макар Семёнов услышал это, он взглянул на Аксёнова, хлопнул себя руками по коленам и сказал:

— Ну, чудо! Вот чудо-то! Постарел же ты,

дедушка!

Его стали спрашивать, чему он удивлялся и где он видел Аксёнова; но Макар Семёнов не отвечал, он только сказал:

— Чудеса, ребята, где свидеться пришлось!

И с этих слов пришло Аксёнову в мысли, что не знает ли этот человек про то, кто убил купца. Он сказал:

— Или ты слышал, Семёныч, прежде про это дело, или видал меня прежде?

— Как не слышать! Земля слухом полнится. Да давно уж дело было: что и слышал, то забыл, — сказал Макар Семёнов.

— Может, слышал, кто купца убил? — спросил Аксёнов.

Макар Семёнов засмеялся и сказал:

— Да, видно, тот убил, у кого ножик в мешке нашёлся. Если кто и подсунул тебе ножик, не пойман — не вор. Да и как же тебе ножик в мешок сунуть? Ведь он у тебя в головах стоял? Ты бы услышал.

Как только Аксёнов услышал эти слова, он подумал, что этот самый человек убил купца. Он встал и отошёл прочь. Всю эту ночь Аксёнов не мог заснуть. Нашла на него скука, и

стало ему представляться: то представлялась ему его жена такою, какою она была, когда провожала его в последний раз на ярмарку. Так и видел он её как живую, и видел её лицо и глаза, и слышал, как она говорила ему и смеялась. Потом представлялись ему дети, такие, какие они были тогда, — маленькие, один в шубке, другой у груди. И себя он вспоминал, каким он был тогда, — весёлым, молодым; вспоминал, как он сидел на крылечке на постоялом дворе, где его взяли, и играл на гитаре, и как у него на душе весело было тогда. И вспомнил лобное место, где его секли, и палача, и народ кругом, и цепи, и колодников, и всю 26-летнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнил. И такая скука нашла на Аксёнова, что хоть руки на себя наложить.

«И всё от того злодея!» — думал Аксёнов.

И нашла на него такая злость на Макара Семёнова, что хоть самому пропасть, а хотелось отомстить ему. Он читал молитвы всю ночь, но не мог успокоиться. Днём он не подходил к Макару Семёнову и не смотрел на него.

Так прошли две недели. По ночам Аксёнов

не мог спать, и на него находила такая скука, что он не знал, куда деваться.

Один раз, ночью, он пошёл по острогу и увидал, что из-под одной нары сыплется земля. Он остановился посмотреть. Вдруг Макар Семёнов выскочил из-под нары и с испуганным лицом взглянул на Аксёнова. Аксёнов хотел пройти, чтоб не видеть его; но Макар ухватил его за руку и рассказал, как он прокопал проход под стенами и как он землю каждый день выносит в голенищах и высыпает на улицу, когда их гоняют на работу. Он сказал:

— Только молчи, старик, я и тебя выведу. А если скажешь, — меня засекут, да и тебе не спущу — убью.

Когда Аксёнов увидал своего злодея, он весь затрясся от злости, выдернул руку и сказал:

— Выходить мне незачем и убивать меня нечего, — ты меня уже давно убил. А сказывать про тебя буду или нет — как бог на душу положит.

На другой день, когда вывели колодников на работу, солдаты заметили, что Макар Се-

мёнов высыпал землю, стали искать в остроге и нашли дыру. Начальник приехал в острог и стал всех допрашивать: кто выкопал дыру? Все отпирались. Те, которые знали, не выдавали Макара Семёнова, потому что знали, что за это дело его засекут до полусмерти. Тогда начальник обратился к Аксёнову. Он знал, что Аксёнов был справедливый человек, и сказал:

— Старик, ты правдив; скажи мне перед Богом, кто это сделал?

Макар Семёнов стоял как ни в чем не бывало, и смотрел на начальника, и не огляды-

вался на Аксёнова. У Аксёнова тряслись руки и губы, и он долго не мог слова выговорить. Он думал: «Если скрыть его, за что же я его прощу, когда он меня погубил? Пускай поплатится за моё мученье. А сказать на него, точно — его засекут. А что, как я понапрасну на него думаю? Да что ж, мне легче разве будет?»

Начальник ещё раз сказал: «Ну, что ж, старик, говори правду: кто подкопался?»

Аксёнов поглядел на Макара Семёнова и сказал:

— Я не видал и не знаю.

Так и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксёнов лёг на свою нару и чуть задремал, он услышал, что кто-то подошёл и сел у него в ногах. Он посмотрел в темноте и узнал Макара.

Аксёнов сказал:

— Что тебе ещё от меня надо? Что ты тут делаешь?

Макар Семёнов молчал. Аксёнов приподнялся и сказал:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макар Семёнов нагнулся близко к Аксёно-

ву и шёпотом сказал:

— Иван Дмитриевич, прости меня!

Аксёнов сказал:

— За что тебя прощать?

— Я купца убил, я и ножик тебе подсунул.

Я и тебя хотел убить, да на дворе зашумели: я

сунул тебе ножик в мешок и вылез в окно. —

Аксёнов молчал и не знал, что сказать. Макар

Семёнов спустился с нары, поклонился в зем-

лю и сказал:

— Иван Дмитриевич, прости меня, прости,

ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убил, —

тебя простят. Ты домой вернёшься.

Аксёнов сказал:

— Тебе говорить легко, а мне терпеть како-

во! Куда я пойду теперь?.. Жена померла, дети

забыли; мне ходить некуда...

Макар Семёнов не вставал с полу и бился

головой о землю и говорил:

— Иван Дмитрич, прости! Когда меня кну-

том секли, мне легче было, чем теперь на те-

бя смотреть... А ты ещё пожалел меня — не

сказал. Прости меня, ради Христа! Прости ты

меня, злодея окаянного! — и он зарыдал.

Когда Аксёнов услышал, что Макар Семё-

нов плачет, он сам заплакал и сказал:

— Бог простит тебя; может быть, я во сто раз хуже тебя! — И вдруг у него на душе легко стало. И он перестал скучать о доме, и никуда не хотел из острога, а только думал о последнем часе.

Макар Семёнов не послушался Аксёнова и объявился виноватым. Когда вышло Аксёнову разрешение вернуться, Аксёнов уже умер.

БАСНИ

Стрекоза и муравьи

Осенью у Муравьёв подмокла пшеница; они её сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали:

— Что ж ты летом не собрала корму?

Она сказала:

— Недосуг было: песни пела.

Они засмеялись и говорят:

— Если летом играла, зимой пляши.

Работницы и петух

Хозяйка по ночам будила работниц и, как запоют петухи, сажала за дело. Работницам тяжело показалось, и они вздумали убить петуха, чтобы не будил хозяйки.

Убили — им стало хуже: хозяйка боялась проспать и ещё раньше стала поднимать работниц.

Собака и её тень

Собака шла по дощечке через речку, а в зубах несла мясо. Увидала она себя в воде и подумала, что там другая собака мясо несёт, — она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки; того мяса вовсе не было, а своё волною унесло.

И осталась собака ни при чём.

Лгун

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать:

— Помогите, волк! Волк!

Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось — и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать:

— Сюда, сюда скорей, волк!

Мужики подумали, что опять по-всегдаш-

нему обманывает, — не послушали его.

Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо.

Старик и смерть

Старик раз нарубил дров и понёс. Нести было далеко; он измучился, сложил вязанку и говорит:

— Эх, хоть бы смерть пришла!

Смерть пришла и говорит:

— Вот и я, чего тебе надо?

Старик испугался и говорит:

— Мне вязанку поднять.

Заяц и гончая собака

Заяц сказал раз гончей собаке:

— Для чего ты лаешь, когда гонишься за нами? Ты бы скорее поймала нас, если бы бежала молча. А с лаем ты только нагоняешь нас на охотника: ему слышно, где мы бежим, и он забегает с ружьём нам навстречу, убивает нас и ничего не даёт тебе.

Собака сказала:

— Я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запах, то и сержусь, и радуюсь, что я вот сейчас поймаю тебя; и сама не знаю зачем, но не могу удержаться от лая.

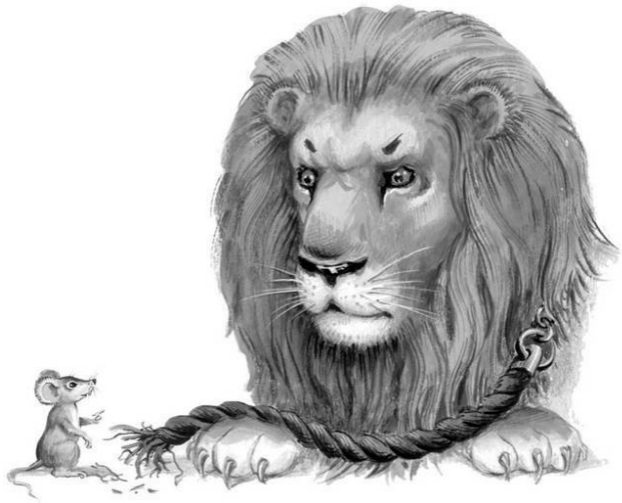
Лев и мышь

Лев спал. Мышь пробежала ему по телу. Он проснулся и поймал её. Мышь стала просить, чтобы он пустил её; она сказала:

— Если ты меняпустишь, и я тебе добро сделаю.

Лев засмеялся, что мышь обещает ему добро сделать, и пустил её.

Потом охотники поймали льва и привязали верёвкой к дереву. Мышь услышала левиный рёв, прибежала, перегрызла верёвку и

сказала:

— Помнишь, ты смеялся, не думал, чтобы я могла тебе добро сделать, а теперь видишь — бывает и от мыши добро.

Царь и сокол

Один царь на охоте пустил за зайцем любимого сокола и поскакал.

Сокол поймал зайца. Царь отнял зайца и стал искать воды, где бы напиться. В бугре царь нашёл воду. Только она по капле капала. Вот царь достал чашу с седла и подставил под воду. Вода текла по капле, и когда чаша набралась полная, царь поднял её ко рту и хотел пить. Вдруг сокол встрепенулся на руке у царя, забил крыльями и выплеснул воду.

Царь опять подставил чашу. Он долго ждал, пока она наберётся вровень с краями, и опять, когда он стал подносить её ко рту, сокол затрепыхался и разлил воду.

Когда в третий раз царь набрал полную чашу и стал подносить её к губам, сокол опять разлил её. Царь рассердился и, со всего размаха ударив сокола об камень, убил его. Тут подъехали царские слуги, и один из них побежал вверх к роднику, чтобы найти побольше воды и скорее набрать полную чашу. Только и слуга не принёс воды; он вернулся с пустой чашкой и сказал:

— Ту воду нельзя пить: в роднике змея, и она выпустила свой яд в воду. Хорошо, что сокол разлил воду. Если бы ты выпил этой воды, ты бы умер.

Царь сказал:

— Дурно же я отплатил соколу: он спас мне жизнь, а я убил его.

Отец и сыновья

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

— Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать.

Тогда отец развязал веник и велел ломать

по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

— Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да всё врозь — вас всякий легко погубит.

Делёж наследства

У одного отца было два сына. Он сказал им:
— Умру — разделите всё пополам.

Когда отец умер, сыновья не могли разделить без спора. Они пошли судиться к соседу. Сосед спросил у них:

— Как вам отец велел делиться?

Они сказали:

— Он велел делить всё пополам.

Сосед сказал:

— Так разорвите пополам все платья, разбейте пополам всю посуду и пополам разрежьте всю скотину.

Братья послушали соседа, и у них ничего не осталось.

Зайцы и лягушки

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

— И от людей и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем... Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться. Давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться.

Лягушки услышали зайцев и забултыхали

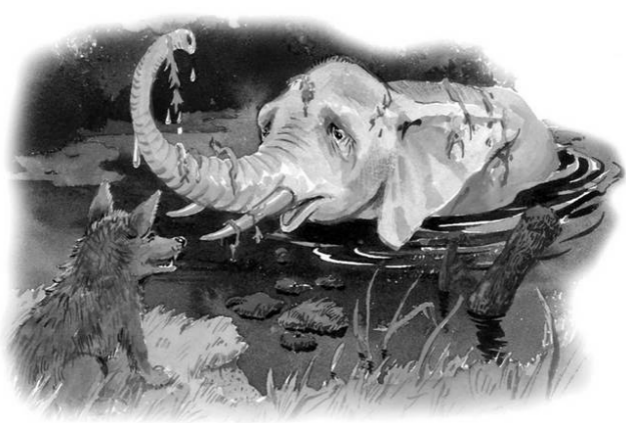
В воду.

Один заяц и говорит:

— Стойте, ребята! Подождём топитья; вот лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: они и нас боятся.

Шакалы и слон

Шакалы поели всю падаль в лесу, и им нечего стало есть. Вот старый шакал и придумал, как им прокормиться. Он пошёл к слону и говорит:

— Был у нас царь, да избаловался: приказывал нам делать такие дела, каких нельзя исполнить; хотим мы другого царя выбрать — и послал меня наш народ просить тебя в цари. У нас житьё хорошее: что велишь, всё то будем делать и почитать тебя во всём

будем. Пойдём в наше царство.

Слон согласился и пошёл за шакалом. Шакал привёл его в болото. Когда слон завяз, шакал и говорит:

— Теперь приказывай: что велишь, то и будем делать.

Слон сказал:

— Я приказываю вытащить меня отсюда.

Шакал рассмеялся и говорит:

— Хватайся хоботом мне за хвост — сейчас вытащу.

Слон говорит:

— Разве можно меня хвостом вытащить?

А шакал говорит:

— Так зачем же ты приказываешь, чего нельзя сделать? Мы и прежнего царя за то прогнали, что он приказывал то, чего нельзя делать.

Когда слон издох в болоте, шакалы пришли и съели его.

Волк и охотники

Волк съел овцу. Мужики поймали волка и стали его бить.

Волк сказал:

— За то вы меня мучите, что я сер.

Мужики сказали:

— Не за то, что ты сер, а за то, что ты овцу съел.

Тонкие нитки

Один человек заказал пряже тонкие нитки. Пряжа спряла тонкие нитки, но человек сказал:

— Нитки не хороши, мне нужны нитки самые тонкие.

Пряжа сказала:

— Если тебе эти не тонки, так вот тебе другие, — и она показала на пустое место.

Он сказал, что не видит.

Пряха сказала:

— Оттого и не видишь, что очень тонки; я и сама не вижу.

Дурак обрадовался и заказал себе ещё таких ниток, а за эти заплатил деньги.

Мужик и лошадь

Поехал мужик в город за овсом для лошади. Только что выехал из деревни, лошадь стала заворачивать назад к дому. Мужик уда-

рил лошадь кнутом. Она пошла и думает про мужика: «Куда он, дурак, меня гонит; лучше бы домой».

Не доезжая до города, мужик видит, что лошади тяжело по грязи, своротил на мостовую, а лошадь воротит прочь от мостовой. Мужик ударил кнутом и дёрнул лошадь; она пошла на мостовую и думает: «Зачем он меня повернул на мостовую, только копыта обломашь. Тут под ногами жёстко».

Мужик подъехал к лавке, купил овса и поехал домой. Когда приехал домой, дал лошади овса. Лошадь стала есть и думает: «Какие люди глупые! Только любят над нами умничать, а ума у них меньше нашего. О чём он хлопотал? Куда-то ездил и гонял меня. Сколько мы ни ездили, а вернулись же домой. Лучше бы с самого начала оставаться нам с ним дома; он бы сидел на печи, а я бы ела овёс».

Царь и слоны

Один индийский царь велел собрать всех слепых и, когда они пришли, велел им показать своих слонов. Слепые пошли в конюшню и стали щупать слонов.

Один ощупал ногу, другой — хвост, третий — *репицу*, четвёртый — брюхо, пятый — спину, шестой — уши, седьмой — клыки, осьмой — хобот.

Потом царь позвал слепых к себе и спросил:

— Каковы мои слоны?

Один слепой сказал:

— Слоны твои похожи на столбы. — Этот слепой щупал ноги.

Другой слепой сказал:

— Они похожи на веники. — Этот щупал хвост.

Третий сказал:

— Они похожи на сучья. — Этот щупал *репицу*.

Тот, что щупал живот, сказал:

— Слоны похожи на кучу земли.

Тот, что щупал бока, сказал:

— Они похожи на стену.

Тот, что щупал спину, сказал:

— Они похожи на гору.

Тот, что щупал уши, сказал:

— Они похожи на платки.

Тот, что щупал голову, сказал:

— Они похожи на ступу.

Тот, что щупал клыки, сказал:

— Они похожи на рога.

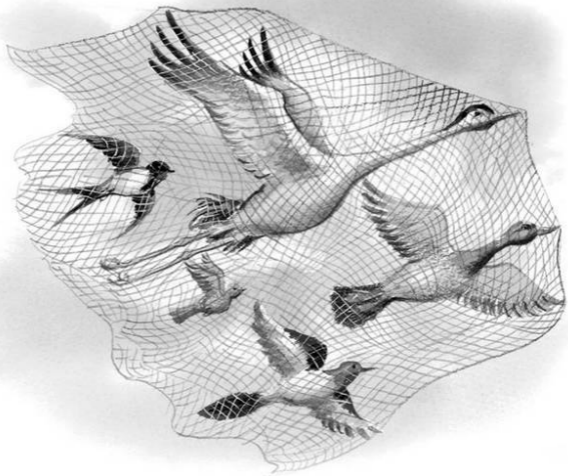
Тот, что щупал хобот, сказал, что они похожи на толстую верёвку.

И все слепые стали спорить и ссориться.

Птицы и сети

Охотник поставил у озера сети и накрыл много птиц. Птицы были большие, подняли сеть и улетели с ней. Охотник побежал за птицами. Мужик увидел, что охотник бежит, и говорит:

— И куда бежишь? Разве пешком можно догнать птицу?

Охотник сказал:

— Кабы одна была птица, я бы не догнал, а

теперь догоню.

Так и сделалось. Как пришёл вечер, птицы потянули на ночлег, каждая в свою сторону: одна к лесу, другая к болоту, третья в поле; и все с сетью упали на землю, и охотник взял их.

Корова и козёл

У старухи были корова и козёл. Корова и козёл вместе ходили в стадо. Корова всё во-

рочалась, когда её доили. Старуха вынесла хлеба с солью, дала корове и приговаривала:

— Да стой же, матушка; нá, нá; ещё вынесу, только стой смирно.

На другой вечер козёл вперёд коровы вернулся с поля, расставил ноги и стал перед старухой. Старуха замахнулась на него полотенцем, но козёл стоял, не шевелился. Он помнил, что старуха обещала хлеба корове, чтобы стояла смирно.

Старуха видит, что козёл не понимает, взяла палку и прибила его.

Когда козёл отошёл, старуха опять стала кормить корову хлебом и уговаривать её.

«Нет в людях правды! — подумал козёл. — Я смирнее её стоял, а меня прибили».

Он отошёл к сторонке, разбежался, ударил в подойник, разлил молоко и зашиб старуху.

Обезьяна и горох

Обезьяна несла две полные горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотела поднять и просыпала двадцать горошинок. Она бросилась поднимать и просыпала все.

Тогда она рассердилась, разметала весь горох и убежала.

Собаки и повар

Повар готовил обед; собаки лежали у двери кухни. Повар убил телёнка и бросил кишки на двор. Собаки подхватили, поели и говорят:

— Повар хороший: хорошо стряпает. Немного погодя повар стал чистить горох, ре-

пу и лук и выбросил обрезки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорят:

— Испортился наш повар — прежде хорошо готовил, а теперь никуда не годится.

Но повар не слушал собак, а стряпал обед по-своему.

Обед съели и похвалили хозяева, а не собаки.

Слепой и молоко

Один слепой отроду спросил зрячего: «Какого цвета молоко?»

Зрячий сказал: «Цвет молока такой, как бумага белая».

Слепой спросил: «А что, этот цвет так же шуршит под руками, как бумага?»

Зрячий сказал: «Нет, он белый, как мука белая».

Слепой спросил: «А что, он такой же мягкий и сыпучий, как мука?»

Зрячий сказал: «Нет, он просто белый, как заяц-беляк».

Слепой спросил: «Что же, он пушистый и мягкий, как заяц?»

Зрячий сказал: «Нет, белый цвет такой точно, как снег».

Слепой спросил: «Что же, он холодный, как снег?»

И сколько примеров зрячий ни говорил, слепой не мог понять, какой бывает белый цвет молока.

Два товарища

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего — он упал наземь и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл.

Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся:

— Ну что, — говорит, — медведь тебе на ухо говорил?

— А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

Лисица и виноград

Лисица увидела — висят спелые кисти винограда, и стала прилаживаться, как бы

их съестъ.

Она долго билась, но не могла достать.
Чтобы досаду заглушить, она говорит:
— Зелены ещё.

Голова и хвост змеи

Змеиный хвост заспорил с змеиной головой
о том, кому ходить впереди.

Голова сказала:

— Ты не можешь ходить спереди: у тебя
нет глаз и ушей.

Хвост сказал:

— А зато во мне сила, — я тебя двигаю; если захочу да обернусь вокруг дерева, ты с места не тронешься.

Голова сказала:

— Разойдёмся.

И хвост оторвался от головы и пополз вперёд. Но только что он отполз от головы, попал в трещину и провалился.

Олень и ланчук

Ланчук сказал раз оленю:

— Батюшка, ты и больше и резвее собак, да ещё и рога у тебя огромные на защиту; отчего же ты так боишься собак?

Олень засмеялся и говорит:

— Правду говоришь, дитяtko. Одна беда: как только услышу собачий лай, не успею подумать, а уж бегу.

Олень

Олень подошёл к речке напиться, увидел себя в воде и стал радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрел и говорит:

— Только ноги мои плохи и жидки.

Вдруг выскочи лев и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Он уходил, а как пришёл в лес, запутался рогами за сучья, и лев схватил его. Как пришло погибать оленю, он и говорит:

— То-то глупый я! Про кого думал, что плохи и жидки, то спасали, а на кого радовался, от тех пропал.

Рыбак и рыбка

Поймал рыбак рыбку. Рыбка и говорит:
— Рыбак,пусти меня в воду; видишь, я
мелка: тебе от меня пользы мало будет. А пу-

стишь, да я вырасту, тогда поймаешь — тебе пользы больше будет.

Рыбак и говорит:

— Дурак тот будет, кто станет большой пользы ждать, а малую из рук упустит.

Лисица и козёл

Захотелось козлу напиться: он слез под кручь к колодцу, напился и отяжелел. Стал он выбираться назад и не может. И стал он реветь. Лисица увидала и говорит:

— То-то, бестолковый! Коли бы у тебя сколько в бороде волос, столько бы в голове ума было, то прежде, чем слезать, подумал бы, как назад выбраться.

Волк и журавль

Подавился волк костью и не мог выперх-
нуть. Он подозвал журавля и сказал:

— Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мне в глотку голову и вытащи кость: я тебя награжу.

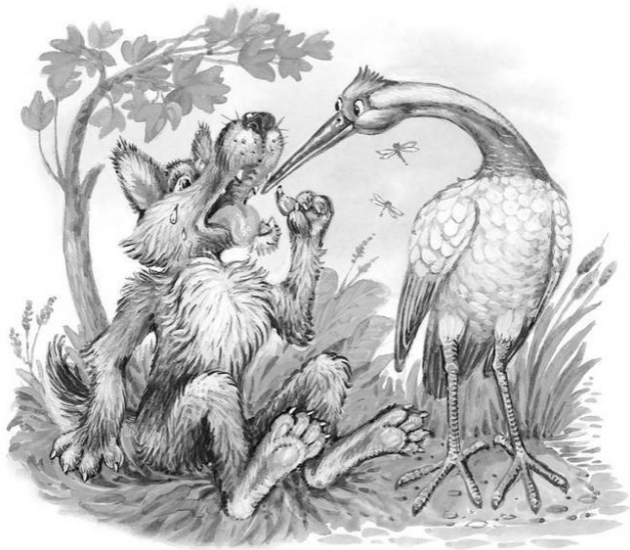
Журавль засунул голову, вытащил кость и говорит:

— Давай же награду.

Волк заскрипел зубами, да и говорит:

— Или тебе мало награды, что я тебе голову не откусил, когда она у меня в зубах была?

Утка и месяц

Утка плавала по реке, отыскивала рыбу и в целый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидела месяц в воде, подумала, что это рыба, и нырнула, чтоб поймать месяц. Другие утки увидали это и стали над ней смеяться.

С тех пор утка так застыдилась и заробела, что когда и видала рыбу под водой, она уж не

ловила её и умерла с голода.

Мышь под амбаром

Жила одна мышь под амбаром. В полу амбара была дырочка, и хлеб сыпался в дырочку. Мыши житьё было хорошее, но она захотела похвастаться своим житьём. Прогрызла больше дыру и позвала других мышей к себе в гости.

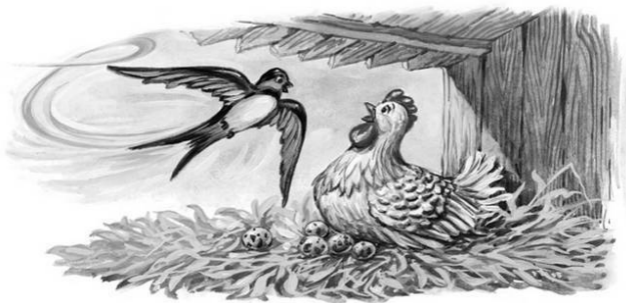
— Идите, — говорит, — ко мне гулять. Я вас угощу. Корму на всех достанет.

Когда она привела мышей, она увидела, что дыры совсем не было. Мужик заметил большую дыру в полу и заделал её.

Курица и ласточка

Курица нашла змеиные яйца и стала их высиживать. Ласточка увидела и говорит:
— То-то глупая! Ты их выведешь, а как вырастут, они тебя первую обидят.

Две лошади

Две лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю лошадь стали поклажу перекладывать с заднего воза; когда всё переложили, задняя лошадь пошла налегке и сказала передней:

— Мучься и потей. Что больше будешь стараться, то больше тебя будут мучить.

Когда приехали на постоялый двор, хозяин и говорит:

— Что мне двух лошадей кормить, а на одной возить, лучше одной дам вволю корму, а ту зарежу: хоть шкуру возьму.

Так и сделал.

Самые лучшие груши

Один барин послал слугу за грушами и сказал ему:

— Купи мне самых хороших.

Слуга пришёл в лавку и спросил груш. Купец подал ему, но слуга сказал:

— Нет, дай мне самых лучших.

Купец сказал:

— Отведай одну, ты увидишь, что они хороши.

— Как я узнаю, — сказал слуга, — что они все хороши, если отведаю только одну?

Он откусил понемногу от каждой груши и принёс их барину. Тогда барин прогнал его.

Сокол и петух

Сокол привык к хозяину и ходил на руку, когда его кликали; петух бегал от хозяина и кричал, когда к нему подходили. Сокол и говорит петуху:

— В вас, петухах, нет благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идёте к хозяевам. То ли дело мы, дикая птица: в нас и силы много, и летать мы можем быстрее всех; и мы не бегаем от людей, а сами ещё ходим к ним на руку, когда нас кличут. Мы помним, что они кормят нас.

Петух и говорит:

— Вы не бегаете от людей оттого, что никогда не видали жареного сокола, а мы то и дело видим жареных петухов.

Цапля, рыбы и рак

Жила цапля у пруда и состарилась; не стало уж в ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, как бы ей хитростью прожить. Она и говорит рыбам:

— А вы, рыбы, не знаете, что на вас беда собирается: слышала я от людей — хотят они пруд спустить и вас всех повыловить. Знаю я, тут за горой хорош прудок есть. Я бы помогла, да старая стала: тяжело летать.

Рыбы стали просить цаплю, чтоб помогла.

Цапля и говорит:

— Пожалуй, постараюсь для вас, перенесу вас, только вдруг не могу, а поодиночке.

Вот рыбы и рады; все просят:

— Меня отнеси, меня отнеси!

И принялась цапля носить их: возьмёт, вынесет в поле, да и съест. И переела она так много рыб.

Жил в пруду старый рак. Как стала цапля

выносить рыбу, он смекнул дело и говорит:

— Ну, теперь, цапля, и меня снеси на новоселье.

Цапля взяла рака и понесла. Как вылетела она на поле, хотела сбросить рака. Но рак увидел рыбки косточки на поле, стиснул клещами цаплю за шею и удавил её, а сам приполз назад к пруду и рассказал рыбам.

Водяной и жемчужина

Один человек ехал на лодке и уронил драгоценный жемчуг в море. Человек вернулся к берегу, взял ведро и стал черпать воду и выливать на землю. Он черпал и выливал три дня без устали.

На четвёртый день вышел из моря водяной и спросил:

— Зачем ты черпаешь?

Человек говорит:

— Я черпаю затем, что уронил жемчуг.

Водяной спросил:

— А скоро ли ты перестанешь?

Человек говорит:

— Когда высушу море, тогда перестану. Тогда водяной вернулся в море, принёс тот самый жемчуг и отдал человеку.

Муравей и голубка

Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она увидела — муравей тонет, и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

Дикий и ручной осёл

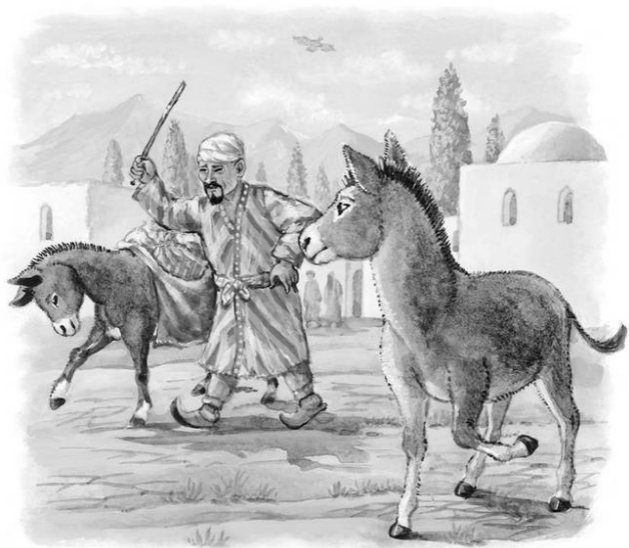
Дикий осёл увидал ручного осла, подошёл к нему и стал хвалить его жизнь: как и телом-то он гладок и какой ему корм сладкий. Потом, как навьючили ручного осла, да как сзади стал погонщик подгонять его дубиной, дикий осёл и говорит:

— Нет, брат, теперь не завидую, — вижу, что твоё житьё тебе соком достаётся.

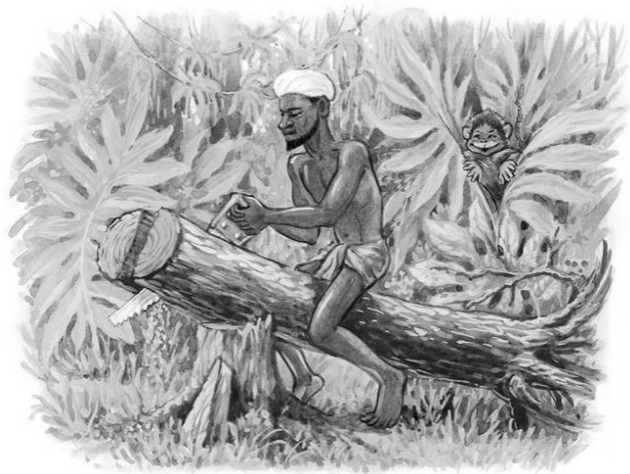
Обезьяна

Один человек пошёл в лес, срубил дерево и стал распиливать. Он поднял конец дерева на пень, сел верхом и стал пилить. Потом он забил клин в распиленное место и стал пилить дальше. Распилил, вынул клин и переложил его ещё дальше.

Обезьяна сидела на дереве и смотрела. Когда человек лёг спать, обезьяна села верхом на дереве и хотела то же делать; но когда она вынула клин, дерево сжалось и прищемило ей хвост. Она стала рваться и кричать. Человек проснулся, прибил обезьяну и привязал

на верёвку.

Осёл и лошадь

У одного человека были осёл и лошадь. Шли они по дороге; осёл сказал лошади: — Мне тяжело, не дотащу я всего, возьми с меня хоть немного.

Лошадь не послушалась. Осёл упал от натуги и умер. Хозяин как наложил всё с осла на лошадь, да ещё и шкуру ослиную, лошадь и взвыла:

— Ох, горе мне, бедной, горюшко мне, несчастной! Не хотела я немножко ему подсобить, теперь вот всё тащу да ещё и шкуру.

Галка и голуби

Галка увидела, что голубей хорошо кормят, — выбелилась и влетела в голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь, и пустили её. Но галка забылась и закричала по-галчьи. Тогда её голуби стали клевать и прогнали. Галка полетела назад к сво-

им, но галки испугались её оттого, что она была белая, и тоже прогнали.

Черепаша и орёл

Черепаха просила орла, чтобы научил её летать. Орёл не советовал, потому что ей не пристало, а она всё просила. Орёл взял её в когти, поднял вверх и пустил: она упала на

камни и разбилась.

Собака, петух и лисица

Собака и петух пошли странствовать. Ввечеру петух уснул на дереве, а собака пристроилась у того же дерева, промеж кореньев. Как пришло время, петух запел. Лисица услышала петуха, прибежала и стала снизу просить, чтобы он сошёл к ней, будто ей хочется оказать почтение ему за то, что у него голос хорош.

Петух сказал:

— Надо прежде разбудить дворника, он спит промеж кореньев. Пусть отопрёт, тогда я сойду.

Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу.

Лошадь и конюх

Конюх крал у лошади овёс и продавал, а лошадь каждый день чистил. Лошадь и говорит:

— Если вправду хочешь, чтоб я была хороша, — овёс мой не продавай.

Дойная корова

У одного человека была корова; она давала каждый день горшок молока. Человек позвал гостей; и чтобы набрать для гостей больше молока, он десять дней не доил коровы. Он думал, что на десятый день корова даст ему десять кувшинов молока.

Но в корове перегорело всё молоко, и она дала меньше молока, чем прежде.

Лисица

Попалась лисица в капкан, оторвала хвост и ушла. И стала она придумывать, как бы ей свой стыд прикрыть. Созвала она лисиц и стала их уговаривать, чтобы отрубили хвосты.

— Хвост, — говорит, — совсем некстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаем.

Одна лисица и говорит:

— Ох, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая!

Куцая лисица смолчала и ушла.

Собака и волк

Собака заснула за двором. Голодный волк
набежал и хотел съесть её.

Собака и говорит:

— Волк! Подожди меня есть, — теперь я
костлява, худа. А вот, дай срок, хозяева будут
свадьбу играть, тогда мне еды будет вволю, я
разжирею, — лучше тогда меня съесть.

Волк поверил и ушёл. Вот приходит он в другой раз и видит — собака лежит на крыше. Волк и говорит:

— Что ж, была свадьба?

А собака и говорит:

— Вот что, волк: коли другой раз заста-нешь меня сонную перед двором, не дожидайся больше свадьбы.

Комар и лев

Комар прилетел ко льву и говорит:
— Ты думаешь, в тебе силы больше моего? Как бы не так! Какая в тебе сила? Что царапаешь когтями и грызёшь зубами, это и бабы так-то с мужиками дерутся. Я сильнее тебя; хочешь, выходи на войну! — И комар затрубил и стал кусать льва в голые щёки и в

нос.

Лев стал бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодрал себе в кровь всё лицо и из сил выбился.

Комар затрубил с радости и улетел. Потом запутался в паутину к пауку, и стал паук его сосать. Комар и говорит:

— Сильного зверя, льва, одолел, а вот от дрянного паука погибаю.

Лошадь и хозяева

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти к другому хозяину. Так и сделалось. Садовник продал лошадь горшечнику.

Лошадь была рада, но у горшечника ещё больше прежнего стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей к лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечник продал лошадь кожевнику.

Вот как увидала лошадь на кожевном дворе кониные шкуры, она и завывала:

— Ох, горе мне, бедной! Лучше б у преж-

них хозяев оставаться: теперь уж, видно, не на работу продали меня, а на шкуру.

Волк и лук

Охотник с луком и стрелами пошёл на охоту, убил козу, взвалил на плечи и понёс её. По дороге увидел он кабана. Охотник сбросил козу, выстрелил в кабана и ранил его. Кабан бросился на охотника, спорол его до смерти, да и сам тут же издох.

Волк почуял кровь и пришёл к тому месту,

где лежали коза, кабан, человек и его лук. Волк обрадовался и подумал: «Теперь я буду долго сыт; только я не стану есть всего вдруг, а буду есть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съем что пожестче, а потом закушу тем, что помягче и послаще».

Волк понюхал козу, кабана и человека и сказал:

— Это кушанье мягкое, я съем это после, а прежде дай съем эти жилы на луке.

И он стал грызть жилы на луке. Когда он перекусил тетиву, лук расскочился и ударил волка по брюху. Волк тут же издох, а другие волки съели и человека, и козу, и кабана, и волка.

Лев и лисица

Лев от старости не мог уже ловить зверей и задумал хитростию жить: зашёл он в пещеру, лег и притворился больным. Стали ходить звери его проведывать, и он съедал тех, которые входили к нему в пещеру.

Лисица смекнула дело, стала у входа в пещеру и говорит:

— Что, лев, как можешь?

Лев говорит:

— Плохо. Да ты отчего же не входишь?

А лисица говорит:

— Оттого не вхожу, что по следам вижу — входов много, а выходов нет.

Осёл в львиной шкуре

Осёл надел львиную шкуру, и все думали — лев. Побежал народ и скотина. Подул ветер, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбежался народ — исколотили осла.

Олень и виноградник

Олень спрятался от охотников в виноградник. Когда охотники проминовали его, олень стал объедать виноградные листья.

Охотники заметили, что листья шевелятся, и думают: «Не зверь ли тут под листьями?» — выстрелили и ранили оленя. Олень и говорит, умираючи:

— Поделом мне за то, что я хотел съесть

Листья, те самые, какие спасли меня.

Топор и пила

Пошли два мужика в лес за деревом. У одного был топор, а у другого пила. Вот они выбрали дерево и стали спорить. Один говорит — надо дерево срубить, а другой говорит — надо спилить.

Третий мужик и говорит:

— Я сейчас помирю вас: если топор востёр, то лучше рубить, а если пила ещё вострее, то лучше пилить. — Он взял топор и стал рубить

дерево. Но топор был так туп, что им нельзя было рубить.

Он взял пилу: пила была плохая и совсем не резала. Тогда он сказал:

— Вы подождите спорить — топор не рубит, а пила не режет. Вы прежде отточите топор да поправьте пилу, а потом уж спорьте.

Но те мужики ещё пуще рассердились друг на друга за то, что у одного был неточёный топор, а у другого пила тупая, и они стали драться.

КОТ И МЫШИ

Завелось в одном доме много мышей. Кот забрался в этот дом и стал ловить мышей. Увидали мыши, что дело плохо, и говорят:

— Давайте, мыши, не будем больше сходить с потолка, а сюда к нам коту не добратся!

Как перестали мыши сходить вниз, кот и задумал, как бы их перехитрить. Уцепился он одной лапой за потолок, свесился и притворился мёртвым.

Одна мышь выглянула на него, да и говорит:

— Нет, брат! Хоть мешком сделайся, и то не подойду.

Перепёлка и перепелята

Мужики косили луга, а в лугу, под кочкой, было перепелиное гнездо.

Перепёлка с кормом прилетела к гнезду и увидала, что кругом всё обкошено. Она и говорит перепелятам:

— Ну, дети, беда пришла! Теперь молчите и не шевелитесь, а то пропадёте; вечером переvedу вас.

А перепелята радовались, что в лугу свет-

лее стало, и говорили:

— Мать — старая, оттого и не хочет, чтобы мы веселились, — и стали пицать и свистать.

Ребята принесли мужикам на покос обедать; услышали перепелят и порвали им головы.

Волк и коза

Волк видит — коза пасётся на каменной горе, и нельзя ему к ней подобраться; он ей и говорит:

— Пошла бы ты вниз: тут и место поровнее, и трава тебе для корма много слаще.

А коза и говорит:

— Не за тем ты, волк, меня вниз зовёшь, — ты не об моём, а о своём корме хлопчешь.

Камыш и маслина

Маслина и камыш заспорили о том, кто крепче и сильнее. Маслина посмеялась над камышом за то, что он от всякого ветра гнётся. Камыш молчал. Пришла буря: камыш

шатался, мотался, до земли стибался — уцелел. Маслина напряжилась сучьями против ветра — и сломилась.

Дуб и орешник

Старый дуб уронил с себя жёлудь под куст Орешника. Орешник сказал дубу:

— Разве мало простора под твоими сучьями? Ты бы ронял свои жёлуди на чистое место. Здесь мне самому тесно для моих отростков, и я сам не бросаю наземь своих орехов, а отдаю их людям.

— Я живу двести лет, — сказал на это дуб, — и дубок из этого жёлудя проживет

столько же.

Тогда орешник рассердился и сказал:

— Так я заглушу твой дубок, и он не проживёт и трёх дней.

Дуб ничего не ответил, а велел расти своему сынку из жёлудя.

Жёлудь намок, лопнул и уцепился крючком ростка в землю, а другой росток пустил кверху.

Орешник глушил его и не давал солнца. Но дубок тянулся кверху и стал сильнее в тени орешника. Прошло сто лет. Орешник давно засох, а дуб из жёлудя поднялся до неба и раскинул шатёр на все стороны.

Лев, волк и лисица

Старый больной лев лежал в пещере. Приходили все звери проводить царя, только лисица не бывала. Вот волк обрадовался случаю и стал пред львом оговаривать лисицу.

— Она, — говорит, — тебя ни во что считает, ни разу не зашла царя проводить.

На эти слова и прибеги лисица. Она услышала, что волк говорит, и думает: «Погоди ж, волк, я тебе вымещу».

Вот лев зарычал на лисицу, а она и гово-

рит:

— Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я оттого не бывала, что недосуг было. А недосуг было оттого, что по всему свету бегала, у лекарей для тебя лекарства спрашивала. Только теперь нашла, вот и прибежала.

Лев и говорит:

— Какое лекарство?

— А вот какое: если живого волка обдерёшь да шкуру его тёпленькую наденешь...

Как растянул лев волка, лисица засмеялась и говорит:

— Так-то, брат; господ не на зло, а на добро наводить надо.

Волк и ягнёнок

Волк увидел — ягнёнок пьёт у реки.
Захотелось волку съесть ягнёнка, и стал он к нему придирааться.

— Ты, — говорит, — мне воду мутишь и пить не даёшь.

Ягнёнок говорит:

— Ах, волк, как я могу тебе воду мутить?

Ведь я ниже по воде стою, да и то кончиками губ пью.

А волк говорит:

— Ну, так зачем ты прошлым летом моего отца ругал?

Ягнёнок говорит:

— Да я, волк, и не родился ещё прошлым летом.

Волк рассердился и говорит:

— Тебя не переговоришь. Так я натощак, за то и съем тебя.

Наседка и цыплята

Наседка вывела цыплят и не знала, как их уберечь. Она и сказала им:

— Полезайте опять в скорлупу; когда вы будете в скорлупе, я сяду на вас, как прежде сидела, и уберегу вас.

Цыплята послушались, полезли в скорлупу, но не могли никак влезть в неё и только помяли себе крылья. Тогда один цыплёнок и сказал матери:

— Если нам всегда оставаться в скорлупе, ты бы лучше и не выводила нас.

Лев, осёл и лисица

Лев, осёл и лисица вышли на добычу. Наловили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осёл разделил поровну на три части и говорит:

— Ну, теперь берите!

Лев рассердился, съел осла и велел лисице поделить. Лисица всё собрала в одну кучу, а себе чуточку оставила. Лев посмотрел и говорит:

— Ну, умница! Кто ж тебя научил так хорошо делить?

Она говорит:

— Ас ослом-то что было?

Мужик и водяной

Мужик уронил топор в реку; с горя сел на берег и стал плакать.

Водяной услышал, пожалел мужика, вынес ему из реки золотой топор и говорит:

— Твой это топор?

Мужик говорит:

— Нет, не мой.

Водяной вынес другой, серебряный топор.

Мужик опять говорит:

— Не мой топор.

Тогда водяной вынес настоящий топор.

Мужик говорит:

— Вот это мой топор.

Водяной подарил мужику все три топора за его правду.

Дома мужик показал товарищам топоры и рассказал, что с ним было.

Вот один мужик задумал то же сделать: пошёл к реке, нарочно бросил свой топор в воду, сел на берег и заплакал.

Водяной вынес золотой топор и спросил:

— Твой это топор?

Мужик обрадовался и закричал:

— Мой, мой!

Водяной не дал ему золотого топора и его собственного назад не отдал — за его неправду.

Ворон и лисица

Ворон добыл мяса кусок и сел на дерево. Захотелось лисице мяса, она подошла и говорит:

— Эх, ворон, как посмотрю на тебя, — по твоему росту да красоте только бы тебе царём быть! И, верно, был бы царём, если бы у тебя голос был.

Ворон разинул рот и заорал что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говорит:

— Ах, ворон, коли бы ещё у тебя и ум был, быть бы тебе царём.

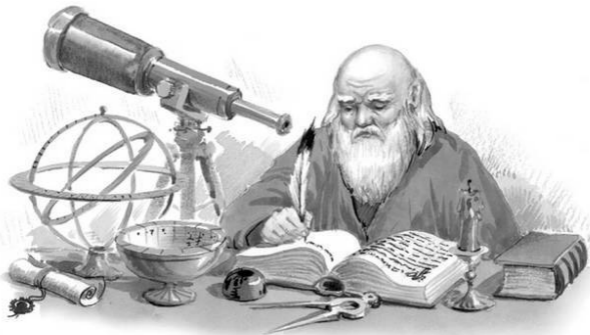

ЧТО, КАК И ПОЧЕМУ?

Астрономы

В календаре сказано вперёд, когда дни и ночи будут равные. Сказано тоже вперёд, когда, какого дня и в каком часу родится месяц. Сказано тоже бывает в календарях, когда, какого дня и в каком часу затмится луна или солнце. (Затмения солнца и луны бывают каждый год не меньше трёх, только не всегда

затмения эти видны от нас. Иногда видно в Петербурге, а на Кавказе не видно.) В календарях тоже вперёд сказано, когда, в каком часу выйдет на небо звезда с хвостом. (И звёзды эти с хвостами каждый год бывают на небе, только мы не всегда их примечаем.) И всегда всё сбывается, как предсказано в календаре.

Было предсказано в 1871 году затмение луны и затмение солнца, и точно так, как предсказано, в тот самый день и час в середине ночи на полную луну нашло черное пятно, закрыло и потом открыло месяц, и середь дня на солнце нашло чёрное пятно, закрыло солн-

це и опять открыло.

Узнают всё это вперёд астрономы. У них построены башни, на башнях длинные зрительные трубы, и в эти трубы звёзды днём видно. И они смотрят звёзды, месяц, солнце, меряют расстояние между звёздами, на бумагу срисовывают звёзды и высчитывают, сколько времени какая звезда идёт от места до места, и узнают, где, в какое время солнцу, месяцу и звезде надо быть.

За тысячи лет до нас астрономы рассматривали звёзды, солнце и месяц и замечали, как и куда они ходят, и записывали, и рисовали на бумаге, и рассчитывали, когда какая звезда должна прийти. И теперь то же делают и кое-что знают и вперёд угадывают.

Но прежде те, кто знали об звёздах, никому не показывали своих расчётов и удивляли народ тем, что вперёд угадывали, что будет, а теперь всякий, у кого есть охота к этому делу, может сам дойти до того, что предсказывают в календарях.

Если кто будет в ночи вставать каждый день до зари и замечать, где всходит солнце, то он заметит, что солнце встаёт не в том же

месте, где встало вчера, а в другом, немного полее, и встаёт не в то же время, как вчера, а каждый день пораньше. Если он будет смотреть всякий день с одного места и примечать по чему-нибудь, по дереву или бугру, против чего встаёт солнце, и так будет примечать год и два, то он вперёд угадает, где в какой день встанет солнце. Если он так же по вечерам будет замечать за месяцем, где встаёт и в какое время месяц, то он вперёд угадает, где будет месяц вставать. Если он по звёздам будет примечать, против какой звезды в каком часу будет месяц, то он тоже предскажет. И для человека, того, который никогда не примечал за этим, будет так же удивительно, как и то, как в календарях угадывают, когда будет какая звезда и когда затмение. Тут один человек примечал год и два, а там примечали тысячи человек тысячи лет.

Тот, кто имеет охоту к этому делу, тот может узнать, как дошли люди до этого. Только это дело трудное и много надо учиться, прочесть книг и самому примечать и уметь считать.

Тепло

Рассуждение

I

Отчего на чугунке кладут рельсы так, чтобы концы не сходились с концами?

Оттого, что зимой железо от холода сжимается, а летом от жару растягивается. Если бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы с концами, они бы летом растянулись, уперлись бы друг в друга и поднялись.

От жару всё раздаётся, от холода всё сжимается.

Если винт не входит в гайку, то погреть

гайку, и винт взойдёт. А если винт слаб, то нагреть винт, и он будет туг.

Отчего стакан лопаётся, если нальёшь в него кипяток?

Оттого, что то место, где кипяток, разогревается, растягивается, а то место, где нет кипятка, остаётся по-прежнему: внизу тянет стакан врозь, а сверху не пускает, и он лопается.

II

Отчего, когда в оттепель идёт снег, он тает на руке, а на шубе остаётся?

Оттого, что тепло лица и руки переходит в снег и распускает его; от этого то место лица, где растаял снег, делается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку с холодной водой в ладонях, вода согреется, а ладони охолодеют?

Оттого, что тепло из рук перейдёт в жечь, а потом в воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она не скоро согревается?

Оттого, что рукавицы не позволяют теплу из руки перейти в воду, а жечь пропускает тепло из рук в воду. Железо и жечь пропускают тепло и холод, а шуба и дерево не пропус-

кают. От этого железо, жель, медь и всякий металл разогреваются на солнце сильнее дерева, шерсти, бумаги и скорее остывают. От этого-то в холода одеваются в меха, шерсть и во всё, что не пропускает тепла.

Для чего закрывают квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропустит тепла и

хлебы (квашни) не остынут, а заслонка пропустит тепло наружу, и хлебы остынут.

Отчего под щепой и соломой снег не тает, а лежит до *Петровок*?

Отчего лёд лучше держится в погребах под соломенной крышей?

Отчего, когда хотят высушить доски, то кладут их под железную, а не под соломенную крышу?

Для чего на покосе и жнитве мужики, чтобы не согрелась вода, обёртывают кувшины полотенцем?

III

Отчего, когда ветрено без мороза, то зябнешь больше, чем в мороз без ветра?

Оттого, что тепло из тела переходит в воздух и если тихо, то воздух вокруг тела нагревается и стоит тёплый. Но когда дует ветер, он относит нагретый воздух и приносит холодный. Опять из тела выходит тепло и нагревает воздух вокруг него, и опять ветер относит тёплый воздух. Когда выйдет много тепла из тела, тогда и зябнешь.

Отчего, когда горяч чай в чашке, на него дуют?

Солнце — тепло

Рассуждение

Выйди зимой в тихий морозный день в поле или в лес и посмотри кругом себя и послушай: везде кругом снег, реки замёрзли, сухие травки торчат из-под снега, деревья стоят голые, ничто не шевелится.

Посмотри летом: реки бегут, шумят; в каждой лужице лягушки кричат, бубулькают; птицы перелётывают, свистят, поют; мухи, комары вьются, жужжат; деревья, травы растут, махаются.

Заморозь чугуна с водой — он окаменеет. Поставь замороженный чугун в огонь: станет лёд трескаться, таять, пошевеливаться; станет вода качаться, бульки пускать; потом, как

станет кипеть, загудит, завертится. То же делается и на свете от тепла. Нет тепла — всё мертво; есть тепло — всё движется и живёт. Мало тепла — мало движенья; больше тепла — больше движенья; много тепла — много движенья; очень много тепла — и очень много движенья.

Откуда берётся тепло на свете? Тепло от солнца.

Ходит солнце низко зимой, стороною, не упирает лучами в землю, и ничто не шевелится. Станет солнышко ходить выше над головами, станет светить в припор к земле, отогревается всё на свете и начнёт шевелиться.

Станет снег осаживаться, станет *отдувать* лёд на реках, польётся вода с гор, поднимутся пары из воды в облака, пойдёт дождь. Кто это всё делает? Солнце. Оттают семечки, выпустят ростки, зацепятся ростки за землю; из старых корней пойдут побеги, начнут расти деревья и травы. Кто это сделал? Солнце.

Встанут медведи, кроты; очнутся мухи, пчёлы; выведутся комары, выведутся рыбы из ичинок на тепле. Кто всё это сделал? Солнце.

Разогреется в одном месте воздух, подыметя, а на его место пойдёт воздух похолоднее, — станет ветерок. Кто это сделал? Солнце.

Поднимутся облака, станут сходитья и расходиться, — ударит молния. Кто сделал этот огонь? Солнце.

Вырастут травы, хлеба, плоды, деревья; насытятся животные, напитаются люди, соберут корму и топлива на зиму; построят себе люди

дома, построят чугузки, города. Кто всё приготвил? Солнце.

Человек построил себе дом. Из чего он его сделал? Из брёвен. Брёвна вырублены из деревьев; деревья вырастило солнце.

Топится печка дровами. Кто вырастил дрова? Солнце.

Ест человек хлеб, картофель. Кто вырастил? Солнце. Ест человек мясо. Кто выкормил животных, птиц? Травы. А травы вырастило солнце.

Человек строит каменный дом из кирпича и извёстки. Кирпич и извёстка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Всё, что людям нужно, что идёт прямо на пользу, всё это заготавливается солнцем, и во всё идёт много солнечного тепла. Потому и нужен всем хлеб, что его растило солнце и что в нём много солнечного тепла. Хлеб греет того, кто его ест.

Потому и нужны дрова и брёвна, что в них много тепла. Кто закупит дров на зиму, тот закупит солнечного тепла; и зимой, когда захочет, то и зажжёт дрова и выпустит тепло солнечное себе в горницу.

А когда есть тепло, то есть и движение. Какое ни на есть движение — всё от тепла, — либо прямо от солнечного тепла, либо от тепла того, которое заготовило солнце в угле, в дровах, и в хлебе, и в траве.

Лошади, быки возят, люди работают, — что их двигает? Тепло. А откуда они взяли тепло? Из корма. А корм заготовило солнце.

Водяные и ветряные мельницы вертятся и мелют. Кто их двигает? Ветер и вода. А ветер кто гонит? Тепло. А воду кто гонит? Тепло же. Оно подняло воду парами вверх, и без этого вода не падала бы книзу. Машина работает, — её движет пар; а пар кто делает? Дрова. А в дровах тепло солнечное.

Из тепла делается движение, а из движения тепло. И тепло и движение от солнца.

Отчего в темноте видно? *Рассуждение*

Войди со двора в тёмный сарай. Ничего не видно. Побудь немного, станешь различать столбы, крышу. А оглядишься, и всё видно. Отчего это бывает?

В глазу есть зрачок. Если присмотришься близко в зрачок, то сам себя увидишь, как в маленьком зеркальце. Зрачок не сплошной, а это колечко, и в колечке пустое место, а за пу-

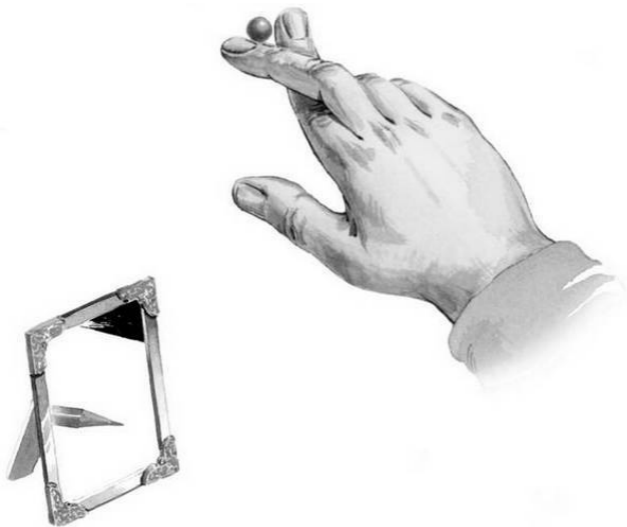
стым местом — зеркальце. Колечко это сжимается и раздаётся. Когда очень светло от солнца или огня, нам хорошо видно, и мы сжимаем колечко и прикрываем зеркальце. Но когда мало света, мы растягиваем колечко, чтобы больше света забрать в зеркальце.

Когда с солнца войдёшь в тёмное место, то колечко сжато, и мы начинаем его растягивать. Когда больше растянем, нам больше станет видно.

А когда выйдешь из тёмного места на свет, отчего глазам больно? Оттого, что в тёмном месте мы растянули глазное колечко да вдруг не можем стянуть его. Пока стянется, мы закрываем глаза веками, а то слишком много попадает света в растянутое колечко и нам больно глазам.

Осязание и зрение

Рассуждение

Заплетите указательный палец с средним и заплетёнными пальцами потрогивай маленький шарик так, чтобы он катался промеж обоих пальцев, а сам закрой глаза. Тебе покажется, что два шарика. Открой глаза —

увидишь, что один шарик. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше сбоку) на хорошее чистое зеркало: тебе покажется, что это окно или дверь и что там сзади что-то есть. Ощупай пальцем — увидишь, что это зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

Чутьё Рассуждение

Человек видит глазами, слышит ушами, нюхает носом, отвеживает языком и щупает

ет пальцами. У одного человека лучше видят глаза, а у другого хуже. Один слышит издали, а другой глух. У одного чутьё сильнее, и он слышит, чем пахнет издалека, а другой нюхает гнилое яйцо, а не чувствует. Один ощупью узнает всякую вещь, а другой ничего на ощупь не узнает, не разберёт дерева от бумаги. Один чуть возьмёт в рот, слышит, что сладко, а другой проглотит и не разберёт, горько или сладко.

Так и у зверей разных разные чувства сильнее. Но у всех зверей чутьё сильнее, чем у человека.

Человек, когда захочет узнать вещь, посмотрит её, послушает, как она шумит, иногда понюхает и отведаёт; но человеку, для того чтобы узнать вещь, нужнее всего её пощупать.

А для зверей почти для всех нужнее всего понюхать вещь. Лошадь, волк, собака, корова, медведь до тех пор не знают вещи, пока её не понюхают.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркает — прочищает себе нос, чтобы лучше чувствовать, и до тех пор не перестанет бояться, по-

ка не обнюхает.

Собака часто бежит за хозяином по следу, а увидит хозяина — испугается, не узнает и начнет лаять до тех пор, пока не обнюхает его и не узнает, что то, что ей на глаз страшно, есть самый её хозяин.

Быки видят, как бьют быков, слышат, как режут быки на бойне, и всё не понимают, что такое делается. Но стоит корове или быку найти на место, где бычачья кровь, да понюхать, и он поймёт, начнёт реветь, бить ногами, и его не отгонишь от того места.

У одного старика заболела жена; он пошёл сам доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велела мужу надеть свою шубейку и платок на голову, — корова дала молока; но старик распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончие собаки, когда гонят зверя по следу, то никогда не бегут по самому следу, а стороной, шагов на двадцать. Когда незнающий охотник хочет навесьть собаку на след зверя и ткнёт собаку носом в самый след, то собака всегда отскочит в сторону. Для неё след так

сильно пахнет, что она ничего не разберёт на самом следе и не знает, вперёд или назад побежал зверь. Она отбежит в сторону и тогда только чует, в какую сторону сильнее пахнет, и бежит за зверем. Она делает то же, что мы делаем, если нам говорят громко над самым ухом: мы отойдём и тогда издали только разберём, что говорят; или когда слишком близко от нас то, что мы рассматриваем, — мы отстранимся и тогда рассмотрим.

Собаки узнают друг друга и дают друг другу знаки по запаху.

Ещё тоньше чутьё у насекомых. Пчела прямо летит на тот цветок, какой ей нужен. Червяк ползёт к своему листу. Клоп, блоха, комар чуют человека на сотни тысяч клопиных шагов.

Если малы частицы те, которые отделяются от вещества и попадают в наш нос, то как же малы должны быть частицы те, которые попадают в чутьё насекомых!

Откуда взялся огонь, когда люди не знали огня?

В одном месте ударила *молонья* в дерево и зажгла — стал огонь.

В другом месте люди сложили стог сена сырого, сено загорелось — стал огонь.

В третьем месте, в лесу на ветру, деревья тёрлись друг об друга — и загорелись. В четвёртом месте железо ударилось о камень — брызнул огонь.

Когда люди узнали огонь, они стали блюсти его, чтоб он не тух. А когда он тух, то они

делали то же, что делали деревья в лесу. Они брали два сухих дерева, тёрли друг об друга, и загорался огонь; потом научились собирать трут и из камня высекали огонь. Научились сушить дерево, чтоб оно горело, научились жечь масло и сало в свечах, чтоб светило. Научились потом доставать серу и делать *сернички*. Потом научились доставать фосфор и делать спички. Научились доставать каменный уголь из земли, чтоб жечь вместо дров, научились делать стёкла и через стекло зажигать солнцем, научились собирать электричество и им зажигать, и греть, и светить. Везде стало много того, что жечь, и у каждого есть, чем зажечь; либо трутом из кремня, либо спичкой, либо стеклом.

Заспорили люди с солнцем и говорят:

— Мы теперь и без солнца обойдёмся: огонь и свет у нас везде есть, и мы знаем, что и как жечь. Нам солнце не нужно.

Солнце сказало:

— А откуда вы достали первый огонь?

— Не от тебя, а из молнии.

— А молния откуда?

— Из грозовой тучи.

— А туча откуда? — сказала солнце. — Туча была водой на земле, я разогрело воду, подняло её паром и собрало в тучи.

Люди сказали:

— Да нам и не нужно молнии, мы огонь из дерева достали, тёрли деревяшки друг об друга — и стал огонь.

— А кто вырастил деревья? — сказала солнце. — Те деревья, что вы жжёте, были семечки и лежали на мёрзлой земле, я распарило, распустило землю и потянуло к себе деревья. Без меня у вас бы не было дерева.

Люди сказали:

— Ну так мы из кремня взяли бы огонь.

— Кремень высушило я же, — сказала солнце, — да вы мне не поверите. Но и из кремня вы бы не взяли огня, если бы не было трута и дерева, а я их вырастило.

— Ну так мы из травы взяли огонь. Сложили сырой стог, он загорелся, мы взяли огонь.

— А кто вырастил траву? Да и кто согрел её в стоге?

— Так мы негашёную извёстку польём водой, и станет огонь.

— А кто сделал воду? Всё я же распустило

её из льда.

— Так мы пустим электрическую искру и сделаем огонь.

— Из чего будет у вас электричество — из стекла? Так стекло в огне делается, а без меня огня бы не было. Если электричество вы делаете из железа с медью, то тоже вам надо полить его водой, а без меня воды бы не было. Да, пожалуй, — сказала солнце, — я вам оставлю огонь, — чем вы без меня будете топить и светить?

— Мы будем дровами.

— Дрова все от меня, — сказала солнце. — Если б я не растило новых лесов, вы давно бы всё пожгли и вам бы нечего жечь было.

— Тогда мы будем жечь уголь.

— Уголь весь от меня. Уголь земляной — это те леса, что я растило. Такие же леса, как теперешние, только их завалило землёю. Ну да, пожалуй, возьмите уголь, — чем вы будете светить? И светить вам без меня тоже нечем. Лучины у вас не будет, если я не буду растить берёзы; масла у вас не будет, если я не буду растить конопли, льну, горчицы, подсолнухов.

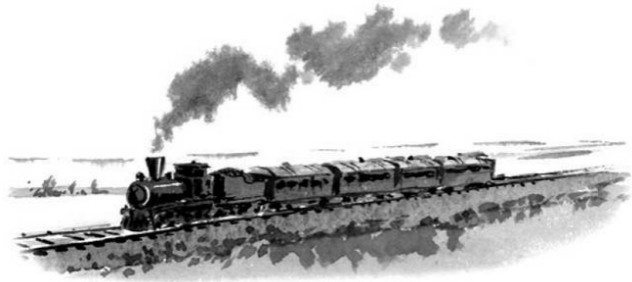
— Мы будем жечь сало.

— А сало откуда? Из скотины. А скотина чем кормится? Травой, хлебом. Всё я ращу.

— Есть масло, нефть под землёй, мы его будем выкапывать, будем делать керосин и им будем жечь и светить.

— Хорошо, — сказало солнце, — вы будете жечь уголь и светить нефтью, откуда вы возьмёте силу? Вы думаете, что у вас есть сила. У вас *паровики* вертят машины, бегают по рельсам, у вас мельницы на воде и на ветру работают, у вас лошади, быки возят, вы сами копаете, рубите, таскаете. Откуда все эти силы? Всё от меня. Помимо меня, нет на свете силы. Что я согрею, то и сила.

У вас работает паровик, двигает клапаны, вертит колёса и бежит по рельсам. Кто вертит его? Тепло. Не будь тёплой воды, не будет силы.

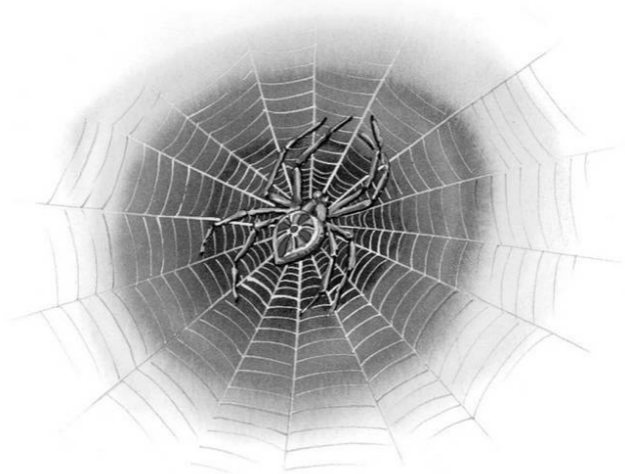
Сырость *Рассуждение*

I

Отчего паук иногда делает частую паутину и сидит в самой середине гнезда, а иногда выходит из гнезда и выводит новую паутину?

Паук делает паутину по погоде, какая есть и какая будет. Глядя на паутину, можно узнать, какая будет погода; если паук сидит, забившись в середине паутины, и не выходит, — это к дождю. Если он выходит из гнезда и делает новые паутины, то это к погоде.

Как может паук знать вперёд, какая будет погода?

Чувства у паука так тонки, что, когда в воздухе начинает только собираться сырость, и мы этой сырости не слышим, и для нас погода ещё ясная, — для паука уже идёт дождь.

Точно так же, как и человек раздетый сейчас почувствует сырость, а одетый не заметит её, так и для паука идёт дождь, когда для нас он только собирается.

Отчего осенью и зимою двери разбухают и не затворяются, а летом ссыхаются и приотворяются?

Оттого, что осенью и зимою дерево насытится водой, как губка, и его разопрёт, а летом вода выйдет паром, и оно съёжится.

Отчего слабое дерево — осина — больше разбухает, а дуб меньше?

Оттого, что в крепком дереве — дубе — пустого места меньше, и воде некуда набраться, а в слабом дереве — осине — пустого места больше, и воде есть куда набраться. В гнилом дереве ещё больше пустого места, и оттого гнилое дерево больше всего разбухает и больше садится.

Колоды для пчёл делают из самого слабого и гнилого дерева: самые лучшие улья бывают из гнилой лозины. Отчего это? Оттого, что через гнилую колоду проходит воздух, и для пчёл в такой колоде воздух легче.

Отчего сырые доски коробятся?

Оттого, что неровно сохнут. Если приставить сырую доску одной стороной к печке, вода выйдет, и дерево сожмётся с этой стороны и потянет за собой другую сторону; а сырой

стороне сжаться нельзя, потому что в ней вода, — и вся доска погнётся.

Для того чтобы не коробились полы, их режут из сухих досок на куски и куски эти вываривают в кипятке. Когда из них вода вся выкипит, их клеят, и они уже не коробятся (паркет).

Отчего в морозы трещат деревья?

Рассуждение

Оттого, что в деревьях есть сырость, и сырость эта замерзает, как вода. Когда вода замёрзнет, она раздаётся; а когда ей нет места раздаться, она разрывает деревья.

Если налить воды в бутылку и поставить на мороз, вода замёрзнет и разорвёт бутылку.

Когда из воды делается лёд, то во льду этом такая сила, что если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдом разорвёт её.

Отчего вода не сжимается, как железо, от

холода, а раздаётся, когда замёрзнет? Оттого, что, когда вода замёрзнет, её частицы связываются между собою по-другому и промеж них больше пустых мест.

Для чего вода не сжимается, когда замёрзнет? Для того, чтобы вода в реках и озёрах не замёрзла до дна.

Лёд раздаётся от мороза, оттого делается легче воды и плавает на воде, и только снизу подмерзает и делается толще и толще, но никогда не замерзает до дна. А если бы вода сжималась от мороза, как сжимается железо, то верхняя вода замёрзла бы на реке и тонула бы, потому что лёд был бы тяжелее воды. Потом опять бы замёрзла верхняя вода и тонула бы, и так замёрзли бы озёра и реки от дна и доверху.

Куда девается вода из моря?

Рассуждение

Из родников, ключей и болот вода течёт в ручьи, из ручьёв в речки, из речек в большие реки, а из больших рек течёт в моря. С других сторон в моря текут другие реки, и все реки текут в моря с тех пор, как мир сотворён. Куда девается вода из моря? Отчего она не течёт через край?

Вода из моря поднимается туманом; туман поднимается выше, и из тумана делаются тучи. Тучи гонит ветром и разносит по земле. Из туч вода падает на землю. С земли стекает в болота и ручьи. Из ручьёв течёт в реки; из рек в море. Из моря опять вода поднимается в тучи, и тучи разносятся по земле...

Отчего бывает ветер? *Рассуждение*

Рыбы живут в воде, а люди в воздухе. Рыбам не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся или пока вода не шевелится. И нам также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся или воздух не шевелится.

Но как только мы побежим, мы слышим воздух — нам дует в лицо; а иногда слышно, когда мы бежим, как воздух в ушах свистит.

Когда же отворим дверь в тёплую горницу, то всегда дует ветер низом со двора в горницу, а верхом дует из горницы на двор.

Когда кто-нибудь ходит по комнате или махает платьем, то мы говорим: «Он ветер делает»; а когда топят печку, всегда в неё дует ветер.

Когда на дворе дует ветер, то он дует целые дни и ночи, иногда в одну сторону, иногда в другую. Это бывает оттого, что где-нибудь на земле воздух очень разогреется, а в другом месте остынет, и тогда и начинается ветер, и низом идёт холодный дух, а верхом — тёп-

лый, так же, как с надворья в избу. И до тех пор дует, пока не согреется там, где было холодно, и не остынет там, где было жарко.

Для чего ветер? *Рассуждение*

Свяжут крест из двух лучин и кругом креста
Собьют ещё четыре лучины. На всё накле-

ят бумаги. К одному концу привяжут мочальный хвост, а к другому привяжут длинную бечёвку, и выйдет змей. Потом возьмут змей, разбегутся на ветер и пустят. Ветер подхватит змей, занесёт его высоко в небо. И змей подрагивает, и гудит, и рвётся, и поворачивается, и развевается мочальным хвостом.

Если бы не было ветра, нельзя бы было пускать змея.

Сделают из тёса четыре крыла, утвердят их крестом в вал и приделают к валу шестерни и колёса с кулачьями, так, чтобы, когда вал вертится, он бы цеплял за шестерни и колёса, а колёса бы вертели жернов. Потом крылья поставят против ветра: крылья начнут вертеться, станут шестерни и колёса цеплять друг за друга, и жернов станет вертеться на другом жернове. И тогда сыплют зерно промежду двух жерновов; зерно растирается, и высыпается в ковш мука.

Если бы ветра не было, нельзя бы было молоть зерно на ветряных мельницах.

Когда плывут на лодке и хотят плыть скорее, то возьмут, на середине лодки, вставят в дыру большой шест, к шесту этому приделана

поперёк переключина. К этой переключине прикрепят холстинный парус, к низу паруса привяжут верёвку и держат её в руках. Потом поставят парус против ветра. И тогда ветер надует парус так крепко, что лодка нагибается набок, верёвка рвётся из рук, и лодка поплывёт по ветру так скоро, что под носом лодки забурчит вода, и берега точно бегут назад мимо лодки.

Если бы не было ветра, нельзя бы было плавать с парусом.

Там, где люди живут, бывает дурной дух; если бы не было ветра, дух этот так и оставался бы. А придёт ветер, разгонит дурной дух и принесёт из лесов и с полей хороший, чистый воздух. Если бы не было ветра, люди бы надышались и испортили воздух. Воздух всё бы стоял на месте, и людям надо бы уходить из того места, где они надышались.

Когда дикие звери ходят по лесам и полям, то они всегда ходят на ветер, и слышат ушами, и чуют носом то, что впереди их. Если бы не было ветра, они бы не знали, куда им идти.

Почти все травы, кусты и деревья такие, что для того, чтобы на траве, кусте или дереве

завязалось семя, нужно, чтобы с одного цветка пыль перелетала на другой цветок. Цветки бывают далеко друг от друга, и им нельзя пересылать свою пыль с одного на другой.

Когда огурцы растут в парниках, где ветра нет, тогда люди сами срывают один цветок и накладывают на другой, чтобы цветочная пыль попала на плодовой цветок и была бы завязь. Пчелы и другие насекомые иногда переносят на лапках пыль с цветка на цветок, но больше всего пыль эту переносит ветер. Если бы не было ветра, половина растений была бы без семени.

В тёплое время над водой поднимается пар. Пар этот поднимается выше и, когда остынет наверху, то падает вниз каплями дождя.

Над землёй поднимается пар только там, где есть вода, — над ручьями, над болотами, над прудами и реками, больше всего над морем. Если бы ветру не было, пары не ходили бы, а собирались бы в тучи над водой и падали бы опять там, где поднялись. Над ручьём, над болотом, над рекой, над морем был бы дождь, а на земле, на полях и лесах дождя бы

не было. Ветер разносит тучи и поливает землю. Если бы ветра не было, то где вода, там бы было больше воды, а земля вся бы пересохла.

Какая бывает роса на траве

Описание

Когда в солнечное утро летом пойдёшь в лес, то на полях, в траве видны алмазы.

Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и жёлтым, и красным, и синим. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листах травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвёшь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнёт мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Вредный воздух

Быль

В селе Никольском, в праздник, народ пошёл к обедне. На барском дворе остались скотница, староста и конюх. Скотница пошла к колодцу за водой. Колодезь был на самом дворе. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась о стенку колодца и оторвала верёвку. Скотница вернулась в избу и говорит старосте:

— Александр! Слазьяй, батюшка, в коло-

дезь, — я бадью упустила.

Александр сказал:

— Ты упустила, ты и доставай.

Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полезет, только чтобы он спускал её.

Староста посмеялся ей и сказал:

— Ну, пойдём. Ты теперь натощак, так я удержу; а после обеда и не удержатъ.

Староста привязал палку к верёвке, и баба верхом села на неё, взялась за верёвку и стала слезать в колодец, а староста за колесо стал спускать её. В колодце было всего шесть аршин глубины, и только на аршин стояла вода. Староста спускал за колесо потихоньку и всё спрашивал:

— Ещё, что ли?

Скотница кричала оттуда:

— Ещё немного!

Вдруг староста почувствовал, что верёвка ослабла; он окликнул скотницу, но она не отвечала. Староста поглядел в колодец и увидел, что баба лежит в воде головой и кверху ногами. Староста стал кричать и звать народ; но никого не было. Пришёл только один конюх. Староста велел ему держать колесо, а

сам вытянул верёвку, сел на палку и полез в колодец.

Только что конюх спустил старосту до воды, с старостой сделалось то же самое. Он бросил верёвку и упал головой вниз на бабу. Конюх стал кричать, потом побежал в церковь за народом. Обедня отошла, и народ шёл из церкви. Все мужики и бабы побежали к колодцу. Все столпились у колодца, и всякий кричал своё, но никто не знал, что делать. Молодой плотник Иван пробился сквозь толпу к колодцу, схватил верёвку, сел на палку и велел себя спускать. Иван только привязал себя к верёвке кушаком. Двое спускали его, а другие все смотрели в колодец, что будет с Иваном. Как только он стал доходить до воды, он бросил верёвку руками и упал бы головой, но кушак держал его.

Все закричали:

— Тащи его назад! — И Ивана вытащили.

Он как мёртвый висел на кушаке, голова его тоже висела и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли с верёвки и положили на землю. Думали, что он мёртвый; но он вдруг тяжелодохнул, стал

перхать и ожил.

Тогда хотели лезть ещё, но один старый мужик сказал, что лазить нельзя, потому что в колодце дурной воздух и что этот дурной воздух убивает людей. Тогда мужики побежали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другие их унимали, а мужики цепляли в колодце баграми и старались вытащить мёртвых. Раза два они дотаскивали старосту

до половины колодца за его платье; но он был тяжёл, платье прорывалось, и он срывался. Наконец, зацепили его за два багра и вытащили. Потом вытащили и скотницу. Оба уже были совсем мёртвые и не ожили.

Потом, когда стали осматривать колодец, то узнали, что точно, — внизу колодца был дурной воздух.

Кристаллы *Рассуждение*

Если сыпать в воду соль и мешать, то соль станет расходиться и так разойдётся в воде, что не видать будет соли; но если сыпать ещё и ещё соли, то под конец соль уж перестанет распускаться, а сколько ты её ни мешай, так и останется белым порошком в воде. Вода насытилась солью и больше уж принять не может. Но если разогреть воду, она примет ещё; и соль, та, которая не распускалась в холодной воде, распустится в горячей. Но если ещё насыпать соли, тогда уж и горячая вода не примет больше соли. А если больше станешь греть воду, то сама вода уйдёт паром, и

соли ещё больше останется. Так на каждую вещь, какую вода распускает, у воды есть мера, дальше чего ей нельзя распустить. Каждой вещи вода распускает больше, когда горяча, чем когда холодна, но всё же — как насытится горячая вода, так дальше уж не принимает. Вещь останется сама по себе, а вода уйдёт паром.

Если насытить воду селитряным порошком, а потом подсыпать ещё селитры лиш-

ней, всё согреть и, не мешавши, дать остынуть, то селитра лишняя не ляжет порошком на дне воды, а соберётся вся шестигранными столбиками и сядет на дне и по бокам, столбик подле столбика. Если насытить воду селитряным порошком и поставить в тёплом месте, то вода уйдёт паром, а селитра лишняя также сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согреть и также дать уйти воде паром, то лишняя соль сложится тоже не порошком, а кубиками. Если насытить воду селитрой с солью вместе, лишняя селитра и соль не смешаются, сложатся каждая по-своему — селитра столбиками, а соль кубиками.

Если насытить воду извёсткой, или другою солью, или ещё чем-нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдет паром, сложится по-своему: какая в трехгранные столбики, какая в восьмигранные, какая кирпичиками, какая звёздочками, — каждая по-своему. Эти-то фигуры разные бывают во всех крепких вещах. Иногда фигуры эти большие, в руку; такие находят камни в земле. Иногда фигуры эти так малы, что простым глазом не разберёшь их;

но в каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и в ней начинают складываться фигуры, отломить иголочкой край фигуры, то опять на то же место придут новые кусочки селитры и опять заделают отломанный край точно так, как ему надо быть, — шестигранными столбиками. То же самое и с солью и со всякой другой вещью. Все маленькие порошинки сами ворочаются и приставляются той стороной, какой надо.

Когда замерзает лёд, то делается то же самое.

Летит снежинка — в ней не видать никакой фигуры; но как только она сядет на что-нибудь тёмное и холодное, на сукно, на мех, в ней можно разобрать фигуру: увидишь звёздочку или шестиугольную дощечку. На окнах пар примерзает не как попало, а как он станет примерзать, так сейчас сложится в звёздочку.

Что такое лёд? Это холодная, крепкая вода. Когда из жидкой воды делается крепкая вода, она складывается в фигуры, и из неё выходит тепло. То же самое делается с селитрой: когда

она из жидкой складывается в крепкие фигуры, из неё выходит тепло. То же с солью, то же с плавленным чугуном, когда он из жидкого делается крепким. Когда какая-нибудь вещь из жидкой делается крепкой, — из неё выходит тепло, и она складывается в фигуры. А когда из крепкой делается жидкая, то вещь забирает в себя тепло, и из неё выходит холод, и фигуры её распускаются.

Принеси плавленого железа и дай ему остывать; принеси теста горячего и дай ему остывать; принеси извести гашёной и дай ей остывать, — будет тепло. Принеси льду и тай его, — станет холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая в воде расходится, и распускай её в воде, — станет холодно. Чтобы заморозить мороженое, сыплют соль в воду.

Удельный вес *История*

Греческий царь Гиерон Сиракузский заказал своему золотых дел мастеру Димитрию золотую корону для идола Юпитера и дал двенадцать фунтов золота. Димитрий сделал корону, и когда царь её свесил, то в короне было ровно двенадцать фунтов.

Только царь прослышал, что Димитрий украл много золота и в корону подмешал серебра. Царю хотелось доискаться, много ли подмешано серебра в короне, и он велел её

перетопить, чтобы видеть середину.

Был один умный и учёный человек, родной царю, Архимед. Он сказал царю:

— Не вели ломать корону, чтобы даром не пропала работа; а я, не ломаючи короны, узнаю, сколько в ней серебра и сколько золота.

Царь согласился с Архимедом, и Архимед сделал так: он взял фунт золота и фунт серебра и свесил их просто на весах, а потом свесил их в воде. Фунт золота в воде потянул на одну гирьку меньше, чем прежде, а фунт серебра на две гирьки меньше.

Потом Архимед всю корону свесил в воде, позвал царя и сказал:

— С фунта чистого золота, если весить в воде, остаётся гирька; а если весить серебро в воде, остаются две гирьки с фунта; стало быть, если корона вся из чистого золота и в ней двенадцать фунтов, то в двенадцати фунтах надо снять с весов двенадцать гирек. Вот смотри.

Он положил на весы одиннадцать фунтов и стал вешать корону в воде. Корона не потянула двенадцати фунтов без двенадцати ги-

рек, а меньше.

Сняли ещё гирек, Архимед и говорит:

— Вот сколько тут снято лишних гирек, на столько Димитрий и обманул тебя.

Так Архимед верно узнал, сколько было серебра подмешано в корону.

Магнит *Описание*

В старину был пастух; звали его Магнис. Пропала у Магниса овца. Он пошёл в горы искать. Пришёл на одно место, где одни голые камни. Он пошёл по этим камням и чувствует, что сапоги на нём прилипают к этим камням. Он потрогал рукой — камни сухие и к рукам не липнут. Пошёл опять, — опять сапоги прилипают. Он сел, разулся, взял сапог в руки и стал трогать им камни.

Тронет кожей и подошвой — не прилипают, а как тронет гвоздями, так прилипнет.

Была у Магниса палка с железным наколочником. Он тронул камень деревом — не прилипает; тронул железом — прилипло так, что отрывать надо.

Магнис рассмотрел камень, видит, что похож на железо, и принёс куски камня домой. С тех пор узнали этот камень и прозвали его магнитом.

Магнит находят в земле с железной рудой. Там, где есть магнит в руде, и железо самое лучшее. Из себя магнит похож на железо.

Если положить кусок железа на магнит, то и железо станет притягивать другое железо. А если положить стальную иголку на магнит да

поддержатъ подольше, то иголка делается магнитом и станет к себе притягивать железо. Если два магнита сводить концы с концами, то одни концы будут отворачиваться друг от друга, а другие будут сцепляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополам, то опять каждая половинка будет с одной стороны цепляться, а с другой отворачиваться. И ещё разруби — то же будет, и ещё руби сколько хочешь, — всё то же будет: одинакие концы будут отворачиваться, разные цепляться, как будто с одного конца магнит выпирает, а с другого втягивает. И как его ни разломи, всё с одного конца он будет выпирать, а с другого втягивать. Всё равно как еловую шишку, где ни разломи, всё будет с одного конца пупом, а с другого чашечкой. С того ли, с другого ли конца, — чашечка с пупом сойдётся, а пуп с пупом и чашечка с чашечкой не сойдутся.

Если намагнитить иголку (поддержатъ подольше с магнитом) и насадить её серединой на шпенёк так, чтобы она ходила вольно на шпеньке, то как хочешь верти магнитную иголку, какпустишь, она станет одним кон-

цом на полдни (юг), другим — на полночь (север).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Как выйдут далеко в море, что земли не видать, то только по солнцу и по звёздам и знали, куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звёзд, то и не знают сами, куда плыть. А корабль несёт ветром и занесёт на камни и разобьёт.

Пока не знали магнита, не плавали по морям вдаль от берега; а когда узнали магнит, то сделали иголку магнитную на шпеньке, чтоб она вольно ходила. По этой иголке и стали узнавать, в какую сторону плывут. С магнитной иголкой стали ездить дальше от берегов и с тех пор много новых морей узнали.

На кораблях всегда бывает магнитная иголка (компас) и есть мерная верёвка с узлами на конце корабля. И верёвка приделана так, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проехал.

Так что, когда плывут на корабле, всегда знают, на каком теперь месте корабль, далеко ли от берега и в какую сторону.

ИСТОРИЯ

Волга и Вазуза

Были две сестры: Волга и Вазуза. Они стали спорить, кто из них умнее и кто лучше проживёт.

Волга сказала:

— Зачем нам спорить, — мы обе на возрасте. Давай выйдем завтра поутру из дому и пойдём каждая своей дорогой; тогда увидим, кто из двух лучше пройдёт и скорее придёт в Хвалынское царство.

Вазуза согласилась, но обманула Волгу. Только что Волга заснула, Вазуза ночью побегала прямой дорогой в Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидела, что сестра её ушла, она ни тихо, ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась, чтоб Волга не наказала её, назвалась меньшей сестрой и попросила Волгу довести её до Хвалынского царства. Волга простила сестру и взяла с собой.

Река Волга начинается в Осташковском уезде из болот в деревне Волго. Там есть небольшой колодезь, из него течёт Волга. А река Вазуза начинается в горах. Вазуза течёт

прямо, а Волга поворачивает.

Вазуза весной раньше ломает лёд и проходит, а Волга позднее. Но когда обе реки сходятся, в Волге уже тридцать саженой ширины, а Вазуза ещё узкая и маленькая речка. Волга проходит через всю Россию на три тысячи сто шестьдесят вёрст и впадает в Хвалынское (Каспийское) море. И ширины в ней в полую воду бывает до двенадцати вёрст.

Шат и Дон

У старика Ивана было два сына: Шат Иванович и Дон Иванович. Шат Иванович был старший брат; он был сильнее и больше, а Дон Иванович был меньший и был меньше и слабее. Отец показал каждому дорогу и велел им слушаться. Шат Иванович не послушался отца и не пошёл по показанной дороге, сбился с пути и пропал. А Дон Иванович слушал отца и

шёл туда, куда отец приказывал. Зато он прошёл всю Россию и стал славен.

В Тульской губернии, в Епифанском уезде, есть деревня Иван-озеро, и в самой деревне есть озеро. Из озера вытекают в разные стороны два ручья. Один ручей так узок, что через него перешагнуть можно. Этот ручей называют Дон. Другой ручеек широкий, и его называют Шат.

Дон идёт всё прямо, и чем дальше он идёт, тем шире становится.

Шат вертится с одной стороны на другую. Дон прошёл через всю Россию и впал в Азовское море. В нём много рыбы, и по нём ходят барки и пароходы.

Шат зашатался, не вышел из Тульской губернии и впал в реку Упу.

Судома

В Псковской губернии, в Порховском уезде, есть речка Судома, и на берегах этой речки есть две горы, друг против дружки.

На одной горе был прежде городок Вышгород, на другой горе в прежние времена судились славяне. Старики рассказывают, что на этой горе в старину с неба висела цепь и что тот, кто был прав, до цепи доставал рукой, а кто был виноват, тот не мог достать.

Один человек занял у другого деньги и отпёрся. Привели их обоих на гору Судому и велели доставать до цепи. Тот, кто давал деньги, поднял руку и сразу достал. Пришёл черёд виноватому доставать. Он не отпирался, а только отдал свой костыль поддержать тому, с кем судился, чтобы ловчее было руками достать до цепи; протянул руки и достал.

Тогда народ удивился: как, оба правы?

А у виноватого костыль был пустой, и в костыле были запрятаны те самые деньги, в каких он отпирался. Когда он отдал в руки костыль с деньгами поддержать тому, кому он должен был, он с костылём отдал и деньги, и потому достал цепь.

Так он обманул всех. Но с тех пор цепь поднялась на небо и больше не спускалась. Так рассказывают старики.

Смерть Олега

Был русский князь Олег. Он призвал к себе *волхвов* и спросил у них: какая его жизнь будет и какая смерть?

Волхвы сказали:

— Жизнь твоя будет счастливая, а смерть тебе будет от любимого твоего коня.

Олег и подумал: «Если мне смерть от любимой лошади, так я её отошлю и никогда на ней ездить не стану». И Олег велел отвести лошадь в дальнюю деревню.

Один раз приехал Олег в ту деревню. Вре-

мя уже прошло много. Олег и спросил:

— А где лошадь моя, что я сюда прислал? Жива ли?

Ему и говорят:

— Лошадь твоя давно уже издохла.

И жалко стало Олегу лошади. Он и говорит:

— Напрасно погубил я коня. Покажите мне его.

А ему говорят:

— Он давно издох, его волки съели, одни кости остались.

Олег велел провести себя к тому месту, куда они бросили лошадь. А там только кости валялись да лошадиная голова.

Олег и подумал: «Как же мне смерть придёт от этого теперь?» И он толкнул ногой лошадиную голову. А в голове была змея. Она выползла, зашипела и ужалила Олега в ногу. От этого Олег и умер.

Как боролся русский богатырь

При князе Владимире напали на Россию *печенеги*. Подошли они с большим войском под Киев. Князь Владимир вышел с своим войском навстречу. Сошлись они на реке Трубеже и остановились.

Князь печенежский подъехал к реке, по-

звал князя Владимира и сказал:

— Зачем нам много народа убивать. А сделаем вот как: ты выпусти своего силача, а я своего выпущу, и пускай они поборются. Если твой будет сильнее моего, так я уйду, а если мой одолеет, то покорись ты со всей своей землёю.

Князь Владимир вернулся к своему войску и сказал:

— А есть ли в нашем войске такой силач, чтобы взялся бороться с печенегом?

Один старик сказал:

— Я пришёл сюда с сыновьями сам-четвёрт, а пятый, меньшей сын, Иван, остался дома. Вели послать за ним. Ему Бог дал силу большую.

Владимир сказал:

— Какая его сила?

Старик сказал:

— Его сила вот какая: однава мял воловьёу шкуру, мне не показалось, как он это делает, я и побрани его. Он рассердись да и разорви шкуру пополам.

Князь Владимир послал за Иваном. Когда его привели, князь Владимир сказал ему:

— Можешь ты бороться с печенегом?

Иван сказал:

— Я не знаю своей силы. Надо испытать.

Князь Владимир велел привести большого быка и сказал:

— Ну, покажи над ним свою силу.

Иван велел раздражить быка, и когда бык набежал на него, он схватил его рукой за бок, вырвал кусок кожи с мясом, а потом кулаком ударил его между рог и убил.

Владимир послал сказать печенежскому князю, чтобы он высылал своего силача.

На другой день сошлись оба войска. В середине сделали чистое место. От русских вышел Иван. Он был невелик ростом и лицом бел. От печенегов вышел чёрный великан.

Когда печенег увидал Ивана, он сказал:

— Зачем малого привели, я раздавлю его.

Когда силачи вышли на середину, на чистое место, они схватились за кушаки, укрепились ногами и начали сжимать и ворочать друг друга. Печенежский силач хотел поднять Ивана и перекинуть через себя его, но Иван так крепко сжал печенега, что он не мог дышать и захрипел. Тогда Иван приподнял его,

шмякнул об землю и расшиб до смерти.

Пётр I и мужик

Наехал царь Пётр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит.

Царь и говорит:

— Божья помощь, мужик!

Мужик и говорит:

— И то мне нужна Божья помощь.

Царь спрашивает:

— А велика ли у тебя семья?

— У меня семьи два сына да две дочери.

— Ну, не велико твоё семейство. Куда ж ты деньги кладёшь?

— А я деньги на три части кладу: во-первых — долг плачу, в-других — в долг даю, в-третьих — в воду мечу.

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг даёт, и в воду мечет.

А старик говорит:

— Долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей кормлю; а в воду мечу — дочерей рощу.

Царь и говорит:

— Умная твоя голова, старичок. Теперь выведи меня из лесу в поле, я дороги не найду.

Мужик говорит:

— Найдёшь и сам дорогу: иди прямо, потом сверни вправо, а потом влево, потом опять вправо.

Царь и говорит:

— Я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня.

— Мне, сударь, водить некогда; нам в крестьянстве день дорого стоит.

— Ну, дорого стоит, так я заплачу.

— А заплатишь, — пойдём.

Сели они на *одноколку*, поехали.

Стал дорогой царь мужика спрашивать:

— Далече ли ты, мужичок, бывал?

— Кое-где бывал.

— А видал ли царя?

— Царя не видал, а надо бы посмотреть.

— Так вот, как выедем в поле, — и увидишь царя.

— А как я его узнаю?

— Все без шапок будут, один царь в шапке.

Вот приехали они в поле. Увидал народ царя — все поснимали шапки. Мужик пялит глаза, а не видит царя.

Вот он и спрашивает:

— А где же царь?

Говорит ему Пётр Алексеевич:

— Видишь, только мы двое в шапках — кто-нибудь из нас да царь.

Святогор-богатырь

*Выезжал ли Святогор гулять в
чисто поле,*

Никого-то Святогор он не наха-
живал,
С кем бы силой богатырскою по-
мериться;
А сам чует в себе силу он великую,
Чует — живчиком по жилкам
разливается.
Грузно с силы Святогору, как от
бремени.
И промолвил Святогор-свет по-
хваляючись:
«По моей ли да по силе богатыр-
ской
Каб державу мне найти,
всю землю поднял бы».
С тех слов увидел Святогор прохо-
жего —
Сдалека в степи идёт прохожий
с сумочкой, —
И поехал Святогор к тому прохо-
жему,
Едет рысью, всё прохожий идёт
передом, —
Во всю прыть не может он до-
гнать
прохожего.
Закричал тут Святогор да гром-
ким

голосом:

«Гой, прохожий человек, пожди
немножечко.

Не могу догнать тебя я на доб-
ром коне».

Сдалека прохожий Святогора слу-
шался,

Становился, с плеч на землю бро-
сал

сумочку.

Наезжает Святогор на эту су-
мочку.

Своей плёточкой он сумочку по-
щуповал, —

Как у рослая, та сумочка не тро-
нется.

Святогор с коня перстом её по-
трогивал, —

Не сворохнется та сумка, не ше-
вельнется.

Святогор с коня хватал рукой, по-
тягивал, —

Как урослая, та сумка не подни-
метя.

Слез с коня тут Святогор, взялся
за сумочку,

Он приладился, взялся руками
обеими,

Во всю силу богатырску принату-
жился, —

От натуги по белу лицу ала кровь
пошла,

А поднял суму от земли только
на волос.

По колена ж сам он в мать сыру
землю угрыз.

Взговорит ли Святогор тут
громким

голосом:

«Ты скажи же мне, прохожий,
правду

истинну,

А и что, скажи ты, в сумочке на-
кладено?»

Взговорит ему прохожий да на те
слова:

«Тяга в сумочке от матери сырой
земли».

Взговорит тут Святогор да ко
прохожему:

«А ты сам кто есть, как звать
тебя

по имени?»

Взговорит ему прохожий ли на те
слова:

«Я Микула есмь; мужик я Селяни-

нович,
Я Микула, — меня любит мать
сыра земля».

Микулушка Селянинович

Выезжал ли Вольга-свет с дружи-
ною
По сёлам, городам за получкою,
С мужиков выбирать дани-выхо-
ды;
Выезжал ли сударь во чисто по-

ле, —

Услыхал во чистом поле пахаря:

Слышно — пашет мужик да по-
свистывает,

Сдалека, слышно, сошка поскри-
пывает,

Сошники по камням, слышно,
черкают, —

А не видно нигде в поле пахаря.

И поехал Вольга к тому пахарю —

Целый день ехал с утра до вечера,

А наехать не мог Вольга пахаря.

День, другой ехал с утра до вечера,

А наехать не мог Вольга пахаря.

Слышно, пашет мужик да по сви-
стывает,

Сдалека, слышно, сошка поскри-
пывает,

Сошнички по камням, слышно,
черкают, —

А не видно нигде в поле пахаря.

Третий день Вольга ехал до пабе-
дья —

Наезжает Вольга в поле пахаря:

В поле пашет мужик да понукива-
ет,

С края в край он бороздку отвали-
вает,

Камни, корни сохой выворачивает:

Как заедет мужик-от в один конец —

Со другого конца и не виднушко.

А у пахаря сошка кленовенька,
Сошники во той сошке булатные,
Захлѣстнуты гужочки шелковеньки,

А кобылка во сошке соловенька.
Взговорит ли Вольга тому пахарю:

«Гой, мужик-пахарёк!

Божья помощь те, —

Божья помощь пахать

да крестьянствовать,

Широку борозду отворачивать

Да коренья, каменя вывёртывать!»

Говорит ли мужик таковы слова:

«А спасибо, Вольга, — благодарствуем, —

Божья помощь, поди-тка, нам надобна.

Божья помощь — пахать

да крестьянствовать.

Сам далёко ль едешь со дружи-нушкой?

Далёко ль Бог несёт, — куда путь держишь?»

Взговорит ли Вольга таковы слова:

«А я еду, мужик, со дружинишкой
По сёлам-городам за получкою —
Выбирать с мужиков дани-выходы.

Ай, пойдём со мной во товарищах!»

Взял мужик, воткнул сошку
в бороздочку,

Он гужочки шелковы взял выстегнул,

Взял из сошки кобылку да вывернул,

На кобылку ввалился, сел охлепью —

Со Вольгою поехал в товарищах.

Говорит ли мужик таковы слова:
«А не ладно, Вольга, я в бороздочке

Свою сошку оставил не убранну,
Как бы сошку с земельки повыдернуть,

С сошничков как бы землю
повытряхнуть,

А и бросить сошку за ракитов
куст...»

Посылал тут Вольга десять мо-
лодцов:

Велит сошку с земельки повидер-
нуть,

С сошничков велит землю пови-
тряхнуть,

А и бросить за ракитов куст.

Подъезжали ко сошке те молод-
цы,

Соскочили в борозду с добрых ко-
ней,

Разом брались за сошку клено-
веньку.

От земли этой сошки поднять
нельзя.

Они сошку за обжи вокруг вер-
тят,

А не могут с земли сошку выдер-
нуть,

Не могут с сошников землю вы-
тряхнуть,

А и бросить сошку за ракитов
куст.

А и шлёт ли Вольга всю дружи-
нушку:

Велит сошку с земельки повидер-

нуть,
С сошничков велит землю пови-
тряхнуть,
А и бросить сошку за ракитов
куст.
Вот за сошку бралась вся дружи-
нушка,
Разом бралась за сошку клено-
вую: —
Только сошку за обжи вокруг вер-
тят,
А не могут с земли сошку выдер-
нуть,
Не могут с сошничков землю вы-
тряхнуть,
А и бросить за ракитов куст
Подъезжал тут мужик деревен-
щина:
Он слезал со кобылки соловень-
кой,
Подходил к своей сошке клено-
венькой,
Брался ручкой одной да попёхивал,
Из земельки он сошку выдёргивал,
С сошничков он земельку вы-
трёхивал,

Он палицей комлыжки соскрёбы-

вал,
А и бросил сошку за ракитов
куст.
На добрых коней сели, — поехали.
Выезжают они на дороженьку —
Мужикова кобылка ходой идёт,
А Вольгин-от конь уж поскакива-
ет;
Мужикова кобылка рысцою по-
шла,

*А Вольгин-от уж конь оставать-
ся стал.*

*Передом мужик едет, не трях-
нётся, —*

*Во всю прыть Вольга едет суго-
ною.*

*Мужику тут Вольга стал покри-
кивать,*

Мужику колпаком стал помахивать:

*«Ты, мужик-пахарёк, ты постой,
пожди,*

За тобою, мужик, не угонишься».

*На Вольгу тут мужик приогля-
нулся,*

Стал кобылку свою окорачивать, —

И поехали шагом дорожкой.

Взговорит ли Вольга таковы слова:

*«У тебя ли, мужик, лошадь доб-
рая —*

Кабы лошадь твоя да коньком была, —

За лошадку цена бы пятьсот рублей».

*Говорит ли мужик таковы слова:
«А и глуп ты, Вольга, глупо сказыв-*

ваешь.

Я кобылочку взял из-под матери.
За сосунчика дал я пятьсот руб-
лей;

А коньком бы была — ей и сметы
нет».

Взговорит ли Вольга таковы сло-
ва:

«А и как ты, мужик, звать по име-
ни —

Величать тебя как по изотчеству
?»

Говорит ли мужик таковы слова:

«А я ржи напашу, во скирды сло-
жу,

Домой выволоку, дома вымолочу.

Да и пива сварю, мужиков сзову,

И почнут мужики тут поклики-
вать:

Гой, Микула-свет, ты Микулушка,

Свет Микулушка да Селянино-
вич!»

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха-мать: «Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с Богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «Ив самом деле: плоха уж старуха стала; может, и не придётся увидеть. Поехать; а если невеста хороша — и жениться можно».

Пошёл он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днём, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдёт от крепости, татары или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега с его вещами шла в обозе.

Ехать было двадцать пять вёрст. Обоз шёл тихо; то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит или лошадь станет, и все стоят — дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз

только половину дороги прошёл. Пыль, жара, солнце так и печёт, а укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперёд, остановился и ждёт, пока подойдёт обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли, — опять стоять. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар — ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьём, и говорит:

— Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. — А Костылин — мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льёт.

Подумал Жилин и говорит:

— А ружьё заряжено?

— Заряжено.

— Ну, так поедem. Только уговор — не разъезжаться.

И поехали они вперёд по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога

промеж двух гор в ущелье, Жилин и говорит:

— Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из-за горы, и не увидишь.

А Костылин говорит:

— Что смотреть? Поедем вперёд.

Жилин не послушал его.

— Нет, — говорит, — ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотницкая (он за неё сто рублей заплатил в табуне жеребёнком и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал, глядь — а перед самым им, *на десятину места*, стоят татары верхами — человек тридцать.

Он увидал, стал назад поворачивать; и татары его увидали, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

— Вынимай ружьё! — а сам думает на лошадь свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой, спотыкнёшься — пропал. Доберусь до ружья, я им не дамся».

А Костылин, заместо того чтобы подождать, только увидал татар, — закатился, что есть духу, к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит — дело плохо. Ружьё уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад к солдатам — думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро.

Под ним лошадь добрая, а под теми ещё добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит.

Видит — близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружьё наготове.

«Ну, — думает Жилин, — знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой».

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин, выстрелили по нём сзади из ружей и попали в

лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, — навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нём два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, — да ещё соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах и зашатался. Схватили его татары, сняли с сёдел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, всё обшарили, деньги, часы вынули, платье всё изорвали.

Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьётся ногами, — до земли не достаёт; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь чёрная — на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошёл к лошади, стал седло снимать. Она всё бьётся, — он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепенулась — и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие подсадили Жилина к нему на седло; а чтобы не

упал, притянули его ремнём за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татаринoм, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синеется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали лощиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, — да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали ещё речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки.

Приехали в аул. Послезали с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с ло-

шади и кликнул работника. Пришёл *ногаец* суластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин.

Принёс работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощущал в темноте, где помягче, и лёг.

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит — в щёлке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щёлку по-больше, стал смотреть.

Видна ему из щёлки дорога — под гору идёт, направо *сакля* татарская, два дерева подле неё. Собака чёрная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подёргивают. Видит — из-под горы идёт татарка молоденькая, в рубаше цветной, *распояской*, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идёт, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведёт бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете шёлковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, чёрная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошёл куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к

водопою. У лошадей храп мокрый. Выбежали ещё мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щёлку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает: «Хоть бы пришли проведать». Слышит — отпирают сарай. Пришёл красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза чёрные, светлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена; лицо весёлое, всё смеётся. Одет черноватый ещё лучше: бешмет шёлковый синий, галунчиком

обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие, толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошёл, проговорил что-то, точно ругается, и стал, облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый — быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит — подошёл прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищёлкивает, всё приговаривает:

— Корошо урус! Корошо урус!

Ничего не понял Жилин и говорит:

— Пить, воды пить дайте!

Чёрный смеётся.

— Корош урус, — всё по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Чёрный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то:

— Дина!

Прибежала девочка — тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на чёрного похожа. Видно, что дочь. Тоже — глаза чёрные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие, с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса чёрная и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьёт, — как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал её ещё куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой, и опять села, изогнулась, глаз не спускает — смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного приходит к Жилину ногаец и говорит:

— Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошёл Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногайцем. Видит — деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в сёдлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шёл Жилин. Сам смеётся, всё говорит что-то по-своему и ушёл в дверь. Пришёл Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пёстрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки — всё в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: чёрный, красный и трое гостей. За спинами у всех пуховые

подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское — буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил чёрный, велел посадить Жилина в сторонке, не на ковёр, а на голый пол, залез опять на ковёр, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядом, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам; смотрит, как они едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули на все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

— Тебя, — говорит, — взял Кази-Мугамед, — сам показывает на красного татарина, — и отдал тебя Абдул-Мурату, — показы-

вает на черноватого. — Абдул-Мурат теперь твой хозяин.

Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат, и всё показывает на Жилина, и смеётся, и приговаривает:

— Солдат урус, корошо урус.

Переводчик говорит:

— Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит.

Жилин подумал и говорит:

— А много ли он хочет выкупа?

Поговорили татары, переводчик и говорит:

— Три тысячи монет.

— Нет, — говорит Жилин, — я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину, — всё думает, что он поймёт. Перевёл переводчик, говорит:

— Сколько же ты дашь?

Жилин подумал и говорит:

— Пятьсот рублей.

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут. А красный

только жмурится да языком пощёлкивает.

Замолчали они; переводчик и говорит:

— Хозяину выкупу мало пятьсот рублей. Он сам за тебя двести рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долги взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх, — думает Жилин, — с ними что робеть, то хуже».

Вскочил на ноги и говорит:

— А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил чёрный, подошёл к Жилину.

— Урус, — говорит, — джигит, джигит урус!

Джигит, по-ихнему, значит «молодец». И сам смеётся; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

— Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своём:

— Больше пятисот рублей не дам. А убьёте — ничего не возьмёте.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришёл работник, и идёт за ним человек какой-то, толстый, босиком и ободранный, на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин — узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружьё осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит.

Перевёл переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкуп даст, того прежде отпустят.

— Вот, — говорит Жилину, — ты всё серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо, и обижать не будут.

Жилин и говорит:

— Товарищ как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я, — говорит, — как сказал, так и будет. Хотите, убивайте — пользы вам не будет, а больше пятисот рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «Пиши». Согласился на пятьсот рублей.

— Погоди ещё, — говорит Жилин переводчику, — скажи ты ему, чтоб он нас кормил хорошо, одел, обул как следует, чтоб держал вместе, нам веселее будет, и чтобы колодку снял.

Сам смотрит на хозяина и смеётся. Смеётся и хозяин. Выслушал и говорит:

— Одёжу самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду как князей. А коли хотят жить вместе, пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять — уйдут. На ночь только снимать буду. — Подскочил, треплет по плечу: — Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал — чтобы не дошло. Сам думает: «Я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрёпанные, солдатские. Видно — с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин всё смеётся.

— Твоя, Иван, хорош, — моя, Абдул, хорош.

А кормил плохо, — только и давал, что хлеб пресный из просяной муки, лепёшками печённый, а то и вовсе тесто непечёное.

Костылин ещё раз писал домой, всё ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придёт, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдёт, а другого не писал.

«Где, — думает, — матери столько денег взять за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей пятьсот рублей собрать, надо разориться вконец. Бог даст — и сам выберусь».

А сам всё высматривает, выпытывает, как ему бежать.

Ходит по аулу, насвистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает — или из глины кукол лепит, или плетёт плетёнки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидала куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подаёт им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушёл в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребёнка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась на неё, выхватила куклу, разбила её, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, ещё лучше, отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеётся, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» — думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает — вода, а там молоко. Выпил он молоко.

— Хорошо, — говорит.

Как взрадуется Дина!

— Хорошо, Иван, хорошо! — и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепёшки сырные и сушат их на крышах, — так она эти лепёшки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый, как из ведра, лил. И помутились все речки. Где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков, одел он кукол: одна — мужик, другая — баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щёл-

кают:

— Ай, урус! Ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щёлкает. Жилин говорит:

— Давай починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принёс ему бешмет свой старый, весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать, взял, — и то годится покрыть-

ся ночьюю.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружьё или пистолет починить принесёт, кто часы. Привёз ему хозяин снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину:
— Поди полечи.

Жилин ничего не знает, как лечить. Пошёл, посмотрел, думает: «Авось поздоровеет сам». Ушёл в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарях нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел, на его счастье, татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, когда нужно, кличут: «Иван, Иван», — а которые всё, как на зверя, косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернётся либо обругает. Был ещё у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил Богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, борода

и усы подстрижены, белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич; нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые, и зубов нет — только два клыка. Идёт, бывало, в чалме своей, костылём подпирается, как волк озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернётся.

Пошёл раз Жилин под гору — посмотреть, где живёт старик. Сошёл по дорожке, видит — садик, ограда каменная; из-за ограды — черешни, *шепталы* и избушка с плоской крышкой. Подошёл он ближе; видит — ульи стоят, плетённые из соломы, и пчёлы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше посмотреть и загремел колодкой. Старик оглянулся — как визгнет, выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришёл старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеётся и спрашивает:

— Зачем ты к старику ходил?

— Я, — говорит, — ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живёт.

Передал хозяин. А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина. Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушёл старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

— Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца; нашёл там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошёл в *Мекку* — Богу молиться; от этого у него чалма. Кто в *Мекке* был, тот называется Хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить — я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. — Смеётся, сам приговаривает по-русски: — Твоя, Иван, хорош, — моя, Абдул, хо-

Прожил так Жилин месяц. Днём ходит по Паулу или рукодельничает, а как ночь придёт, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тёр, и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. «Только бы, — думает, — мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошёл после обеда за аул, на гору — хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

— Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

— Я, — говорит, — далеко не уйду, — только на ту гору поднимусь, мне траву нужно найти — ваш народ лечить. Пойдём со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сде-

лаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору — недалеко, а с колодкой трудно; шёл, шёл, насилу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни, за горой, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора, ещё круче, а за той горой ещё гора. Промеж гор лес синеется, а там ещё горы — всё выше и выше поднимаются. А выше всех — белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат — всё такие же горы, кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну, — думает, — это всё ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке — как куклы маленькие, видно — бабы сидят, полоскают. За аулом пониже, гора и через неё ещё две горы, по ним лес; а промеж двух гор синеется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит — так точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бе-

жать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых — алые; в чёрных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться, — маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое — крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно — *мулла* прокричал. Стадо гонят — коровы ревут. Малый всё зовёт: «Пойдём», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, — думает Жилин, — теперь место знаю, надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были тёмные — ущерб месяца. На беду, к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они — гонят с собою скотину и приезжают весёлые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мёртвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришёл

мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мёртвым.

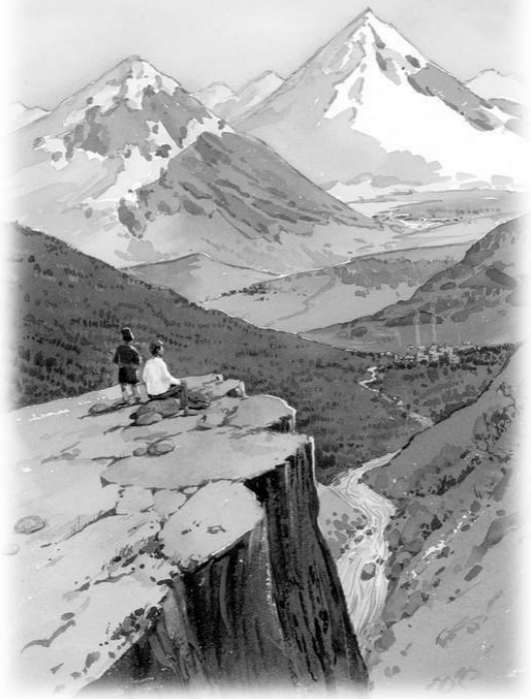
Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядком, а сзади их ещё татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

— Алла! (значит — Бог) — Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся.

Опять поднял голову мулла:

— Алла! — и все проговорили: «Алла» — и опять замолчали. Мёртвый лежит на траве — не шелохнётся, и они сидят, как мёртвые. Не шевельнётся ни один. Только слышно, на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочёл мулла молитву, все встали, подняли мёртвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мёртвого под мышки да *под лытки*, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногоец камышу зелёного, заклали камышом яму, живо засыпали землёй,

сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядком перед могилой. Долго молчали.

— Алла! Алла! Алла! — Вздохнули и встали.

Роздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошёл домой.

Наутро видит Жилин — ведёт красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, — ручищи здоровые, — вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошёл рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать, кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили — покойника поминали. Все татары дома были. На четвёртый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек десять, и красный поехал;

только Абдул дома остался. Месяц только народился — ночи ещё тёмные были.

«Ну, — думает Жилин, — нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

— Да как же бежать? Мы дороги не знаем.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдём за ночь.

— А не дойдём — в лесу переднюем. Я вот лепёшек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо — пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые — за то что ихнего русские убили. Поговаривают — нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

— Ну, пойдём!

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть, и сидят они — ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину:

— Полезай.

Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была — пёстрая собака. И злая-презлая; звали её Уляшин. Жилин уже наперёд прикормил её. Услыхал Уляшин, забрежал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепёшки кусок — Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услышал, загайкал из сакли:

— Гайть! Гайть, Уляшин!

А Жилин за ушами почёсывает Уляшина. Молчит собака, трётся ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло всё, только слышно — овца перхает в закуте да низом вода по камушкам шумит. Темно, звёзды высоко стоят в небе; над горой молодой месяц

закраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу:

— Ну, брат, айда!

Тронулись, только отошли, слышат — запел мулла на крыше: «Алла! Басмилла! Иль-рахман!» Значит — пойдёт народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдёт. Опять затихло.

— Ну, с Богом! — Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли лощиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звёзды видненьки. Жилин по звёздам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки — стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошёл босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да на звёзды поглядывает. Стал Костылин отставать.

— Тише, — говорит, — иди; сапоги проклятые — все ноги стёрли.

— Да тыними, легче будет.

Пошёл Костылин босиком — ещё того хуже: изрезал все ноги по камням и всё отстаёт.

Жилин ему говорит:

— Ноги обдерёшь — заживут, а догонят — убьют, — хуже.

Костылин ничего не говорит, идёт, побряхтывает. Шли они низом долго. Слышат — вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

— Эх, — говорит, — ошиблись мы — вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо, да влево, в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, — у меня ноги в крови все.

— Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад, влево, в гору, в лес.

Костылин всё отстаёт и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам всё идёт.

Поднялись на гору. Так и есть — лес. Вошли в лес, по колючкам изодрали всё платье последнее. Напались на дорожку в лесу. Идут.

— Стой!

Затопало копытами по дороге. Останови-

лись, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они — опять затопало. Они останоятся — и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге — стоит что-то: лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло — слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку, — как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеётся, говорит:

— Это олень. Слышишь, как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уже *высожары* спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли — не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих — вёрст десять ещё будет; а приметы верной нет, да и ночь — не разберёшь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

— Как хочешь, а я не дойду, — у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

— Нет, — говорит, — не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

— Так я же один уйду, прощай!

Костылин вскочил, пошёл. Прошли они версты четыре. Туман в лесу ещё гуще сел, ничего не видать перед собой, и звёзды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топают лошадь. Слышно — подковами за камни цепляется. Лёг Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

— Так и есть, сюда, к нам, конный едет!

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит — верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

— Ну, пронёс Бог, — вставай, пойдём.

Стал Костылин вставать и упал.

— Не могу, ей-богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, — он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

— Ой, больно!

Жилин так и обмер.

— Что кричишь? Ведь татарин близко — услышит. — А сам думает: «Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

— Ну, — говорит, — вставай, садись на закорки, — снесу, коли уж идти не можешь.

Посадил на себя Костылина, подхватил ру-

ками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

— Только, — говорит, — не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, ноги тоже в крови и умирался. Нагнётся, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нём Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин — едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружьё, выпалил, — не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

— Ну, — говорит Жилин, — пропали, брат! Он, собака, сейчас соберёт татар за нами в погоню. Коли не уйдём версты три, — пропали. — А сам думает на Костылина: «И чёрт меня дёрнул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушёл».

Костылин говорит:

— Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.

— Нет, не пойду: не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попёр. Прошёл он так с версту. Всё лес идёт, и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, и не видать уж звёзд. Измучился Жилин.

Пришёл, у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

— Дай, — говорит, — отдохну, напьюсь. Лепёшек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилёт он пить, слышит — затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат — голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравливают. Слышат — трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезут и татары — тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, — встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеётся и ни слова не говорит

с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плётками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришёл. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит:

— Надо убить.

Абдул спорит, говорит:

— Я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму.

А старик говорит:

— Ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить — и кончено.

Разошлись. Подошёл хозяин к Жилину, стал ему говорить:

— Если, — говорит, — мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать, я тебя, как собаку, убью. Пиши письмо, хорошенько пиши.

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть.

Там яма была аршин пяти, и спустили их в эту яму.

6

Житьё им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непечёное, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всём теле стала; и всё стонет или спит. И Жилин приуныл: видит — дело плохо. И не знает, как выдраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает о вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепёшка упала, другая, — и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «Не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «Как придёт Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин — затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит — зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазёнки так и блестят, как звёздочки. Вынула из рукава две сырные лепёшки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

— Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На, вот! — Стал ей швырять по одной, а она головой мотает и не смотрит.

— Не надо! — говорит. Помолчала, посидела и говорит: — Иван! тебя убить хотят. — Сама себе рукой на шею показывает.

— Кто убить хочет?

— Отец, ему старики велят, а мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

— А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, что «нельзя». Он сложил руки, молится ей.

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя, — говорит, — увидят, все дома, — и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «Что будет?» Всё поглядывает вверх. Звёзды вид-

ны, а месяц ещё не всходил. Мулла прокричал, затихло всё. Стал уже Жилин дремать, думает: «Побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась, глянул кверху — шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползёт в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил — шест здоровый. Он ещё прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх: звёзды высоко в небе блещут; и над самой ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет:

— Иван, Иван! — А сама руками у лица всё машет, что «тише, мол».

— Что? — говорит Жилин.

— Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

— Ну, Костылин, пойдём, попытаемся последний раз; я тебя подсажу.

Костылин и слушать не хочет.

— Нет, — говорит, — уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться нет сил?

— Ну, так прощай, — не поминай лихом. — Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать, полез. Раза два он обрывался — колодка мешала. Поддержал его Костылин, — выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху изо всех сил, сама смеётся.

Взял Жилин шест и говорит:

— Снеси на место, Дина, а то хватятся, — прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошёл. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать.

А замок крепкий — никак не собьёт, да и неловко. Слышит — бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «Верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

— Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, — ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит — налево за горой зарево красное загорелось, месяц встаёт. «Ну, — думает, — до месяца надо лощину пройти, до лесу добратся». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, — да надо идти.

— Прощай, — говорит, — Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина, шарит по нём руками, ищет, куда бы лепёшки ему засунуть. Взял он лепёшки.

— Спасибо, — говорит, — умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? — И погладил её по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте слышно — монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошёл

по дороге — ногу волочит, а сам всё на зарево поглядывает, где месяц встаёт. Дорогу он узнал. Прямоком идти вёрст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешёл он речку; побелел уже свет за горой. Пошёл лощиной, идёт, сам поглядывает: не видать ещё месяца. Уж зарево посветлело, и с одной стороны лощины всё светлее, светлее становится. Ползёт под гору тень, всё к нему приближается.

Идёт Жилин, всё тени держится. Он спешит, а месяц ещё скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор — бело, светло, совсем как днём. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам: как вымерло всё. Только слышно, внизу речка журчит.

Дошёл до лесу — никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепёшку съел. Нашёл камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошёл по дороге. Прошёл с версту, выбился из сил — ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится.

«Нечего делать, — думает, — буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветёт, лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шёл. Только попались два татарина верхами, да Жилин издалека их услышал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошёл. «Ну, — думает, — ещё тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошёл тридцать шагов, видит — лес кончается. Вышел на край — совсем светло; как на ладонке перед ним степь и крепость, и налево, близёхонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется, и люди у костров.

Вгляделся — видит: ружья блестят — казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошёл под гору. А сам думает: «Избави Бог тут, в чистом поле, увидит конный татарин; хоть близко, а не уйдёшь».

Только подумал — глядь: налево, на бугре, стоят трое татар, *десятины* на две. Увидали его — пустились к нему. Так сердце у него и

оборвалось. Замахал руками, закричал что
было духу своим:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши. Выскочили казаки верховые. Пустились к нему — наперерез татарам. Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары — не доезжаючи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам. Окружили его казаки, спрашивают: кто он, что за человек, откуда? А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

— Братцы! братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним всё дело было, и говорит:

— Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костыли-

на только ещё через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

Словарь

Рассказы Льва Николаевича Толстого написаны во второй половине XIX века.

В этой книге старая орфография в основном сохранена. Некоторые слова уже не используются.

Ниже мы предлагаем читателю непонятные слова в алфавитном порядке и каждому из них даём краткое объяснение.

Аршин — старая мера длины, 0,71 м.

Аул — татарская деревня. (Примеч. Л. Н. Толстого).

Берейтор — специалист, который объезжает, т. е. приручает, воспитывает лошадей и учит детей и взрослых верховой езде.

Брыла — отвислые губы у собак.

В жнитво — во время жатвы.

Великим постом — время перед Пасхой, когда православным положено поститься и молиться.

Верста — старинная мера длины, чуть

больше километра.

Вершок — старая мера длины в России, около 4,6 см. «Сам с вершок», т. е. очень маленький.

Волхв — чародей, предсказатель, колдун у древних славян.

Высожары — созвездия Большой и Малой Медведицы.

Грядки — здесь: две продольные жерди сверху и снизу, образующие боковые края кузова телеги.

Гужочки — кожаные петли в хомуте, которыми прикрепляются оглобли к упряжке.

Дани-выходы — подати, налоги.

Десятина — здесь десятая часть версты, 100 метров.

До пабедья — около полудня.

Есмь — так звучал в старину глагол есть («Я есть Микула»).

Задняя рука — у обезьян четыре руки. (Примеч. Л. Н. Толстого). Речь идёт о задней

лапе.

Зеленя — всходы хлебов, главным образом, озимых.

Золотник — старинная мера веса, около четырёх граммов.

Изотчество — отчество.

Иструб — (сруб) срубленная вчерне изба, без крыши.

Катит благим матом — здесь в смысле несётся напролом.

К ладушка — небольшой, круглый стожок.

Колодники — арестанты, у которых на ноги надеты деревянные колодки, чтобы они не могли убежать.

Комлыжки — комья земли.

Конник — лавка для спанья с подъёмной крышкой.

Корда — верёвка, для того чтобы по кругу гонять лошадей. (Примеч. Л. Н. Толстого).

Коты — женские полусапожки, ботинки.

Кресла в санях — кузова для различной клади.

Крупорушка — мельница.

Ланчук — молодой олень. (Примеч. Л. Н. Толстого.)

Ледянка — кусок льда, на котором катались с горок.

Лещиновые кусты, лещина — лесной орешник.

Лом, ломака, ломыга — так в народе прозвали медведя за то, что он мог сломать (убить) человека.

Лучина — тонкая щепка для освещения избы.

Матёрый — то же, что и матёрый, — плотный, крепкий, уже не юный, а взрослый, достигший зрелого возраста.

Машина — так называли железнодорожные поезда.

Мекка — священный город мусульман.

Мечеть — мусульманская церковь.

Миткаль — хлопчатобумажная ткань.

Молонья — молния.

Мордашка — так во времена Л. Н. Толстого называли бульдога.

Мулла — мусульманский священник.

На десятину места — здесь на расстоянии в десятую часть версты.

На лошадь места — на расстояние, равное корпусу лошади.

На Святой — имеется в виду — в дни недели Святой Пасхи. «На Святой да на Благовещенье солнышко на восходе играет», — гласила народная пословица. Время Святой приходится на весну.

Наземь — на землю, на пол.

Ногаец, ногойцы — один из народов Дагестана.

Обжи — оглобли и рукоятки у сохи.

Одноколка — двухколёсный экипаж.

Озимями — то же, что и озимые. Озимые — растения, которые высеваются осенью и зимуют под снегом до весны.

Оскрётки — обломки, щепки.

Острог — так в старину называли тюрьму.

Отдувать — вздуваться.

Охлепью — без седла.

Палица — лопаточка, которой отваливали

землю, когда пахали.

Панёва — женская шерстяная юбка, которую носили крестьянки.

Паровик — то же, что и паровоз.

Перекладная — перекладные — экипажи, в которых заменяли лошадей на почтовых станциях. На перекладных путешествовали наши предки.

Перст — палец.

Петровки — Петров день, старинный русский праздник, отмечался 12 июля.

Печенеги — древние кочевые народы.

Под лытки — под коленки.

Подённая работа, подёщица — тяжкий труд, оплачиваемый по дням.

Полу бугор — небольшой пригорок.

Праховый — рассыпчатый, от слова прах.

Пуд — старинная русская мера веса, равная 16,3 кг. «Годовичок-пудовичок» — крепкий малыш годовалого возраста.

Распояска — одежда, платье без пояса.

Распу́калка — цветочная почка.

Рассолодел — распарился, расслабился.

Ре́пица — основание, самая толстая часть

ХВОСТА.

Рушалка (от «рушать» — делать рыхлым) — мельница для обдирки крупы.

Сажень — мера длины, более двух метров. «Косая сажень в плечах» — так обычно характеризовали могучих богатырей.

Сакля — жилище в горах.

Сан-готардская собака — старинное название сенбернара.

Сворохнется — тронется с места.

Свясла — соломенные жгуты, чтобы вязать снопы. (Примеч. Л. Н. Толстого).

Секач — двухгодовалый кабан с острым незагнутым клыком. (Примеч. Л. Н. Толстого).

Сернички — серные спички.

Сметы нет — цены нет.

Сошник — острая, режущая часть сохи, плуга.

Субои — снежные сугробы.

Сугоною — позади, вдогонку.

Татары — во времена Л. Н. Толстого так называли все горские народности Кавказа, которые исповедовали мусульманскую веру.

Тесинка — тонкая доска.

Тюря — блюдо, которое готовится из крошёного хлеба, смешанного с квасом или водой. Тюрю подсаживали, добавляли в неё лук.

Урослая — вросшая.

Фунт — старинная русская мера веса, чуть меньше половины килограмма. В старой России было принято покупать не на килограммы, а на фунты. Фунт конфет, фунт сахара.

Четверть — здесь четверть аршина.

Чугунка — так называли железную дорогу.

Чупрун — старинная женская крестьянская одежда из белого сукна в виде кафтана, перехваченного в талии.

Шепталы — персиковые деревья.